

АЛЕКСАНДР СМИРНОВ

БЕЗДНА И
ЛАНСЕЛОТ

Городская проза

Александр Смирнов

Бездна и Ланселот

«Издательство АСТ»

2019

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Смирнов А. В.

Бездна и Ланселот / А. В. Смирнов — «Издательство АСТ»,
2019 — (Городская проза)

ISBN 978-5-17-114623-8

Трагическая, но, увы, обычная для войны история гибели пассажирского корабля посреди океана от вражеских торпед оборачивается для американского морпеха со странным именем Ланселот цепью невероятных приключений. В его руках оказывается ключ к альтернативной истории человечества, к контактам с иной загадочной цивилизацией, которая и есть истинная хозяйка планеты Земля, миллионы лет оберегавшая ее от гибели. Однако на сей раз и ей грозит катастрофа, и, будучи поневоле вовлечен в цепочку драматических событий, в том числе и реальных исторических, главный герой обнаруживает, что именно ему суждено спасти мир от скрывавшегося в нем до поры древнего зла. Но постепенно вдумчивый читатель за внешней канвой повествования начинает прозревать философскую идею предельной степени общности. Увлекая его в водоворот бурных страстей, автор призывает его к размышлениям о Добре и Зле, их вечном переплетении и противоборстве, когда порой становится невозможным отличить одно от другого, и так легко поддаться дьявольскому соблазну.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-114623-8

© Смирнов А. В., 2019
© Издательство АСТ, 2019

Содержание

Пролог	7
Часть I	10
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Александр Смирнов

Бездна и Ланселот

*Ах, не вернись ты ко мне,
Мой рыцарь Ланселот.
Не хочешь, рыцарь, знать,
Что тебя Элейна ждёт...*

из «Старинной французской песенки»

© Текст. Смирнов Александр, 2019

© Оформление. ООО «Издательство АСТ»

Пролог Русское чудо

Погода в Геленджике, хотя он и считается в России курортом, в феврале 1995 года к отдыху на пляже явно не располагала. Температура воды в Черном море в это время – самая низкая в году, погода стоит пасмурная, небо затянуто серыми тучами. Расположенное на Толстом мысу бежевое в полоску трехэтажное здание Центральной геофизической экспедиции «Южчерноморгеология», несмотря на то что его фоном служил живописный пейзаж кавказских предгорий, накрытое сетью мелкого дождя, выглядело невзрачным и скучным. В кабинете заместителя директора экспедиции Игоря Желябова находились еще трое: главный геофизик Олег Пивоваров, Георгий Шеринский, капитан геофизического исследовательского судна, и невысокий упитанный крепыш, своими манерами поведения напоминавший американца, которым он, собственно, и являлся. Желябов представил его своим сотрудникам, которых он специально пригласил по этому случаю, как Пола Тивела, специалиста по поиску затонувших морских сокровищ.

– Вот, товарищи, мистер Тивел специально прилетел из Америки, чтобы предложить нам заняться затонувшими кораблями, вернее, кораблем, а если еще точнее, то подводной лодкой, которая погибла в конце войны, – улыбаясь, сообщил Желябов по-английски, поскольку его подчиненные – ученый и моряк – хорошо владели этим языком. – Но, наверное, будет лучше, если он сам сейчас расскажет нам все детали.

– Да, конечно, – живо откликнулся американец. – Джентльмены, если позволите, я перейду прямо к делу. Предстоит найти в океане, на значительной глубине – вероятно, более пяти тысяч метров, старую японскую подлодку, которая была потоплена военно-морскими силами Соединенных Штатов пятьдесят лет назад и не имеет точных координат места своего нахождения. Не стану скрывать, сначала я обратился в американские и европейские компании, специализирующиеся на подводных исследованиях, потому что полагал, что России в ее нынешнем неблестящем экономическом положении не до передовых технологий. Однако скоро выяснилось, что я ошибался, и такой совершенной глубоководной техники, как у вас, сегодня нет ни у кого. Особенно меня интересует низкочастотный гидроакустический комплекс МАК-1. Вы много лет плавали с ним по морям и накопили огромный опыт работы. Так что вы мне подходите. Сразу скажу, что начинать надо без промедления, крайний срок – конец марта.

– Вы не сказали, в какой точке должны вестись работы, – заметил капитан Шеринский.

– Как это, кажется, говорят у вас, русских? «Каждый овощ должен созревать в свое время», Георгий, – несколько фамильярно ответил капитану американец. – «All in good time». Надеюсь, вы понимаете, что пока я не вправе разглашать эту информацию. Я смогу сообщить ее только тогда, когда мы будем в море, и то не сразу. Пока достаточно того, что экспедиция называется «Восходящее солнце». Причем нам сначала придется зайти на тренировочный полигон для апробации сонарного оборудования и системы обработки данных. Конечно, это будет оплачиваться особо. Если ваша техника работоспособна, я скажу, куда идти дальше. Попутно на судно надо будет взять в одном из портов мою рабочую группу.

– Понятно. Если срок начала работ – не позднее конца марта, то, значит, где-то в конце мая – июне время уже неподходящее, то есть там начинаются ураганы, да? А следовательно, это, скорее всего, зона «восточных волн», что идут из Сахары, и вызываемых ими тропических циклонов в Северной Атлантике, от Кабо-Верде до Кариб, – весело заявил Шеринский и тут же понял, что угодил точно в цель, потому что американец при этих его словах чуть не поперхнулся местной минералкой, которую только что любезно предложил ему хозяин кабинета.

– А какие ценности могут быть на борту лодки? – попытался развить тактический успех главный геофизик Пивоваров. – И какова будет наша доля, если мы их найдем?

– Там должно быть золото, – откашлявшись, уже более откровенно признался Тивел. – Я вижу, к чему вы клоните, Олег, но золото, если, конечно, оно еще там, юридически принадлежит японцам, поэтому тот, кто его поднимет, получит только положенное в таких случаях кладоискателям вознаграждение, и то не сразу. К сожалению, речь не идет о выделении доли от него подрядчикам, если только вы не согласитесь принять участие в финансировании всего этого проекта как партнеры, то есть прямо сейчас внеся в кассу несколько миллионов долларов. У нас говорят: «Кто платит бумагу, тот заказывает и вольнку». Но я видел в порту ваше судно, оно покрыто ржавчиной, давно не крашено и явно переживает не лучшие времена. Без обид, парни, но я думаю, что в такой ситуации вы вряд ли сможете предложить мне равноправное партнерство. И потом... Я давно занимаюсь этим бизнесом, и можете мне поверить: в таких делах босс всегда тот, у кого за пазухой спрятана старая пиратская карта с заветным крестиком. А она есть только у меня. Так что сейчас я могу гарантировать вам лишь хороший гонорар – в разумных пределах – за хорошую работу по аутсорсингу. В полновесных американских долларах. К слову сказать, я открыл аккредитив в русском банке, так что готов перечислить вам аванс хоть сегодня.

Его собеседники некоторое время хранили молчание. Американец не только сравнивал счет, но и вырвался на два корпуса вперед.

– Конец марта – это скоро, – наконец задумчиво произнес Шеринский. – И вы правы, Пол, судно и оборудование к такому рейсу надо серьезно готовить. Отыскать затонувший корабль в океане намного труднее, чем иголку в стоге сена. Чтобы провести поиски такого объекта, надо обеспечить точность работы всего коллектива и поисковой техники так, что это сравнимо с настройкой эталона времени.

– И все-таки, почему такая спешка? Кто-то еще претендует на клад? – не желая окончательно сдаваться, спросил директор Желябов и, глядя на американца, лукаво прищурился.

– Разумеется, – не моргнув глазом, ответил Тивел. – У меня по пятам идут англичане. Но конкуренты есть не только у меня, но и у вас тоже. Вам известно такое имя – доктор Анатолий Сагалевич?

– Конечно, это заведующий лабораторией глубоководных обитаемых аппаратов Института океанологии Российской академии наук, – без запинки отрапортовал Желябов.

– Точно, и у него есть отличное исследовательское судно – «Академик Мсти-слав Келдыш», – морща от усердия лоб, по слогам выговорил американец трудное название. А еще у них там, в этом институте, имеются шеститысячники «Мир», которые наш американский Центр развития технологий недавно признал лучшими в мире. Так вот, я знаю, что англичане тоже ведут с ним переговоры об участии в поисках этой подлодки. Поэтому я и прошу вас принять решение немедленно. В общем, как у вас говорят, «не тащить кога за усы».

– За хвост, Пол, кога не надо тащить за хвост. За усы не рекомендуется хватать тигра... Да, вы правы, Сагалевич – мужик серьезный, – выдал из себя Пивоваров. – Не хотелось бы отдавать первенство в этом деле вот так, за понюх табаку. Хотя... все равно придется с ним сотрудничать. Если, как вы говорите, глубина там большая, то без «Миров» груз вряд ли поднимешь. Но найти его быстрее и проще будет именно с нашим оборудованием.

– Со временем мы, возможно, привлечем и тигра, то есть вашего Сагалевича, – заметил Тивел. – Пусть пока продолжает снимать кино с ИМАХ и Кэмероном. Кстати, они с Джимом собираются этим летом начать работу над новым фильмом о «Титанике», где-то в районе Галифакса. Так что в случае чего «Кел-дыш» уже будет под рукой.

При этих словах русские понимающе между собой переглянулись, ибо Галифакс расположен именно в Северной Атлантике. Сказав это, Тивел, несомненно, признал за ними право

на часть закрытой информации, и это, по-видимому, означало, что он еще раз протягивает руку партнерам в знак своего особого доверия, более того, уверен в их положительном решении.

– Хорошо, Пол, нам над вашим предложением надо немного подумать, кое с кем посоветоваться, – подытожил Желябов, для солидности прихлопнув ладонью по столу. Завтра мы дадим ответ. Утром я вам позвоню.

– Что ж, посоветуйтесь, – широко улыбнулся Тивел. – Я вижу, вы все еще немножко живете в Стране Советов, хотя во всем остальном вам не откажешь.

Часть I

Золото микадо

Сегодня океан наконец почти успокоился. Большие волны, которые еще вчера, как щепку, бросали корабль, смирились и утихли. Над чистым горизонтом как ни в чем не бывало встало солнце и принялось усердно взбираться на свою невидимую небесную горку. Интересно, почему всегда, когда самое трудное позади, но никак не раньше, природа становится эдаким ласковым пушистым созданием, прячущим в своих мягких лапах острые когти, которыми она только что брала вас за самое горло?

Корабельное утро. Для американцев оно всегда начинается с чашки крепкого кофе и сигары на баке. Они старательно осваивают трудный чужой язык, приветствуя членов экипажа судна на ломаном русском. Те пытаются отвечать на английском, иногда еще более коверканном. Однако, несмотря на это, все друг друга прекрасно понимают. Американцы все больше спрашивают про русскую мафию и медведей, а русские смеются и говорят, что лично никогда не видали ни первого, ни второго. Они в свою очередь интересуются жизнью в Америке и почему-то уверены, что там жуткая безработица и сплошное притеснение чернокожих. Впрочем, некоторые русские спецы вполне сносно владеют английским.

– Доброе утро, мистер О’Нил, – помахал приветственно рукой, пробегая мимо, русский инженер Валерий с труднопроизносимой фамилией Казачков, а может, Козаченко, что, впрочем, ничуть не мешало ему прекрасно руководить технической частью проекта.

– Хелло, Валерий, – ответил, сидя в шезлонге, поставленном на верхней палубе, седовласый старик. – *Кэк ди-э-ла?* – добавил он на ломаном русском.

– Нормально, сегодня море спокойное, так что скоро начнем готовиться к погружению в районе залегания корпуса лодки и разброса обломков, который вчера оконтурила видеосъемка. Нам сказочно повезло, что она зацепилась за выступ скалы и не свалилась ниже, – ответил тот по-английски и продолжил свой путь.

– Обломки... – размышлял старик, которого все звали здесь Фред О’Нил. – Сколько же они там пролежали? Больше полувека. Мир наверху за это время успел сильно измениться, наполнившись совсем другими людьми. Но суть человека – душа, которая куда-то исчезает со смертью; вещи же не умирают, а остаются холодными, болезненными осколками прошлого в теле настоящего. Но ведь реально может существовать только настоящее. Прошое же в настоящем гротескно, а потому их противостояние опасно. В этом, наверное, и состоит вечный трагизм бытия. Оно, как змея, кусающая себя за хвост. Вот и старая подлодка с переломленным хребтом, но по-прежнему начиненная смертью, все еще лежит на каменном дне и как будто ждет своего часа.

Кажется, операция «Восходящее солнце» идет к финалу. Тивел всегда добивается успеха. Имя «счастливчика Пола», морского кладоискателя, давно сделалось известным, а его экспедиции стали сенсациями. О нем пишут много всяких небылиц: будто он ищет на древних галеонах вовсе не золото, а эликсир бессмертия; знает с нечистой силой и получает сведения о местах, где затонули корабли, прямо от душ погибших на них моряков. А в одной американской газете написали, что он потому так необыкновенно удачлив, что сам плавал на этих кораблях и, вообще, был знаком с Черной бородой, а может, это он сам и есть. И в то время, когда все порядочные люди, чтобы понять, что и где искать, годами пропадают в архивах, корпя над пыльными бумагами, или гоняются по аукционам за древними картами, Пола там не застать. Он просто знает, и все. Ну конечно, если бы не черт или мафия, кто бы еще помог ему выудить откуда-то команду ненормальных русских, которые вместо того, чтобы качать нефть, пилить лес и пить водку из самовара, волками рыщут по морям, видя на дне все, что плохо лежит.

Пол осторожничает, конкурентов хоть отбавляй. Они идут за ним следом – хотят перехватить его удачу. Вот недавно рядом долго маячило какое-то подозрительное английское судно. Поэтому, прежде чем прийти на место, Пол запустил экспедицию по большому кругу. Еще в марте из Черного моря вышло русское судно, нанятое им с экипажем и командой ученых. Через Босфор оно прошло в Средиземное море, через Суэцкий канал – в Индийский океан, затем пересекло Тихий. В Калифорнийском заливе опробовали сонары и систему обработки данных. Потом, убедившись, что техника русских работает как надо, через Панамский канал вышли в Атлантику. На Барбадосе, в Бриджтауне, на борт поднялась команда Тивела из двенадцати человек, и мы двое: я и Джейн, которую сейчас все зовут тут Дорис. Никто, кроме Пола, не знает, кто мы и какую роль играем в этой экспедиции. Впрочем, и нам не очень известно, кто такой Пол. Он сам отыскал нас с Джейн, что было нетрудно, так как мы с ней давно уже создали небольшую компанию, которая объявила своей целью поиск этой же подводной лодки. Пол просто предложил нам не конкурировать, а объединить усилия и деньги. Он хочет поднять со дна японское золото. Ни о чем другом он, конечно, не догадывается. Вообще, всей правды, слава богу, здесь не знает никто, кроме меня и Джейн, и не должен ее узнать. Все уверены, что мы ищем золото. Пусть и будет так.

Приказ приступить к поисковым работам Тивел отдал неожиданно, после того как все уже отчаялись бороздить океан. Команда почти две недели пребывала в страшном напряжении, прилипнув к сонарам и мечтая увидеть на сонограмме хоть тень субмарины. Обследовали десятки квадратов, день шел за днем, но ничего не происходило. Многие заговорили, что надо прекращать поиски. Но, видно, богиня Фортуна, прежде чем повернуться к тебе лицом, сначала показывает менее принятые для демонстрации публике части тела. Когда пик нервного напряжения был пройден и наступало разочарование, второго мая на самом последнем профиле, полученном по координатам, извлеченным из старой карты Тивела, на которой некоторые успели заметить знак свастики и готические немецкие буквы, появилась длинная черточка, похожая на сигару. Сомнений почти не осталась – это та самая субмарина, которую никто не видел уже полвека. Причем лежала она не на глубине двух с половиной – трех миль, как предполагалось раньше, а совсем близко, в каких-то ста шестидесяти ярдах от поверхности, на самом краю горизонтального выступа подводной горы. Уныние сменилось всеобщим ликованием. Все жаждут продолжить работу. Теперь пришел черед подводного фотокомплекса «Нептун». У русских отличная аппаратура, хотя и неавтономная, и ее пришлось буксировать за кормой на расстоянии в две-три мили с помощью шестнадцатитонной лебедки. Это была тонкая работа. Валерий, с которым он только что поздоровался, руководивший у русских ученых всей научно-технической частью, сам сел за пульт управления и умудрился филигранно провести аппарат в каких-то десяти футах над объектом, в кромешной тьме, которая даже на такой относительно малой глубине абсолютна, не зацепив за корпус, и с помощью вспышек заснять его, передав информацию по кабелю наверх. И вот пятого мая в 02:03:03 по Гринвичу на экранах мониторов появилось четкое изображение. Боже мой, это была она! Я узнал ее сразу, как будто покинул вчера. Джейн, стоявшая за моей спиной и напряженно следившая за экраном, нервно вскрикнула. Субмарина покоилась на уготованном для нее гладком каменном ложе, на самом краю подводного плато, отвесно обрывавшегося в глубокую пропасть. Внешне она почти не изменилась, если не считать бурого налета ржавчины, покрывавшего весь ее нескончаемо длинный корпус, постепенно извлекаемый из тьмы светом прожекторов. На каменистом дне рядом с лодкой все еще валялись куски металла, трубы, вентили, куски, похожие на эбонит аккумуляторных батарей, какие-то лоскуты ткани, даже круглые очки в металлической оправе и один форменный японский погон. Наконец поток электрического света обнажил в левом борту большую пробоину, рваные края которой были уродливо выгнуты наружу. А из вспоротого чрева лодки на дно океана ниспадал сияющий водопад из множества металлических брусков. Такое впечатление, что субмарина истекала золотой кровью. В лучах прожекторов слитки

переливались и искрились, будто торопились наверстать время, потерянное для их дерзостной красоты в темной океанской могиле.

О, это было настоящее чудо! Судно огласилось восторженными криками на двух языках. Американцы и русские смеялись и обнимались, горячо поздравляя друг друга, как будто между ними никогда и не было холодной войны. Итак, завтра в воду спустят трал и глубоководный колокол, который доставит на дно водолазов, они погрузят и поднимут наверх золото и вообще все ценное, что найдут на борту. Так решил Пол. Он уверен в успехе.

– Но это, – говорил себе О’Нил, – мы еще посмотрим, по ком будет звонить колокол. Пусть мертвые хоронят своих мертвецов.

Сидя в шезлонге, старик прикрыл веки. Он не спал, хотя перед его внутренним взором оживали картины прошлого, странные, как сон, так что уже было невозможно определить, что было на самом деле, а что воссоздано воображением.

* * *

Декабрь в Микронезии выдался на редкость знойным. Даже после захода солнца воздух над океаном оставался горячим и неподвижным, с иссиня-черного неба глядели в воду крупные звезды, а корабельный форштевень нехотя раздвигал темную маслянистую воду, беспокоя чужеродным звуком тихий сон тропической ночи. «Принцесса Елизавета» – недавно сошедший со стапеля фешенебельный четырехтрубный пассажирский лайнер – совершала свой первый рейс, выйдя рано утром 1 декабря 1941 года из австралийского Сиднея и имея своей конечной целью порт Гонолулу на Гавайях.

Океанские корабли – это плавучие города, которые не знают сна. Правда, днем на их палубах пустынно и тихо, а временное население отдыхает от истинной ночной жизни, которая начинается только с заходом солнца и продолжается до самого утра, но на капитанском мостике, в машинном отделении и многочисленных судовых службах кипит напряженная скрытая работа, которой достигается этот внешний покой. Однако стоит последним лучам солнца зажечь багряный пожар на широких окнах корабельных надстроек, как, дерзко бросая вызов слабеющему светилу, разом вспыхивают огни многочисленных салонов, ресторанов и казино, стремительно наполняющихся состоятельной публикой.

На верхней палубе царило особое оживление. Лоуренс М. Джадд, американский политик, недавно ставший губернатором самоуправяемой территории Гавайи, завершал свой вояж в Австралию, куда он сразу после назначения нанес первый деловой визит. В главном салоне был накрыт пышный стол, на котором между высокими букетами из белых лилий, источавшими терпкий пьянящий аромат, краснели огромные лангусты, достойные кисти фламандцев, на прозрачных горках мелкого льда ждали гурманов свежайшие кремовые устрицы, а в хрустальных вазах теснились груды экзотических фруктов. По залу сновали, лавируя между гостями, одетые в белые ливреи официанты; они ловко балансировали серебряными подносами, уставленными бокалами с шампанским. На столах, сдвинутых к краю салона, покрытых крахмальными скатертями и украшенных гавайскими цветочными леями, выстроился батальон из широких тяжелых стаканов, готовых принять в свое прохладное чрево темную влагу рома и виски.

На раут помимо политического штаба губернатора были приглашены присутствующие на корабле в качестве пассажиров американцы – крупные сахарные магнаты и офицеры морской пехоты, которые следовали на военно-морскую базу Апра-Харбор на острове Гуам, несколько американских дипломатов, направлявшихся с семьями в отпуск, – а также французский консул на Гавайях с супругой и два японских офицера, по-видимому военных атташе, по какой-то лишь им известной причине оказавшихся на борту «Принцессы Елизаветы».

Собравшееся общество имело внушительный вид. Огни люстр искрились на лацканах черных смокингов и мехе дамских горжеток, по паркету тихо шуршали туфли из дорогой тонкой кожи. Золотые позументы на парадной вечерней форме морских пехотинцев, накладки на наконечниках ножен и крестообразных гардах их традиционных «мамлюкских» сабель составляли мужественный фон для изящного, усыпанного изумрудами и бриллиантами золота дамских коле. Под стать этой раззолоченной публике был и блестящий медными духовыми бигбэнд, который неторопливо наигрывал модные свинги Гленна Миллера и как раз начал исполнять очередной популярный мотив из «Серенады солнечной долины», когда в зал в окружении нескольких человек стремительным шагом вошел губернатор и, обмениваясь короткими приветствиями, рукопожатиями и улыбками со своими знакомыми из собравшейся публики, направился к возвышению, устроенному в глубине зала. Он уже давно разменял шестой десяток, но выглядел весьма молодо. Высокий и стройный, в безукоризненном смокинге, с тщательно уложенной копной обильно покрытых сединой густых волос, которые нередко встречаются у коренных американцев на западе континента, Лоуренс М. Джадд мог разом сойти и за голливудскую кинозвезду, и за главу клана мормонов, и за отпрыска старинной аристократической фамилии. Молодцевато взбежав на подиум, он подошел к установленному там микрофону, музыка сразу же стихла.

– Дамы и господа, Алоха Оэ! – воздев руки, что давало ему возможность продемонстрировать великолепные бриллиантовые запонки, произнес он традиционное гавайское приветствие. Раздались аплодисменты. – Я благодарю вас всех за то, что согласились почтить своим вниманием этот скромный прием, который мы организовали, чтобы лучше познакомить вас с тем, что мы делаем и что намерены сделать в будущем. Вы, наверное, в курсе, что я представляю Гавайи – самоуправляемую территорию Соединенных Штатов Америки, этот благословенный Господом мир, раскинувшийся посреди Великого океана. От Америки и Азии его отделяют тысячи миль, и некоторые называют нас краем света. Можно сказать и так, но можно и иначе: Гавайи – это то, что соединяет Америку, Азию и, конечно же, всю Океанию! Для Америки эти острова – дальний Восток, для Востока – крайний Запад! В некотором смысле мы – аванпост цивилизации, несущий культуру, просвещение и прогресс другим народам, которые были обделены в своем развитии. Рассказывают, что когда белый человек впервые пришел на острова, он увидел там голого туземца, который безмятежно лежал на песочке под пальмой, покуривая трубку. «И долго ты так бездельничаешь? – спросил его белый человек. – Почему бы тебе не встать, взять снасти, наловить рыбы, продать ее, вместо маленького каноэ купить себе большую лодку, чтобы поймать еще больше рыбы, снова продать, а потом разбогатеть!» «А зачем мне богатеть?» – удивился абориген. «Ну, чтобы, когда ты состаришься, иметь возможность не работать и наслаждаться жизнью». «Но я ведь и так ничего не делаю и уже теперь наслаждаюсь жизнью, зачем же мне ждать старости?» – рассмеялся тот. Вот так считал этот глупый туземец! Мы же видим нашу миссию в том, чтобы дать коренному населению островов даже не рыбу, а хорошую удочку, то есть возможность проявить себя всем тем, кто в этом не преуспел, но кто в этом нуждается. Я не расист, и мы все любим наших канака. Когда-нибудь на Оаху или Мауи мы создадим заповедник нетронутой полинезийской культуры, собрав в нем представителей всех островов: от Новой Зеландии до Гавайев. Пусть они там поют и танцуют, радуя себя и туристов со всего света. Но в то же время мы верим, что человек пришел в этот мир не затем, чтобы пассивно его созерцать, бездельничая, так сказать, под благостной сенью. Нет! Ему предначертано, проявив неустанную энергию и предприимчивость, своим каждодневным упорным трудом овладевать силами природы, поставить их себе на службу, заставив дать ему все, что он пожелает, и крутить, крутить все сильнее маховик прогресса. Мы верим, что именно в этом состоит божественное предназначение человека. У нас говорят, что бывает два типа гавайцев – тот, в ком течет гавайская кровь, и тот, в груди которого бьется сердце гавайца. Мое гавайское сердце сегодня стучит как мотор. Господь создал Гавайи так, что они – един-

ственный транспортный узел на востоке Тихого океана, через который идут пути, соединяющие США и Канаду с Японией, Китаем, Филиппинами, Австралией и Новой Зеландией. Уже сегодня у нас есть Перл-Харбор – крупнейшая гавань, которую мы расширили и углубили и которая уже теперь способна принять одновременно десятки торговых и военных кораблей. А скоро рядом с ней появятся новые верфи, торговые биржи, супермаркеты, роскошные отели и рестораны. Я верю, недалек тот день, когда Гавайи станут полноценным американским штатом, и, возможно, когда-нибудь здесь родится новый президент США! Мы ждем в гости к нам всех, начиная с Австралии и кончая Японией! Естественно, только с мирными намерениями. Алоха Оэ, друзья! А теперь прошу вас, не стесняйтесь, танцуйте, угощайтесь, в общем, наслаждайтесь жизнью, ибо она хоть и прекрасна, но коротка. Да пребудет с нами Бог!

Тут же на подиуме появились две улыбочивые молодые гавайки в ярких саронгах, возложившие на плечи мистера Джадда красочные цветочные леи, и под бурные аплодисменты публики он стал спускаться вниз и почти уже сделал это, когда слегка споткнулся на последней ступени, но тут же постарался сгладить неприятный эффект, сделав рукой неопределенный, как бы извиняющийся жест и подарив публике белозубую американскую улыбку.

– Не очень-то хороший знак, – произнес солидный господин в золотом пенсне, обращаясь к своему спутнику – молодому лейтенанту морской пехоты. – Вообще, – продолжил он, любуясь на просвет рубиновым цветом вина в своем бокале, – политик на корабле еще хуже, чем женщина, хотя и женщин здесь тоже предостаточно.

– Позвольте с вами не согласиться, мистер Томпсон, по крайней мере в отношении женщин, – слегка улыбнулся в ответ офицер. – Они представляют опасность лишь на военном судне, здесь же мы вполне защищены от их чар Женевскими конвенциями.

Эти двое познакомились на судне за партией в преферанс. Мистер Персиваль Томпсон оказался преуспевающим финансистом из Сан-Франциско, куда возвращался из Австралии, где решал какие-то важные денежные вопросы. Он относился к тому редкому типу людей без возраста, которым одинаково можно дать и тридцать пять, и пятьдесят лет – в зависимости от обстоятельств. Сразу было видно, что наблюдение за своей внешностью занимало в его жизни немалое место. Гладкая, розоватого цвета кожа округлого лица, черные, аккуратно постриженные темные волосы и небольшие усы, на славу ухоженные, словно вырезанные из слоновой кости ногти – все это делало его если не красавцем, то вполне экстравагантным и приятным господином. Немного портила первое впечатление некоторая полнота, однако лишней вес вовсе не мешал ему двигаться уверенно и ловко, а отлично сшитый, идеально сидевший на фигуре костюм делал его даже элегантным. Во всяком случае, старым или пожилым назвать мистера Томпсона было нельзя. Судя по тому, что за картами он быстро сделал каждого из своих партнеров беднее на двести долларов, с финансами он управлялся довольно непринужденно. Несмотря на свою внушительную комплекцию и серьезные деловые интересы, Томпсон был подвижен, весел и вообще производил впечатление истинного бонвивана. Напротив, молодой лейтенант, которому на вид можно было дать лет двадцать пять, выглядел более серьезным. Было заметно, что он не привык к такому блестящему обществу и потому чувствовал себя несколько скованно. Положение отчасти спасал его синий мундир и театральная сабля на боку, на рукоять которой он красиво положил руку в белой шелковой перчатке. Картину дополняли густые, слегка вьющиеся темные волосы и большие синие глаза на приятном, мужественном лице, так что успех у дам был ему обеспечен.

– Спасибо, что наша доблестная армия может встать на защиту слабого пола, – вдруг произнес рядом чуть хрипловатый женский голос, принадлежавший, как оказалось, зрелой и значительной даме в колье из крупного черного жемчуга. – А то я уж думала, что мистер Джадд всех совсем заболтает, потчuya нас бородами анекдотами. Не знаю, уговорил ли он кого-нибудь поехать на его расчудесный остров, но половина джентльменов после блестящей губернаторской речи сразу же побежала в курительную комнату, – с усмешкой сказала она, слегка

махнув рукой, в которой был зажат стильный эбонитовый мундштук, снаряженный тонкой дымящейся сигаретой, потерявшей от ее движения накопившийся на кончике пепел и обнажившей свой маленький огненный глаз.

Надо сказать, что на корабле имела роскошная курительная комната, оформленная в истинных английских традициях, – своего рода мужской клуб, посещать который не воспрещалось и дамам, но это было, конечно, не принято. Тем более что тем немногочисленным представительницам прекрасного пола, которые решили предаться модному благодаря феминистскому влиянию занятию, дозволялось курить прямо в салоне. Но чтобы как можно меньше переносить в салон запах табака из неприступного бастиона мужских амбиций, входящие туда джентльмены, в угоду дамам, надевали специальные жилеты, которые снимали лишь перед выходом. Пепельницы в таком уважаемом месте не предусмотрены, ибо при курении сигар считается верхом неприличия стряхивать пепел с сигары; его плотный столбик должен выбирать подходящий момент для падения по своему собственному усмотрению. Поэтому он часто оказывается на костюме. Но с атласных лацканов смокинга пепел слетает легко, не оставляя следов.

– Бог с вами, дорогая миссис Андерсон, – игриво ответил толстяк, обнаруживая знакомство с ироничной дамой, – все бы вам злословить! Позвольте представить лейтенанта Ланселота. Мистер Ланселот, это миссис Андерсон – моя старинная знакомая из Сан-Франциско, страшно богатая дама и самый острый язычок от Фриско до самого Нью-Йорка. Так что будьте начеку!

– Ланселот? – немного удивленно переспросила миссис Андерсон. – Это характеристика ваших рыцарских качеств, юноша, или имя?

– Имя, с вашего позволения, мэм, – ответил Ланселот. – Так меня все зовут, видимо, мое первое имя воспринимается и как последнее.

– Хм, ну что же, имя хотя и редкое, зато известное и красивое, и я с удовольствием буду вас так называть.

– Кстати, заметьте, миссис Андерсон, – пришел на выручку лейтенанту Томпсон, – что мы с моим воинственным спутником храбро остались здесь, предпочитая аромату сигар хорошее вино и замечательное дамское общество. А потому, леди, не посыпайте нам раньше времени голову пеплом, а лучше цельтесь в смокинг, он все стерпит. Что же касается нашего гавайского губернатора, то я с ним полностью согласен. Честно говоря, мне импонируют его свежие полинезийские идеи, хотя он мудро и выдает себя за прогрессора, а не неокOLONиалиста, как-вым, без сомнения, и является. Ведь тот, у кого в кармане острова Микронезии, Полинезии и Меланезии, владеет и всем Тихим океаном, а у кого океан, тот заказывает и музыку, не правда ли, лейтенант? – не слишком ловко сострил он, обращаясь к морскому пехотинцу.

– Я не силен в музыке, сэр, – сказал лейтенант, – но я твердо знаю, что без суши вода так же бесполезна, как в бутылке бурбона, по крайней мере в военных целях.

– Bravo, лейтенант, – воскликнула миссис Андерсон. – Приятно, когда наши офицеры блещут не только храбростью, но и остроумием!

– Но только мы, американцы, не единственные, кто понимает всю будущую цену Полинезии, – заметил мистер Томпсон. – Кое-кто ревниво наблюдает за продвижением Штатов на Запад, и я подозреваю, что весьма скоро нас ожидает сюрприз на этом театре в виде каких-нибудь восточных сладостей. Кстати, кто-нибудь знает, что делают здесь эти сыны восходящего солнца? – добавил он, указывая глазами на японских офицеров, которые, стоя у окна, беспрестанно изображали традиционные улыбки и делали поклоны каждому, кто проходил рядом с ними. Оба они были одеты в белую летнюю форму с золотыми полосками и серебряными цветками сакуры на погонах, указывающими на воинское звание. На боку у каждого красовался кай-гунто – изогнутый морской меч в лаковых деревянных ножнах, с рукоятью, покрытой кожей черного ската.

– Боже мой, да они же вооружены до зубов, – воскликнула миссис Андерсон.

– По-видимому, это дипломатический корпус, – предположил Томпсон. – Им разрешено носить оружие.

– Мистер Ланселот, вы умеете владеть вашей золоченой саблей? – кокетливо спросила женщина, сделав притворно-испуганное лицо. – Если Япония объявит нам войну, я надеюсь укрыться за вашей надежной спиной.

– Не беспокойтесь, мэм, Япония никогда не осмелится напасть на страну, в которой есть такие бесстрашные дамы.

– Не разделяю вашего оптимизма, лейтенант, – не согласился Томпсон. Я слышал, что японцы полным ходом строят чертову дюжину авианосцев и множество первоклассных подводных лодок. Вряд ли они нужны им для охоты за китами.

– Но у императора Хирохито давние счеты с Россией. Он спит и видит навсегда завладеть Сахалином и Курилами, в Китае они уже ведут войну, а в Маньчжурии стоит мощная армия, надо полагать нацеленная против русских. К тому же, мистер Томпсон, Гитлер все еще под Москвой, и если большевики дадут слабину, поверьте, Япония не упустит своего шанса закрепиться на Дальнем Востоке.

– Вот именно! Аппетит приходит во время еды. Японские амбиции распространяются не только на Китай и Маньчжурию, но и на всю Юго-Восточную Азию, включая Филиппины, Индонезию, Меланезию и Микронезию, которые они, видите ли, тоже считают своим жизненным пространством. Японцы, как и англосаксы, народ морской, а не сухопутный. Держу пари, что через год или два они устроят нам на море какую-нибудь заваруху. Кстати, я слышал от капитана, что совсем недавно мы встретили здесь голландский крейсер, который патрулирует эти воды. Он запрашивал по радио, не попадалась ли нам на пути подводная лодка, вероятно, японская? Слава богу, мы еще не имели такого удовольствия. Сегодня в полдень я видел на верхней палубе, как эти японцы пялились на солнце в какой-то прибор. Как он там у вас называется, Ланселот, кажется, секстант? Интересно, зачем им это понадобилось?

– Ну, судя по форме, они военные моряки. Вероятно, тренируют навыки определения координат.

– Вот они, мужчины, – воскликнула миссис Андерсон. – На уме у вас только война. Посмотрите лучше вокруг, сколько здесь прелестных женщин. Особенно вон та, в белой тунике и изумрудной диадеме. Правда, настоящая богиня?

– Это миссис Дженифер Броссар, или, скорее, мадам Броссар, поскольку она замужем за бароном Броссаром – французским консулом на Гавайях, – пояснил всезнающий Томпсон. – Вон тот сухопарый аристократ во фраке, что стоит рядом с ней. Он зовет ее Женевьевой, на французский манер.

Особа, на которую обратила внимание миссис Андерсон, была и в самом деле весьма примечательна. Она вовсе не походила на уроженку Франции. Высокая стройная блондинка с холодными нордическими чертами лица и глазами, голубой цвет которых напоминал скорее об антарктических льдах, чем о фиалках Монмартра, она производила впечатление случайно оказавшейся в тропиках Снежной королевы. Ее величество была, как и подобает всякой уважающей себя монаршей персоне, одновременно проста и неприступна, что сразу же заставляло собеседника чувствовать себя приглашенным к ней как бы на аудиенцию.

Впрочем, это не мешало королеве Женевьеве милостиво внимать с высоты своего ледяного трона хозяину вечера, мистеру Джадду, подошедшему поприветствовать представителя дружественной державы, правда переживавшей сейчас не лучшие времена, а потому нуждавшейся в поддержке, ввиду чего политик сменил веселое и беззаботное выражение лица, которое демонстрировал только что, на участливо-благожелательное.

– Хотите, я вас ей представлю, Ланс, – продолжил Томпсон. – И, конечно, мистеру Броссару, куда ж его денешь, старого сатира? Мы немного знакомы: как-то барон с баронессой

составили мне знатную партию в преферанс. Но думаю, что к представителю армии США он должен проявить особое внимание.

– Ну, мистер Томпсон, из меня при моем скромном звании выйдет не слишком-то важный представитель.

– Не скромничайте, Ланс, при вашей внешности, сабле и золоченых галунах вы вскружите голову любой дамочке, тем более что молодых женщин хотя в определенном смысле и интересуют генералы, но нравятся-то им в основном лейтенанты.

– Фу, мистер Томпсон, – усмехнулась миссис Андерсон, – вы циник. К тому же, думаю, что на сей раз чутье вас подвело. Насколько мне известно, Джейн как раз ценит именно генералов.

– Откуда вы знаете?

– Ну, чтобы выпорхнуть с подмостков Бродвея и стать баронессой, в поклонниках надо иметь сильных мира сего.

– В самом деле? Я знал, что она американка, но о своем прошлом миссис Броссар особенно не распространяется.

– И правильно делает! Хотя певичкой она была неплохой – я года три назад видела ее в Нью-Йорке в одном мюзикле, где она даже исполняла главную роль. Не Мэри Пикфорд, конечно, но все же. Боюсь, правда, что для признания парижским бомондом этого будет недостаточно.

– Да, особенно учитывая, что весь парижский бомонд сейчас, вероятно, сидит у Гитлера за печкой, в Виши.

– Как бы там ни было, мистер Томпсон, но своего она точно не упустит!

– Пойдемте-ка, лейтенант, – сказал Томпсон, – славный губернатор наконец закончил со своими гавайскими церемониями и удалился. Миссис Андерсон так разожгла своим рассказом мое любопытство, что я просто горю желанием вновь приобщиться к миру искусства в лице нашей веселой баронессы.

С этими словами Томпсон, приветливо улыбаясь как старым знакомым и даже немного смущенно разведя руки, будто для дружеских объятий после долгой разлуки, направился к чете Броссаров, не забывая при этом проследить за тем, чтобы за ним последовал и Ланселот.

– *Bonsoir*, – приветствовал он их по-французски, галантно наклонившись к руке дамы. – Любезный барон, миледи, чрезвычайно рад снова вас видеть! Как поживаете? Я слышал, вы проводили отпуск в Австралии? Прекрасная страна! Кстати, позвольте представить моего друга, мистера Ланселота – надежду наших вооруженных сил и будущего бригадного генерала, – шутливо добавил Томпсон.

Консул, приветливо улыбаясь, крепко пожал и потряс руку сначала Томпсону, затем Ланселоту.

– Как удачно, что вы оказались на этом корабле, мистер Томпсон! Я частенько вспоминаю, как мы с вами весело провели время в ЛосАнджелесе. И хотя мое фамильное состояние после этой встречи немного похудело, я жажду взять у вас реванш за покерным столом.

– Непременно, месье Броссар, непременно, – широко улыбаясь ответил тот. – Я почему-то почти уверен, что теперь повезет именно вам. В крайнем случае поставите на кон ваше фамильное кольцо, с которым вы никогда не расстаетесь.

– Рад с вами познакомиться, – сказал Броссар, обращаясь к офицеру. – Как оказалось, моя страна была не слишком-то готова к войне, и вот печальный итог! Хорошо, что волны этого несчастья еще не докатились до здешних благословенных берегов. Надеюсь, что американские военные не будут столь беспечны и рано или поздно дадут достойный отпор Гитлеру и его прихвостням.

– Лучше уж рано, чем поздно, мой дорогой, – раздался голос миссис Броссар. Он оказался глубоким и звучным, под стать самой прекрасной Дженифер-Женевьеве.

– Многие наши офицеры уже сражаются в Британии, – ответил Ланселот. – И я надеюсь, что немцы не смогут долго воевать на два фронта. Так или иначе, они скоро запросят мира.

– Но вы-то пока тут, – с усмешкой глядя ему прямо в глаза, произнесла мадам Броссар. – Когда вся Европа гибнет в огне, Америка спокойно за этим наблюдает, а ее доблестное воинство проявляет прямо-таки чудеса героизма, браво отплясывая с дамами на балах, подальше от опасностей. О, я думаю, Гитлер будет вам крайне признателен, если вся американская армия окончательно переселится в тропики.

– Мадам, не волнуйтесь, – вмешался Томпсон, – армии у нас хватит и на тропики, и на субтропики, и на все остальное. Тем более что наибольшая опасность Америке угрожает вовсе не от Гитлера, а именно отсюда.

– Какая опасность? Обгореть на пляже?

– Дорогая, ты не права, – сказал барон. – Кто знает, какие испытания еще ждут этот мир и где окажется его новое слабое звено? Я думаю, что все эти храбрые военные не зря направляются туда, куда они направляются. Во всяком случае, вовсе не для развлечений.

– Да, это сразу видно, – парировала она, кивнув в сторону офицеров, которые как раз в этот момент стали приглашать дам на только что объявленный танец.

– Кстати, почему бы нам не потанцевать? – попытался разрядить не слишком дипломатическую обстановку Томпсон. – лейтенант, пригласите, наконец, прекрасную даму, если, конечно, месье Броссар не будет против.

Месье был не против, и Ланселот повернулся к Дженифер, склонив голову в легком поклоне.

– Это вальс, мистер Ланселот, – сказала она. – Вы умеете танцевать? К тому же у вас на боку эта ужасная железная штука, вы же запутаетесь в ней, а я вовсе не хочу упасть.

– Разумеется, миссис Броссар, – спокойно сказал он, отцепив саблю и сунув ее опешившему Томпсону, который смотрелся довольно комично с этим орудием убийства в его нежных и пухлых руках. – Не беспокойтесь, я умею вальсировать, хотя, конечно, охотно возьму у вас, как профессионала, дополнительный урок.

– В самом деле, Женевьева, – буркнул барон. – Не стоять же тебе на балу соляным столбом!

Против ожидания Дженифер, несмотря на выволочку, только что сделанную ею американским вооруженным силам, не стала сильно сопротивляться.

– Ну, хорошо, лейтенант, пойдете... В конце концов, – добавила она тихо, – из двух зол я всегда выбираю то, которое раньше не пробовала.

А над залом кружились чарующие звуки венского вальса, рассказывая морю и тропической ночи о ласковых волнах голубого Дуная.

* * *

В десять часов ночи 6 декабря 1941 года капитан третьего ранга Мочицура Хашимото – тридцатидвухлетний командир новейшей японской подводной лодки класса «джунсен» из состава Шестого флота передового экспедиционного базирования – стоял на мостике, напряженно вглядываясь во тьму. Этой безлунной ночью океан был спокоен. Южный бриз приятно освежал кожу. Лодка в надводном положении малым ходом пересекала штилевые воды, как будто и не покидала рейда военно-морской базы на атолле Кваджалейн. До недавнего времени плавание проходило гладко и приятно, больше напоминая туристический круиз, чем боевой поход. Однако утром 2 декабря, когда Хашимото только что поднялся на мостик, взволнованный голос из радиорубки по переговорной трубе доложил:

– Командир, радиограмма!

Он немедленно спустился вниз и увидел зашифрованное сообщение, переданное из штаба Объединенного флота: «Ниитака Яма Ноборе 1208». Взяв секретную шифровальную книгу, Хашимото прочитал: «Взбирайтесь на гору Ниитака 1208», что означало: «Начинайте войну против США и Англии 8 декабря». Однако нельзя сказать, чтобы это было для него какой-то неожиданностью. Еще 21 ноября на флоте была объявлена оперативная готовность номер два. Корабли по одному выходили в море, рассредотачиваясь по разным базам. Об истинной цели этих приготовлений знали лишь командиры, экипажам же объявили, что готовится обычный учебный поход в южную часть Тихого океана. Субмаринам была поставлена задача в час икс начать охоту за линейным флотом противника, однако Хашимото получил особое задание. Ему предстояло, не дожидаясь начала общих боевых действий, найти и потопить в океане пассажирское судно, которое должно было доставить на американскую военно-морскую базу на острове Гуам новое офицерское пополнение, элиту морской пехоты США. На борт было приказано поднять лишь трех человек: двух японских офицеров, которые следовали на том же рейсе и должны были в нужное время сообщить координаты судна, покинув его до начала атаки, и еще одного, личность которого была в глубокой тайне.

Весь день 6 декабря прошел в напряженном ожидании. Утром из штаба поступила радиogramма с координатами вражеского судна, которое оказалось в радиусе менее одного дневного перехода. Около двух часов назад Хашимото получил сигнал, окончательно уточняющий местоположение противника, и рванулся в заданную точку, выжимая из мощных восьмисотсильных дизелей всю возможную скорость в двадцать узлов. С наступлением темноты он велел не включать сигнальные огни и сбавить ход, идя галсами и стараясь визуально обнаружить жертву, но пока безуспешно. Время тянулось в томительном ожидании, а горизонт был по-прежнему пуст. Хашимото прирос к капитанскому мостику. Несмотря на то что было очень тепло, его прошибал озноб, а по лицу катился холодный пот.

А если он не найдет цель? Нет, этого нельзя себе даже вообразить! Он помнил своего деда, свято хранившего традиции самураев, который говорил: «Если ты проиграл битву и тебе грозит смерть, нужно умереть улыбаясь».

В военно-морском училище Эта-Дзиме, куда он среди немногих счастливчиков поступил, пройдя суровый отбор, Хашимото, постигая нелегкую воинскую науку и высокую цену дисциплины под железными кулаками начальства, твердо усвоил, что слова «невозможно» в японской армии не существует.

Хашимото в отчаянии водил биноклем по темной линии горизонта в надежде обнаружить огни противника, но лишь взошедшие уже крупные звезды попадались в его окуляры. Только он наклонился к переговорной трубе, чтобы запросить гидроакустический пост, как вдруг раздался крик старшины группы сигнальщиков Сакумы с наблюдательного поста над мостиком:

– Вижу огни! Цель слева по борту по пеленгу семьдесят градусов!

Хашимото прильнул к окуляру и взглянул в указанном направлении. Да, так и есть, на расстоянии примерно пяти с половиной миль были различимы огни, очертившие силуэт большого пассажирского корабля. Ему даже показалось, что он различал доносившиеся с борта звуки музыки, хотя, конечно, с такого расстояния услышать что-либо было невозможно.

Тут же Хашимото дал приказ развернуть субмарину в нужном направлении и с максимальной скоростью устремился к кораблю.

* * *

Оркестр перестал играть вальсы и перешел к модному аргентинскому танго. Ланселот предложил Дженифер руку, и пока музыканты проигрывали кортину между двумя тандами, вывел ее на исходную линию в центр зала. Они взяли друг друга в объятие. Ее левая рука легла на его правое предплечье, а его правая рука замерла на ее спине. Раздалась мелодия «Кумпар-

ситы», и они начали танец. Джейн с удивлением обнаружила, что Ланселот явно скромничал, когда собирался брать у нее уроки. Он оказался настоящим тангеро, вел уверенно и ловко. Музыка делалась все быстрее, все ритмичнее, танцующие двигались ровно в такт. Ланс, держа ее в близком объятии, ощущал тепло упругой груди и, казалось, чувствовал биение сердца. Обычно в танго партнерша лишь угадывает намерение партнера и послушно следует ему, но против всех правил их танец напоминал любовный поединок, в котором кто-то из двоих обязан взять верх, подчинив себе другого. Вот короткий перерыв перед следующей мелодией, и снова в бой.

В какой-то момент, после головокружительной серии сокад, она вдруг остановила финальное вращение в хиро, застыв возле его правой ноги, и бросила на него вызывающий взгляд. Он принял вызов, продвинув свою ногу вперед, и сделал парад, после чего быстро развернул партнершу в позицию, из которой ей было непросто выйти самой. Тут он открылся вправо, и у нее, казалось, не оставалось иного выбора, кроме как подчиниться, перешагнув через его ногу, что она и собиралась сделать. Но он, как бы передумав, энергичным движением вдруг снова развернул ее по часовой стрелке, давая возможность совершить широкое и хлесткое болео, чем она эффектно и воспользовалась. Через секунду партнерша, быстро повернувшись в заднее очо, сама поставила его в положение, когда единственным выходом было подыграть ей и двигаться в обратную сторону. Казалось, их противостояние достигло предела и сейчас разрешится взрывом, однако в этот момент она подчинилась, помягчев в его объятии и пытаясь с каждым шагом предугадать его следующее движение. Вот новая мелодия, и двое синхронно двигаются по залу. Глаза у них полуприкрыты, все чувства сведены к одной общей цели, весь внешний мир сливается в сплошное цветное пятно. Наконец танец закончился, они словно очнулись и какое-то время молча, не улыбаясь, смотрели друг на друга.

– Вы жестоко обманули меня, мистер Ланселот, – произнесла она тихо.

– Помилуй бог! Неужели я умудрился отдавить вам ногу? – с притворным ужасом спросил он.

– Напротив, вы слишком уж хороши, вы отлично ведете, у вас уверенная рука и богатое воображение. Где упражнялись? Не думаю, что в вашем Вест-Пойнте, или откуда там вы взяли, солдат учат аргентинскому танго.

– Конечно же, нет. Я, правда, был не в Вест-Пойнте, а там, где нас учили не аргентинскому танго, а скорее французскому боксу. Но в Вашингтоне я в свободное время часто посещал танцкласс и милонги.

– Надеюсь, сейчас вы так же свободны, потому что я умираю от духоты. Идемте на воздух. И захватите с собой шампанского.

И, не ожидая, пока оркестр возобновит мелодию, она через распахнутую настежь дверь вышла из зала на открытую палубу. Ланселот, взяв с подноса у пробежавшего мимо официанта два бокала с искрящимся напитком, последовал за ней. Что ж, когда женщины сбиваются с пути, мужчины тут же устремляются за ними.

В тропиках темнеет на удивление быстро. Ночной мрак быстро сгустился, поглотив горизонт, но бессильно отступил над ярко освещенными корабельными надстройками. На прогулочной палубе чувствовался своеобразный аромат, который бывает только на респектабельных пассажирских судах – смесь запаха дорогих сигар, духов, виски, кожи дорожных аксессуаров и еще чего-то неуловимого, волнующего и пьянящего, приносимого свежим дыханием океана.

Дженифер стояла у борта, взявшись рукой за поручень, подняв голову и глубоко, с удовольствием вдыхая влажный морской воздух. Ланселот подошел, встал рядом и молча протянул ей бокал.

– Как странно, – сказала она, сделав небольшой глоток и описав бокалом в воздухе небольшой круг, видимо призванный изобразить всю судовую ойкумену, – здесь музыка и

яркий свет, но у меня такое ощущение, что эта тьма бесконечна, а за ней уже нет никакого мира людей. Будто мы плывем в бескрайней пустоте, легкомысленно веселясь и втайне надеясь, что так будет всегда, прямо в царство мертвых.

– О, да вы, оказывается, философ или поэт, – улыбнувшись, заметил Ланселот. – Ведь только философы и поэты могут углядеть вечное в совершенно простых вещах.

– Разве плыть в пустом океане, невесть как далеко от берегов, это вполне обычно? Ах, ну конечно, я и забыла – морская пехота! Ведь ей море по колено.

– Вот именно! Но это в самом лучшем случае. Обычно бывает несколько выше, и приходится немного искупаться, пока выберешься на место высадки.

– О, вот прекрасный образчик солдатского юмора!

– Может, я ошибаюсь, миссис Броссар, но мне кажется, что вы как-то предвзято относитесь к военным.

– Ну, полно вам, не обижайтесь, лейтенант. Не люблю я всяких великосветских церемоний. На самом деле из меня такая же аристократка, как из мистера Томпсона миллионер. И зовите меня Дженифер или просто Джейн.

– Только после вас. Я имею в виду, чтобы вы звали меня Ланселот, или просто Ланс. Знаете, я не люблю, когда женщины обращаются ко мне «лейтенант» – это похоже на строевой смотр.

– Мне кажется, что человек с именем Ланселот должен быть рыцарем без страха и упрека, но немного идеалистом, слегка привязчивым, влюбчивым, находящим свой эталон в первом, что попадает ему на глаза.

– Или в первой!

– Что вовсе не свидетельствует о его прозорливости и осмотрительности. Тем более что его путешествие вот-вот закончится на Гуаме. Так стоит ли создавать себе мимолетный идеал?

– Кто знает, дорогая Джейн, кто знает? Как говорится, если хочешь насмешить Господа Бога, поделись с ним своими планами.

Беседуя так, они прогуливались по палубе, там, где стояли большие белые трубы для подачи внутрь свежего воздуха, похожие на перевернутые саксофоны, мимо подвешенных на кильблоках спасательных шлюпок. Джейн постучала согнутым пальцем по днищу одной из них.

– Скорлупка. Что она против целого океана? Вы думаете, она может кого-то спасти?

– О, не тревожьтесь, Джейн. Я уверен, что до этого не дойдет. «Принцесса Елизавета» практически непотопляема. Это судно не может затонуть, как не может пойти ко дну железнодорожный вокзал. Я, конечно, имею в виду в мирное время.

– И все же, знаете, Ланс, спасательные лодки на корабле всегда вызывают у меня какую-то тревогу. Не знаю уж почему. Ах, вот! Они похожи на душеприказчиков. Когда бедный кораблик уже лежит на дне, они плавают над ним, будто прощаются и оплакивают его кончину.

* * *

Приблизившись к кораблю на расстояние трех километров, капитан Хашимото в укрепленный на треноге двадцатисантиметровый бинокляр прочел на его освещенном борту название «Принцесса Елизавета». Книга регистра подтвердила, что это английское пассажирское судно. То самое, которое ему был дан приказ найти и уничтожить.

Сердце Хашимото тревожно и сладко дрогнуло. Пароход имел вид украшенного множеством свечей праздничного торта, преподносимого имениннику. Залитый множеством электрических огней, многократно повторенных водной гладью, сотрясаемый звуками американского джаза, доносящимися из верхнего салона, самоуверенно стремящийся вперед, он представлял собой странный контраст с серым акульным корпусом подводной лодки, молча при-

таившейся во мгле. Воспитанный в аскетизме, японец с удивлением наблюдал за безудержным весельем этих богатых и беззаботных людей. На миг он почувствовал нечто вроде угрызения совести, ему стало даже жаль обрывать эти насыщенные жизнью человеческие ростки, но он заставил себя вспомнить, что они враги, чужие, которые выглядят не так, думают и живут не так, как он, Хашимото, и наверняка считают его япошкой, азиатом, недочеловеком, совершенно не понимая, какая на самом деле глубокая пропасть отделяет его, потомка древнего рода самураев, от них – нации самодовольных и высокомерных торгашей.

– Боевая тревога! Приготовиться к торпедной атаке! – скомандовал он.

На подлодке на мгновение вдруг наступила необычная тишина. Все понимали, что шли в свою первую боевую атаку, но никому, включая капитана, было невдомек, что именно они фактически начинают большую и роковую для них войну.

Ударив по напряженным нервам, в отсеках раздалась пронзительная трель сигнала тревоги. В первом из них торпеды были немедленно приведены в боевое положение. Когда расстояние до цели было не более полутора тысяч метров, стрелка электрического торпедного телеграфа дрогнула и замерла, показав команду «товсь», которая немедленно была отретована по переговорной трубе. Но стрелка при этом не успокоилась, а тут же со звоном упала на команду «пли». Корпус подлодки вздрогнул от двух мягких толчков – из него вышли две смертоносные серебряные рыбины. Носовая часть вздрогнула, слегка качнулась вверх и вниз, и вся субмарина, затаив дыхание, застыла в напряженном ожидании.

Хашимото с мостика были хорошо видны две зловещие пенные змеи, которые хищно устремились к глупой западной мару, где вдруг ставшие ему неприятными люди продолжали беззаботно веселиться, не ведая, что все они, в сущности, уже не счастливые баловни судьбы, а корм для зловещих обитателей темных вод. Новейшие двадцатидюймовые торпеды, снабженные кислородными двигателями, неумолимо неслись к своей жертве со скоростью тридцать шесть узлов, оставляя на поверхности воды белый, хорошо видимый даже ночью след.

* * *

Выслушав сетования Джейн о покоящемся на дне бедном кораблике и скорбящих по нему плавсредствах, Ланселот хотел сказать ей что-нибудь ободряющее, но в это время взглянул за борт. В свете корабельного прожектора, который время от времени шарил по морской глади, он заметил неповторимый след, который могут оставлять только торпеды, эти морские ангелы смерти, и след этот стремительно приближался напрямик к левому борту их лайнера, именно в то место, где стояли они. На его лице мгновенно отобразилась целая гамма чувств – сначала недоумение, затем понимание, наконец, ужас.

– Черт! Это невероятно, но это точно торпеда! – прошептал Ланселот. – Бежим! – обращаясь уже к своей спутнице, заорал он, схватив ее за руку и потянув за собой. Джейн сначала немного уперлась, приняв это за глупый розыгрыш, но, взглянув сначала в его лицо, затем на море и увидев тянущиеся к кораблю дьявольские когти, все поняла, и они вместе бросились прочь.

В ту же секунду впередсмотрящий на баке матрос закричал в мегафон: «Торпеда с левого борта!» Капитан «Принцессы Елизаветы» успел сделать лишь шаг к левому краю мостика, на котором стоял, как страшной силы взрыв потряс судно. Яркое, словно молния, пламя осветило все окрест. Палуба под ногами высоко поднялась и ухнула вниз, треснув пополам. Наружу со страшным грохотом рванулся столб смешанных с мазутом воды и пара, куски дерева и металла, которые, взлетев метров на пятьдесят вверх, обрушились вниз. Надстройка и мостик перестали существовать, расколовшись на части. Очевидно, кроме взрыва торпеды, произошел и второй – парового котла. Последовавшие разрушения были ужасны. В борту, под ватерлинией, появилась чудовищная пробоина, в которую мог легко войти паровоз, но хлынуло настоящее цунами

из сотен тонн забортной воды. Хотя капитан погиб на месте, старший помощник, оказавшийся в это время в радиорубке, успел дать сигнал о помощи.

Людей, находившихся на палубах, в салонах и в коридорах, бросило на пол. Рухнули переборки, над остатками которых поднялась серая пыль. Мистическим образом ярко вспыхнули лампы во всех помещениях и вся иллюминация на палубе, которая, треснув посередине, начала подниматься с обеих сторон, и находившиеся наверху пассажиры в ужасе заматались, скользя и падая, а некоторые бросились к шлюпкам. Те же, кто оказался в момент взрыва на нижних ярусах, были обречены. Лифты отключились, а подняться по трапам стало нельзя, поскольку в коридоры высыпали сотни пассажиров; многие двери заклинило, к тому же выбраться мешал быстро увеличивающийся крен. И в коридорах началась страшная давка.

Надежда на спасение оставалась лишь у тех, кто находился на самих верхних уровнях, где были расположены бары и рестораны. Томпсон вместе с Броссаром и еще несколько человек бросились на прогулочную палубу, но тщетно. Команда из-за килевого наклона не смогла воспользоваться таями, и переполненные шлюпки были спущены носом или кормой вниз и потому сразу же заполнялись водой и тонули. Удалось спасти лишь их меньшую часть.

– Бежим к плотам, я их видел вон там, в тех ящиках, – крикнул Томпсон.

Они добежали до места хранения надувных плотов и стали вытаскивать их на палубу.

– Нет времени спускать, бросаем их в воду так, потом прыгаем сами. Надо успеть отплыть дальше, пока корабль не утащит нас вместе с собой! – задыхаясь, прохрипел он. Два плота полетели вниз, за ними прыгнули и люди.

Тут корпус корабля не выдержал и окончательно переломился пополам, причем нос и корма, черпанув своими обнажившимися при разломе краями воду, одновременно пошли вверх, а в середине образовалась глубокая брешь, в которую посыпались с палуб человеческие толпы. Сверху на них обрушились одна за другой четыре двадцатиметровых дымовых трубы. Сотни людей оказались в воде. Кто-то держался на плаву благодаря спасательным поясам, но большинство плавали так. Для всех них началась борьба за жизнь. Нос и корма задирались всё выше, стали видны два гребных винта. Наконец обе половины корабля наполнились водой и стали стремительно тонуть, быстро набирая скорость. Передняя часть парохода была темна, зато задняя еще продолжала сиять огнями, быстро уходящими в воду и посылавшими оттуда неестественный фосфоресцирующей свет.

В момент катастрофы Ланселот успел отбежать со своей спутницей по направлению к корме, подальше от места взрыва. На палубе, где обезумевшие пассажиры в панике дрались за спасательные жилеты, он заметил, как матросы пытаются спустить на воду шлюпку и присоединился к ним вместе с Джейн. Но когда шлюпка достигла воды, она зарылась в нее носом, и стало ясно, что спастись на ней не удастся. По счастью, рядом оказался кем-то сброшенный спасательный плот, но в нем было много воды. Выбирать не приходилось, и Ланселот в него забрался, а затем втащил Джейн и еще несколько человек. Оставалось молить Бога, чтобы он не дал потухнуть их слабой надежде. Но, как бы смеялся над ней, плот накрыла большая волна, поднявшаяся от ушедшего ко дну корабля, плот перевернулся, и все снова оказались в воде.

Ланселот почувствовал, как какая-то чудовищная, невиданная сила потащила его под воду. Он не отпускал Джейн, крепко обхватив ее за пояс, тогда как ее туника почти совсем разорвалась. Они сопротивлялись изо всех сил, но страшный водоворот, образовавшийся от устремившегося ко дну судна, казалось, был бесконечен и неуловим. В какой-то момент Ланселот выбился из сил и почти перестал бороться, погружаясь в разверзнутую под ними пучину, как вдруг ощутил, что та невидимая рука, которая тянула их в бездну, ослабила хватку, и они наконец вырвались из смертельных объятий. Их крутило и швыряло под водой в темноте, но тут Ланселот увидел перед собой тысячи голубых пузырьков, которые, как живые, наперегонки устремились вверх. Это был воздух, высвободившийся из одежды и легких, в которые уже было ворвалась вода. Но в этот момент он почувствовал, что вынырнул на поверхность. Непро-

извольно изрыгнув из себя влагу, он с шумом вдохнул живительный воздух и с трудом вытащил на поверхность свою ношу, которая обмякла, стала невыносимо тяжелой и, казалось, не подавала признаков жизни. На миг показалось, что они очутились в преисподней, где не было никаких ощущений, кроме бесконечного ужаса, только вокруг пылал какой-то адский огонь. Это горели на воде пятна мазута. Удивительно, но плот снова оказался рядом. Когда Ланселот на него забрался, втащив туда и Джейн, кроме них двоих, там больше не оказалось никого.

* * *

После того как Хашимото увидел выпущенные им торпеды, прошло ровно пятьдесят три секунды. Подводные снаряды ударили в правый борт судна, вызвав мощный взрыв. Борт озагорел ужасными алыми розами бушующего пламени, от которого вспыхнули цистерны с мазутом, погрузив «Принцессу Елизавету» в огненный ад. Пароход переломился пополам и стал стремительно тонуть.

Через двадцать минут все было кончено. Части развалившегося корабля скрылись под водой, увлекая за собой в крутящийся водоворот тех, кто не успел отплыть подальше. Но таких было немного. Оставшихся людей подхватило течением, которое в этом месте было довольно сильным, и стало быстро относить на восток. Через полчаса сцена только что разыгравшейся здесь трагедии опустела окончательно, и только кое-где горящие пятна мазута напоминали о ней, как остатки ramпы, которую перед уходом забыл выключить рассеянный режиссер.

Хашимото приказал, двигаясь со скоростью шесть узлов, начать прочесывать район в радиусе десять миль по расширяющимся квадратам, с учетом сноса течением. Он надеялся обнаружить японских офицеров, которых было приказано найти и принять на борт. Вахтенный лейтенант Нагасава запросил разрешение включить прожектора, но Хашимото, опасаясь, что их заметят, позволил зажечь лишь слабые топовый и бортовые огни. Он также велел сигнальщикам с помощью азбуки Морзе периодически подавать флажным семафором в темноту условный сигнал – «Нихон».

Прошло около часа, но результата не было никакого, кругом царил лишь непроглядная тьма. Вдруг матрос, несший вахту на сигнальной площадке, расположенной выше мостика, закричал:

– Справа по носу слабый проблеск огня на расстоянии примерно шести кабельтов.

Повернув вправо, Хашимото приказал спустить шлюпку и, подойдя к источнику света на триста метров, разрешил на минуту включить прожектор. Он увидел спасательный плот и на нем три темные фигуры, светившие электрическим фонариком. Наконец-то! Похоже, задание выполнено, и скоро можно будет с честью возвращаться в родные воды. Только почему их трое?

Однако тут командир шлюпки лейтенант Нагасава просигналил, что люди на плоту не японцы, а похожи на европейцев или американцев. Увидев подводную лодку, они погасили фонарь и стояли молча.

– Доставить их на борт, – приказал Хашимото.

Когда найденных подняли, стало окончательно ясно, что они не те, кого так напряженно искали. Один оказался полным мужчиной средних лет, сохранявшим на себе остатки черного смокинга, разодранного, прожженного в нескольких местах и обвисшего от воды. Ворота его когда-то белой сорочки был разорван, обнажая грудь. Глядя на своих спасителей, толстяк щурился, очевидно страдая сильной близорукостью. Нервничая, он машинально пытался нащупать что-то в кармане, наверное потерянные очки. Второй, постарше, был, напротив, сухощав и смугл. На нем была только белая рубашка, черные брюки с атласными лампасами и лаковые туфли. Он глядел на японцев настороженно, но без особого страха. Третий – высокий и стройный пожилой красавец в смокинге, который лишь намек, но оставался цел, – смотрел презрительно и вызывающе.

– Кто вы? – растягивая слова, с сильным акцентом спросил их Хашимото по-английски.

– Я консул Французской Республики на Гавайях, барон Броссар, – запинаясь, ответил сухопарый. – А это мистер Томпсон и мистер Джадд. Кто-то атаковал наше судно, «Принцессу Елизавету», и потопил его. Это было ужасно. Кажется, из всех пассажиров удалось спастись только нам троем. По крайней мере, мы уже давно никого не видели.

– Да, это страшная трагедия, – согласился японец. – Но кто еще был на борту?

– Там было много важных персон, а также американских военных и, кстати, два японских офицера, – ответил француз. – Не знаю, живы ли они. Моя жена... Она тоже пропала.

– Отлично, господин консул. А что сообщат нам ваши друзья? Почему они молчат?

– Послушайте, офицер, вы, наверное, здесь старший? – нетерпеливо перебил его обладатель роскошного смокинга. Я не идиот и понимаю, что, судя по всему, это ваши торпеды пустили на дно наш корабль. Вы что, пираты или объявили нам войну? Если пираты, то вас следует вздернуть на рее, а если это война, то вы, мня себя цивилизованной нацией, обязаны соблюдать ее обычаи и доставить нас в какой-нибудь порт. Имейте в виду, что я губернатор американской территории Гавайи Лоуренс Джадд и сейчас представляю Соединенные Штаты.

– Неужели, – с издевкой произнес Хашимото, указывая на его смокинг. – А я думал, вы официант. Я очень сожалею, господин губернатор, но никто вашей Америке войны не объявлял, во всяком случае, пока. Да, это мы утопили ваш корабль, какая жалость! Никто не должен знать об этой ужасной ошибке. Но я уверен, что вы никому ничего не расскажете, не так ли?

– Вы негодяй! – вскричал Джадд. – Вас надо судить как пирата. Имейте в виду, что у меня и Броссара дипломатическая неприкосновенность, и мы, как только все закончится, непременно расскажем всему миру о том, что вы сотворили.

– Последний вопрос, господа, вы видели какое-нибудь военное судно?

– Да, – со злорадством произнес Джадд, – здесь полно западных военных кораблей, и скоро они вас найдут! Только что мы видели крейсер. Так что берегитесь!

– Хорошо, мистер Джадд, именно это я и хочу сделать.

Сказав это, Хашимото кивнул лейтенанту Нагасаве в сторону американца. Тот секунду вопросительно смотрел на капитана, потом в глазах его мелькнул испуг, но тут же сменился решимостью. Он достал из кобуры свой вороненый «намбу» и навел его на лоб губернатора, в побелевших глазах которого метнулось запоздалое понимание и ужас перед тем, что сейчас должно случиться. Грохнул выстрел, голова казненного неестественно дернулась, разбрызгивая кровь и костные осколки, и он замертво упал навзничь. Матросы, не мешкая, тут же столкнули тело с палубы в воду.

В это время раздался истошный крик сигнальщика:

– Командир, военный корабль. Идет прямо на нас!

Это было невероятно, но из непроглядного мрака ночи на расстоянии не более двух с половиной километров, будто из ничего, при свете луны возник контур обещанного мертвым губернатором крейсера, темного и молчаливого как призрак, на всех парах мчащегося прямо на субмарину.

Хашимото в каком-то оцепенении мгновение смотрел на эту завораживающую и зловещую картину, а затем, как будто проснувшись, проревел:

– Все вниз! Срочное погружение!

По всем отсекам сыграл сигнал на погружение. На находившемся под боевой рубкой центральном посту вахтенный старшина уже открывал клапаны вентиляции балластных цистерн, в которые с шумом врывалась морская вода, с ревом выталкивая через палубные вентиляционные отверстия ставший смертельно опасным для лодки воздух. Матросы и вахтенный офицер быстро попрыгали в боевую рубку, таща за собой Томпсона и Броссара. Тут Хашимото мысленным взором увидел себя со стороны, следующего за ними и уже задраивающего люк на мостик, перед тем как лодка нырнет в бездну. Однако, как во сне, он продолжал смотреть

на приближающуюся смертную тень, не в силах отвести от нее замороженного взгляда. Ему казалось, что ноги навсегда приросли к палубе, хотя на самом деле это продолжалось всего пару секунд. Затем и он кинулся к еще открытому люку.

* * *

Голландский легкий крейсер «Де Рюйтер», который после захвата Германией Нидерландов оставался главным символом независимости родины и, подобно знаменитому адмиралу, имя которого он носил, ревностно защищал от поползновений объявившегося на Дальнем Востоке нового хищника то, что от нее осталось, – интересы Голландской Ост-Индии. Он патрулировал широкую акваторию к востоку от острова Ява вплоть до Филиппин и Палау. Командир крейсера капитан-лейтенант Лакомб получил приказ вице-адмирала Хэлфрича рассматривать любые враждебные действия против голландцев, а также их вероятных союзников – англичан, австралийцев и американцев – как акты пиратства и пресекать самым решительным образом. «Решительным» на языке военных приказов значит немедленно атаковать и уничтожить. Утром один из двух «фоккеров», имевшихся на борту гидропланов, запущенный катапультной и совершавший разведывательный полет, заметил в ста милях к юго-востоку подозрительную подводную лодку, идущую в надводном положении без флага.

Однако то, что на ее палубе перед рубкой были нанесены две белые полосы, а за ней – белый прямоугольник с треугольником красного цвета, что было принято на японских субмаринах, не предвещало ничего хорошего, и капитан приказал продолжать слежение за объектом. А недавно он получил тревожную радиogramму с пассажирского лайнера «Принцесса Елизавета», который несколько часов назад «Де Рюйтер» встретил в океане. Тогда с пассажирского судна, на котором бурлила веселая ночная жизнь, передали, что рейс проходит нормально. Но последняя радиogramма была совершенно панической: «SOS. Атакованы неизвестным судном, получили пробоины в борту...» Далее следовали координаты, потом текст обрывался. Зазвучал пронзительный сигнал боевой тревоги, запели боцманские дудки, и по трапам и палубам раздался топот сотен ног матросов, занимавших свои боевые посты, зазвучали доклады о готовности. Развернувшись и, несмотря на темноту, набрав максимально возможную скорость в тридцать два узла, стосемидесятиметровая громада крейсера устремилась в заданную точку. Четыреста тридцать семь мужчин, встав на положенные им места, делали свою работу. Но каждый думал лишь об одном: неужели это то, чего все это время они напряженно ждали, о чем втайне мечтали и чего боялись? Что наконец пришла пора смыть позор и обиду, которые все это время безысходно жгли изнутри их, молодых и здоровых, вынужденных сидеть сложа руки на другом конце света, пока улицы родных городов топчут вражеские сапоги? И пусть здесь не немцы, а другой неприятель, но из того же гнезда, жестокий и наглый, готовый продолжать рвать на куски раненую родину и их законное наследство. Ну, тем хуже для него! Капитан Лакомб совершил немислимое в обычных условиях – приказал полностью потушить на крейсере любые сигнальные огни, правда удвоив количество наблюдателей, что, конечно, нарушает все существующие морские правила, кроме негласных правил войны, но зато обещает успех удачливому охотнику. Он стоял на мостике, подавая пример спокойствия и невозмутимости окружающим, держа во рту свою неизменную, но незажженную трубку, потому что курить кому бы то ни было в боевых условиях сам же и запретил под страхом угодить под трибунал. Рядом находился старший помощник – лейтенант Ламперт Цваргенштайн. Он, не отрываясь, напряженно следил в бинокль за горизонтом, в чем ему иногда помогал лунный свет, пробивавшийся из-за туч. Прошло около часа. Наконец со штурманского поста сообщили, что крейсер приближается к расчетной точке. Неожиданно вдалеке темноту прорезал свет чужого прожектора, шарящего по поверхности моря. В этот миг луна показалась из-за облаков. Наблюдатель с боевого марса крикнул:

– Подводная лодка без опознавательных знаков в надводном положении! Дистанция девятнадцать кабельтов.

– Это она, – доложил Цваргенштайн капитану. – Прикажете атаковать?

– Сперваждемся реакции на наше появление на сцене, – сказал Лакомб. – Нельзя исключать, что они тоже пришли на помощь. Не хотим же мы развязать войну!

В этот момент с подлодки донесся сигнал тревоги.

– Сейчас пойдут на погружение, мерзавцы, – воскликнул старпом. – Чтоб мне пойти на корм акулам, это они утопили транспорт!

– Да, это они, – спокойно согласился Лакомб. – Приготовиться к атаке, огонь открыть с расстояния одиннадцать кабельтов, когда мы приведем подлодку на пеленг шестьдесят градусов.

Подойдя на нужную дистанцию, крейсер сделал плавный разворот влево, и капитан дал команду:

– Включить прожектора! Открыть огонь!

Цваргенштайн широко улыбнулся и скрылся в боевой рубке, откуда передал команду в микрофон. Шесть стопятидесятимиллиметровых орудий ахнули оглушительным залпом.

Лакомб отчетливо увидел в бинокль, как несколько человек, стоявших на палубе, спасаясь, бросились к рубке и скрылись в люке. Лишь одна фигура на секунду замешкалась, повернувшись в их сторону, как если бы человек хотел получше рассмотреть и запомнить своего врага. В это самое время залп накрыл субмарину. Четыре снаряда легли с небольшим недолетом, однако два поразили лодку, которая на мгновение исчезла в ослепительных вспышках разрывов. Ее рубку лизали языки пламени, и, охваченная огнем, она быстро погрузилась в океан.

Спустя час взошло солнце, осветив безмятежную водную гладь. Повеяло утренней свежестью, над волнами появились стайки летучих рыб, высоко выпрыгивающих из воды и красиво планирующих над ее поверхностью, время от времени отталкиваясь от нее хвостом и оставляя за собой четкий прерывистый след. Крейсер сделал широкий круг на месте ночной битвы, чтобы насладиться доказательствами своей победы. Но на воде не было заметно ни людей, ни масляных пятен, ни каких-либо иных предметов, которые обычно всплывают на поверхность после гибели подводной лодки.

– Наверное, от пробоин в борту подлодка сразу затонула, без разрушения корпуса. Ну не могла она выжить после двух прямых попаданий! – воскликнул старпом.

– Скорее всего, – после некоторого раздумья согласился Лакомб. – Хотя я предпочел бы увидеть, как на волнах болтается содержимое их галюна.

– А что вы собираетесь написать в рапорте, господин капитан? – немного помолчав, спросил Цваргенштайн.

– Как что?! Именно то, что вы, Ламперт, видели своими глазами, не так ли? Неизвестная субмарина, объявила боевую тревогу, но после нескольких предупредительных выстрелов, погрузилась под воду и ушла, – со значением произнес капитан.

– А как же «Принцесса Елизавета»? Может, с нее кто-то спасся? Прикажете начать поисковую операцию?

– Но ведь у нас нет никаких прямых доказательств, что она тут побывала. На наших глазах никто никого не топил, явных военных действий не начинал, верно? Ну, и слава богу, так что и говорить не о чем.

* * *

Он очнулся оттого, что через закрытые веки в глаза пробивалось солнце. Кожу лица, покрытую высохшей морской солью, жгло немилосердно. Сначала он увидел Джейн, лежавшую

на дне плота. На ней сохранялись обрывки схваченной матерчатым поясом белой шелковой туники, а плечи прикрывали лишь светлые волосы, успевшие полностью высохнуть.

В отличие от нее Ланселот на удивление сохранил всю свою экипировку. Он даже не успел отстегнуть от пояса парадную саблю, которую носили морские пехотинцы («Черт, как же я с ней не утонул?»). Первым делом он разбудил Джейн. Ночью, когда «Принцесса Елизавета» пошла ко дну, чуть не захватив их с собой, и он втащил женщину на плот, она, казалось, не подавала никаких признаков жизни. Делая ей интенсивное искусственное дыхание, он уже отчаялся и подумал, что опоздал, как вдруг вода фонтаном хлынула из ее рта, и она открыла глаза. После этого, обессиленные, оба впали в какое-то мертвое забытие, которое нельзя даже было назвать сном, настолько оно было черным и бездонным. Открыв глаза, Джейн с удивлением посмотрела на Ланселота, как бы пытаясь вспомнить, что случилось вчера, потом посмотрела на жалкие остатки своего бального одеяния, приютивший их плот, наконец, обвела взором окружающий пустынный пейзаж, и к ней вернулось понимание произошедшего. Тем не менее женщина полностью сохраняла самообладание, – видимо, ни слез, ни истерик от нее ожидать не приходилось, что несколько упрощало ситуацию. Более того, Ланселот с изумлением увидел, как она достала из обрывков своего платья каким-то чудом сохранившийся роскошный шелковый клатч, и он не удивился бы, если бы из него вдруг появились все необходимые принадлежности, дабы восстановить испорченный макияж. Однако Джейн лишь положила его просушиться. Поскольку солнце продолжало печь нещадно, Ланселот снял свой уже просохший китель и укрыл ей плечи. Джейн взглянула на него с благодарностью.

– Кажется, мы единственные, кто спасся? – сказала она.

– Не знаю про всех, но на этом плоту мы точно одни, что, может быть, даже и неплохо, – ответил он. – Будь здесь человек десять, воды хватило бы только на один день.

Плот оказался стандартным прямоугольным, восьмифутовым спасательным средством с заостренным носом, фанерным дном и круглыми надувными прорезиненными бортами. В углу, в фанерном ящике, обнаружили кусок брезента, две канистры с двадцатью или тридцатью литрами питьевой воды, шесть жестяных банок с печеньем, немного шоколада, сахар, несколько фальшфейеров, пара дымовых шашек, тонкий, но прочный трехрядный пеньковый линь, короткий багор и электрический фонарь. Воды и съестного им должно было хватить максимум на неделю, если только помощь не подоспеет раньше. Имелись также два деревянных весла, которыми можно было худо-бедно направлять плот. Однако скоро Ланселот заметил, что их быстро сносит течением со скоростью около двух футов в секунду. Примерно сориентировавшись по солнцу, он понял, что они, скорее всего, движутся на восток. Вероятно, плот попал в межпассатное противотечение, несущее свои воды вдоль экватора через Микронезию и весь Тихий океан в сторону Южной Америки. Несколько раз им попадались плывущие куски какой-то деревянной обшивки, очевидно, с затонувшего корабля, спасательный жилет, которые Ланселот выловил из воды. На жилете сохранился сделанный черной краской штампель: «Принцесса Елизавета». Из деревянного обломка Ланселот выдернул несколько торчавших длинных гвоздей, подумав, что они могут быть им полезны. Однажды они заметили в полумиле что-то красное, мелькавшее в волнах. Поработав некоторое время веслом, Ланселот сумел приблизиться к предмету, который оказался плотом, точно таким же, как их собственный, но полузатонувшим. Обследовав его, Ланселот не обнаружил ничего, что могло бы им пригодиться. На поверхности океана не было видно ни одного человека – ни живого, ни мертвого. Видимо, пассажиры, оказавшиеся в воде, погибли, будучи затянутыми в гигантский водоворот от уходящих на дно частей корабля, а те, кто успел взобраться на плоты, либо были разбросаны по океану течением, либо, как на этом поврежденном плоту, тоже утонули.

– Что вы обо всем этом думаете? – наконец спросила Джейн. – Откуда взялись торпеды? Это что, война? Но ведь мы были мирным пассажирским судном. Зачем нас надо было топить? И кому это могло прийти в голову?

– Судно, конечно, было гражданским, но вот на борту его находились пятьдесят американских военных. Нас же не случайно отправили на базу в Гуам – обстановка уже давно была напряженная. К тому же на борту были двое японцев, кстати тоже военных. И именно они, как утверждал Томпсон, возились с секстантом, определяли координаты. Торпеды с кислородным двигателем, оставляющие на воде такой яркий белый след, тоже есть только у японцев... Боюсь, я ошибся в прогнозах. Кажется, вчера или в крайнем случае сегодня у нас началась война с Японией.

– То есть нас никто специально спасать не будет, – подвела итог Джейн.

– Если только мы не спасем себя сами.

– Вы считаете, получится?

– Только бы не было большого шторма. К счастью, в это время года он тут редкость. Течение несет нас на восток вдоль экватора. В этой части океана полным-полно всяких островов: Каролинские, Маршалловы, Гилберта и многие другие. Правда, на них всех сейчас сидят японцы. Попади мы к ним, не знаю, что с нами станется, вряд ли что-нибудь приятное. Думаю, что миль через двести мы можем наткнуться на какой-нибудь остров.

– Двести миль, это же страшно подумать сколько!

– Течение в районе экватора, где мы и находимся, как мне помнится, имеет скорость около двух ярдов в секунду. Значит, в час это примерно треть морской мили, может быть, немного больше, то есть в сутки восемь-девять морских миль. Если повезет и мы не проскочим острова, за двадцать суток нас может пригнать к какому-нибудь берегу.

– Но без воды человек не может столько прожить, а той, что у нас есть в баке, хватит ненадолго. Да и еды на двадцать дней точно будет маловато.

– В это время года часто идут ливни, вон, видите, на горизонте видны кучевые облака. У нас есть брезент, в который можно собирать дождевую воду. Хотя... в океане нередко, даже если идет дождь, это сопровождается шквалистым ветром и брызгами морской воды, так что собрать питьевую воду может оказаться непросто. Но мы попытаемся. А пища... Вот здоровенный гвоздь, который был в деревяшке, что я недавно выловил. Готовый рыболовный крючок! А в этом океане, как я слышал, тоже водится кое-какая рыба. Так что с голоду мы, надеюсь, не умрем.

– А в качестве наживки вы используете меня?

– О, это лишь в самом крайнем случае.

– Спасибо и на этом. Но, честно говоря, я больше надеюсь, что на нас наткнется какой-нибудь пароход.

– Да, если он не окажется той самой подводной лодкой с японцами. Боюсь, что тогда не мы, а рыбы будут нас ловить и нами закусывать.

Так они разговаривали, пока жара не сделала свое дело. Расплавленный диск солнца да мерное раскачивание на волнах – вот все, что ожидает в океане потерпевшего кораблекрушение. Через час не хочется ни о чем говорить, через два – думать, через три вас охватывает страх и отчаяние, сродни клаустрофобии, несмотря на то что вокруг на сотни миль пустынный океан. Через сутки можно сойти с ума, через двое умереть. От чего гибнут многие и многие жертвы морских катастроф? Они умирают не от жажды, не от голода, они теряют разум и умирают от страха в первые же двое суток своего одиночества. Однако наши герои, кажется, были не из того теста. Из двух весел, используемых в качестве стоек, и куска брезента они соорудили некое подобие тента, под которым было уже не так жарко. Закусив печеньем и шоколадом, которые были запиты несколькими экономными глотками воды, обе жертвы кораблекрушения занялись делом. Провод, вынутый из фонарика, который напрочь отказался работать по причине окисления батареи, Ланселот превратил в небольшой рыболовный крючок. Джейн, заявив, что в детстве она была скаутом, быстро расплела лить, получив тонкий пеньковый трос, сошедший за леску. Ланселот, который, как оказалось, тоже когда-то состоял в юных разведчиках, немед-

ленно ответил своей спутнице традиционным скаутским «Будь готов». Тут каждый в знак приветствия поднял до плеча правую руку, соединив вместе большой палец и мизинец как символ взаимопомощи. Так между соратниками по несчастью наладилось полное взаимопонимание.

Но тут возникло неожиданное затруднение. Первоначально планировалось использовать в качестве наживки то, что было найдено в неприкосновенном запасе, а именно сухое печенье. Однако скоро выяснилось, что скатанные из него шарики, даже слепленные слюной, быстро растворялись в соленой воде, а на голый крючок рыба клевать явно не торопилась. Но судьба иногда улыбается тем, кто нуждается в удаче. Внезапно на плот впорхнула летучая рыба, из тех, стайки которых все время резвились неподалеку. Она ударилась о борт изнутри и беспомощно лежала на днище, раскрывая рот, хлопая полупрозрачными пятнистыми крыльями-плавниками на расходящихся веером распорках и тараша черные глазищи, которые обеспечивали ей во время полета круговой обзор, совершенно не представляя, что ей выпала высокая честь спасения жертв кораблекрушения от голодной смерти. Почти сразу ее легкомысленному примеру последовала и другая крылатая ракета, которая, сверкнув своими расписанными серебристо-голубыми полосками боками, плюхнулась белым брюхом на дно плота. Разделять летучую рыбу с помощью парадной сабли было неудобно, и Ланселот использовал самодельный нож, изготовленный из одной из жестяных банок с печеньем. Предварительно оглушив одну из рыб, он с помощью этого нехитрого приспособления порезал ее на куски, которые послужили в качестве отличной наживки. Где-то Ланселот слышал, что туземцы одного из полинезийских племен ловят рыбу, не полагаясь на милость природы, а ныряя со снастью под воду, чтобы самим высматривать там добычу. Хотя он хорошо плавал, но, помня о морском течении и превратностях судьбы, прежде чем прыгнуть за борт, привязал себя к плоту линем. Без водолазного снаряжения хорошо видеть под водой нельзя, но благодаря ее удивительной прозрачности различить рыбный косяк было все-таки можно. Через некоторое время он и появился. Это были довольно крупные макрели, чьи вытянутые тела, покрытые сверху темными ломаными полосками и ярко-серебристые снизу, сбившись в стаю из сотен особей, двигались как единое существо, синхронно останавливаясь, поворачивая в сторону и устремляясь вперед.

Вертикально погрузившись в воду с головой, Ланселот опустил леску с крючком и наживкой почти в самую гущу макрелей и почти сразу почувствовал поклевку. Дернув, он подсек попавшуюся рыбку и стал быстро подтягивать ее к себе. Было видно, как она отделилась от стаи и приближалась к поверхности, извиваясь на крючке и сверкая своей серебряной чешуей.

Вдруг внизу мелькнула быстрая тень. Леска внезапно сильно натянулась и сразу ослабла, а бившаяся на крючке макрель исчезла. Ланселот оглянулся и увидел метрах в десяти внизу и в сторону от себя настоящее морское чудище. Длинное, около двух метров, веретенообразное тело с черной спиной и коричневыми боками, разлинованными вертикальными голубыми полосками, завершалось острым мечевидным носом, сразу за головой начинался высокий горб, а грудные плавники были длиной чуть ли не в половину тела. Но самое удивительное высилось на его спине – огромный, напоминающий парус, ярко-голубой спинной плавник. Внешне чудище напоминало рыбу-меч или марлина, которых Ланселоту приходилось ловить в Мексиканском заливе. Утащив макрель, которую человек уже считал своей законной добычей, рыба-парус с быстротой молнии скрылась из виду, затем вновь появилась и принялась описывать круги вокруг их надувного плота, видимо привлекаемая его ярким оранжевым цветом, и даже пыталась тыкать его своим опасным носом, что уже совсем не понравилось Ланселоту и окончательно вывело его из себя. Он быстро забрался на плот, схватил багор и попытался достать им непрошеного гостя. Тот убрался от плота, но продолжал курсировать неподалеку, нахально демонстрируя над водой свое удивительное украшение.

– Ланс, что это за тварь? – спросила Джейн. – Она что, пытается нас слопать?

– Не знаю, возможно, но мне больше нравится идея позавтракать ею самим, – ответил Ланселот. С этими словами он взял гвозди, добытые им из обломков несчастной «Принцессы

Елизаветы», согнул их в металлическом устье ножен своей сабли так, что получились три крупных крючка. Выдернув из спасательного жилета тонкую стальную проволоку длиной около метра, он сделал на обеих ее концах скрутки, получив подобие металлического поводка. Затем, отрезав еще один кусок проволоки, завязал ее в ступенчатый узел на соединенных вместе крючках, не считаясь с тем, что порезал ею пальцы, и таким образом соорудил тройник с проводочной петлей на конце, а затем присоединил его к поводку. В качестве приманки, и одновременно блесны-воблера и грузила сгодилась вторая летучая рыба, которую пришлось насквозь проткнуть вдоль всего туловища, пропустив через нее поводок и выведя его задний конец у нее изо рта. К противоположному концу Ланселот прикрепил тройник. Всю эту устрашающую конструкцию он привязал к смотанному в бухту линю, конец которого привязал к своему запястью, и, раскрутив над головой другой конец с увесистой наживкой, забросил далеко за борт, поближе к маячащему в воде плавнику. Линь стремительно размотался, и наживка погрузилась в воду рядом с тем местом, где только что был виден голубой плавник. Парусник не заставил себя долго ждать, он тут же схватил приманку и попытался уйти с ней в глубину, однако Ланселот, резко дернув за линь, подсек и начал выбирать. На том конце это явно не понравилось, вызвав бурное противодействие, которое, впрочем, приводило не к освобождению противника, а, напротив, к ее окончательному пленению, потому что крючки все глубже вонзались внутрь разинутой пасти.

Парусник отчаянно боролся за жизнь. Поняв обман, он на бешеной скорости начал метаться в разные стороны, высоко выпрыгивать из воды, делая свечи и высокие пируэты и пытаясь таким путем избавиться от ловушки. Вот он совсем выскочил на поверхность и, размахивая, словно флагом, своим впечатляющим плавником, принялся идти по воде на хвосте, как бы танцуя тарантеллу на самом гребне волны. Затем он снова и снова погружался в воду, делал мощные рывки, пытаясь вернуться в спасительную пучину, но тщетно. В выносливости парусник явно уступал своему старшему собрату – марлину, и после изматывающей череды прыжков он наконец сдался, позволив подвести себя к плоту. Ланселот, перегнувшись через борт, схватил рыбу прямо за ее длинный нос и стал вытягивать, что, учитывая немалый вес добычи и острые зазубрины на ее носу, ранящие в кровь ладони, оказалось совсем непростой задачей. Но тут на помощь внезапно пришла Джейн, которая, взяв багор, с размаху вонзила его крюк под жабры и стала тянуть добычу с неожиданной для этой хрупкой женщины силой. Скоро рыбина свалилась на дно плота, но оказалось, что это пиррова победа, потому что она продолжала биться, метя в своих победителей своим грозным носом-мечом и размахивая мощным хвостом, под удар которого попала Джейн и была тут же сметена за борт. Однако Ланселот воспользовался преимуществами морского пехотинца, а именно своей саблей, которая лежала на дне плота и которую он, изловчившись, сумел схватить, взяв за рукоять обеими руками, и с силой опустил острие на голову чудовища, пронзив ее насквозь, на чем вся рыбалка немедленно и закончилась.

Оглянувшись, Ланселот увидел направленный на него внимательный взгляд. Женщина, опершись локтями о борт плота и продолжая находиться по пояс в воде, глядела на него оценивающе и странно.

– Да, мистер Ланселот, впечатляет! С вами явно лучше не ссориться. Милая рыбка почувствовала это буквально на собственной шкуре. Я начинаю верить, что мы с вами, даст бог, не пропадем.

– Ну, миссис, вы тоже орудуете багром прямо как китобой. Честно говоря, я испугался, когда вам досталось хвостом. Вы в порядке?

– Я, да. А вот вы весь в крови. Давайте руку, я перевяжу.

С этими словами, она перелезла через борт и, оторвав полосу ткани от остатков своей туники, перевязала Ланселоту порезанную руку.

– Теперь скорей надо заняться рыбой, – сказал он. – Иначе она пропадет на солнце. Я предлагаю разрезать мясо на тонкие куски, а потом мы попытаемся их высушить. Конечно, хорошо бы иметь немного соли, но где ее взять?

– Где взять соль? Но, по-моему, ее вокруг целый океан. Вот же, там, где вода высохла на дне плота, остался белый налет, думаю, это она. Сейчас я соберу осадок и налью на дно новую воду. На таком солнце она сохнет быстро.

Орудя багром и своей опереточной, но тем не менее довольно острой саблей, Ланселот сначала отсек у туши хвост, брюшные и боковые плавники, а затем, отогнув жабры и просунув туда острие, довольно легко отделил и голову. Огромный спинной плавник он пока не тронул, так как отрезать его казалось просто невозможным. Затем, вскрыв брюхо, выкинул за борт потроха и, ведя лезвие вдоль позвоночника, разделил филейные части. Потом разрезал поперек на куски, а их, в свою очередь, вдоль на тонкие розовые ленты. Мясо рыбы-парусника внешне было похоже на свинину. Джейн натирала его собранным ею соляным осадком, насколько его хватало, и насаживала на веревку, натянутую между стойками, в качестве которых послужили два весла, укрепленные вертикально между бортами и днищем.

– Надеюсь, на ветру и солнце мясо быстро подвялится, – сказала она. – Мух здесь пока, к счастью, нет. Дождя тоже. А вы, Ланс, наверное, работали на Фултонском рыбном рынке, раз так ловко выпотрошили рыбу?

– Нет, на рынке, тем более Фултонском, я не работал, но вот на рыбалке мне доводилось бывать часто и разделять крупных марлинов, фунтов под тысячу весом. А это было намного труднее.

– Расскажите мне о себе. Где вы росли, кто были ваши родители, почему вы отправились в армию?

– Я родом из штата Флорида, Ки-Уэст. Отец, его зовут Бэн, – тоже военный, майор в отставке, в войну командовал батальоном, с которым отличился в драке с немцами на Марне в 1918, за что даже получил Почетную медаль Конгресса. А вот моя мать, ее зовут Хелена, Элен, – этническая немка из Пенсильвании, работает учительницей географии в школе, так что я, можно сказать, родился с географической картой в руках и с детства хорошо знаю немецкий язык. Я рос на побережье, море было частью моего детства. У нас была небольшая яхта, и отец научил меня управлять с парусом, когда мне было двенадцать. Вот тогда-то я и познакомился близко с большими рыбами и всякими премудростями морской рыбалки. Я всегда хотел быть военным, как отец, но море манило меня. Вот и выбрал золотую середину – морскую пехоту. После школы благодаря заслугам отца меня сразу приняли в Военно-морскую академию в Аннаполисе. Четыре года – гардемарин, потом служил в Калифорнии, Южной Каролине, а последнее время в Вашингтоне, в столичном гарнизоне. Шагистика, парады, караульная служба, в общем – рутинная и скучная. Поэтому, когда нам объявили, что отправляют на Тихий океан, в район передового базирования, нашей радости не было конца. Кто же знал, что все так скверно обернется?

– А девушки? Они были в вашей жизни? Наверное, где-то вас ждут жена и дети?

– Нет, жениться я как-то не успел. В отличие от вас... баронесса.

– Ну, баронессой-то я стала чисто случайно. И потом, во Франции титул сейчас – это просто часть фамилии, не более того. Хотя Артур, конечно, потомок какого-то знатного рода, он гордится, что его дед был очень важной птицей, кажется, даже генерал-губернатором Камбоджи.

– Мне говорили, что вы выступали на сцене.

– О да, и еще как! Я начинала в шестнадцать лет в постановках Мэй Уэст. Вот кто действительно великая женщина! Имела бешеный успех у публики, а уж у мужчин... Хотя с ними она не особенно церемонилась.

Тут Джейн, сделав томное выражение лица, которое, очевидно, должно было изображать великую Мэй, чувственным голосом произнесла: «Вы говорите, десять мужчин ждут у моей двери? Одного отправьте домой, я сегодня утомлена». Весело рассмеявшись своей же шутке, она не без лукавства посмотрела на Ланселота:

– А вы, лейтенант, приударяли за актрисами? Там, у себя в Вашингтоне? Ладно, ничего не говорите, я вижу, и так вас смутила. – И уже серьезно продолжила: – Джоан Кроуфорд, Лоретта Янг, Джоанн Фонтейн, Энн Шеридан – все это мои кумиры, а с некоторыми я играла вместе. Но как-то так получалось, что они уезжали в Голливуд, а все интересные роли и предложения проходили мимо меня. И тут я поняла, что прямой стану вряд ли, а роль вечной субретки... Это не для меня! А в один прекрасный день за кулисами появился Броссар. Вот с таким вот букетом роз. – Тут она широко развела руки, показывая необыкновенные размеры чудо-букета. – Барон. Француз. Дипломат. Не молод, но чертовски обаятелен и элегантен. В общем, он сделал мне предложение, от которого я не смогла отказаться...

Джейн немного помолчала, потом добавила с грустью:

– Странно, ведь все это было только вчера. Наш лайнер, блестящая публика, музыка, танго, шампанское. А мне кажется, все это случилось в какой-то другой жизни, не со мной, и сто лет назад...

– Не грустите, – произнес ее спутник. – Даст бог все обойдется.

С этими словами Ланселот, поддавшись внезапному порыву, обнял ее за плечи. Так они сидели некоторое время, а потом он попытался поцеловать ее в губы. Однако Джейн слегка отстранилась и, грустно улыбнувшись, прижала палец к его губам, как бы накладывая на них замок.

– Не надо, мистер Ланселот. Не забывайте, я замужняя дама, и мой супруг – достойный и благородный человек – полностью мне доверяет. Доверял... Не буду скрывать, вы мне нравитесь, но я не могу вот так, сразу. По крайней мере, дайте мне какое-то время...

Тем временем ночь спустилась на океан. Некоторое время только светлая полоска отделяла его от неба, но потом погасла и она. Море не терпит ни полного покоя, ни крошечной темноты. Вскоре на юге появился и встал низко над горизонтом величественный Южный Крест, похожий на сияющее копьё с острием, устремленным на запад. А над ним, как огромная река без берегов, простирался широкий и светлый Млечный Путь. На севере же, на темной окраине небосвода, зажглись три показавшиеся из-за горизонта звезды из рукояти ковша Большой Медведицы.

Океан быстро смиряет оставшегося с ним один на один человека. Он бесстрастен и неумолим, равнодушен к человеческим надеждам и страданиям, его нельзя упротить, с ним бесполезно бороться, но если ты примешь его таким, каков он есть, сольешься с ним, растаяв каплей воды в его безбрежных далах, то он, возможно, станет с тобой заодно. И вот, вздымая жалкий обломок твоего корабля на своей могучей спине, он быстро понесет невольного путешественника по невидимым дорогам к неведомым берегам. Здесь все не случайно. Несмотря на свою внешнюю изменчивость, а может, и благодаря ей, океан послушно следует мощным импульсам, исходящим от звезд, планет и еще чего-то или кого-то, чье спокойное и властное присутствие не выразить словами, но которое, когда ты один в пустыне, всегда явственно ощущается за твоей спиной. Мужчина и женщина это отчетливо чувствовали. Торжественное великолепие тихой тропической ночи не располагало к разговорам, и они молча внимали звездам и плеску волн, пока сон не одолел их.

* * *

На рассвете погода ухудшилась. Поднялся сильный ветер, среди тяжелых, быстро несущихся облаков временами проглядывал болезненно желтый диск солнца, что, несомненно,

предвещало ненастье. Скоро светило совсем скрылось за темные тучи, хотя его тусклый свет и продолжал мертвенно озарять поверхность океана, уже усеянную белыми барашками.

И вот грянул шторм. Короткие, крутые волны обрушивались на плот, бросая его из стороны в сторону. Ураганный ветер, достигавший временами, наверное, не менее пятидесяти пяти узлов, не прекращался ни на секунду, а его рев перекрывал все другие звуки. Начавшийся ливень хлестал в лицо, лишая способности видеть. Ланселот и Джейн сначала пытались найти защиту под куском брезента, но ветер тут же сорвал его и унес в океан. Плот немилосердно кидало из стороны в сторону, он мог перевернуться в любую минуту, и Ланселот счел за благо привязать к нему себя и свою спутницу куском линя. Другой кусок, подлиннее, он выбросил за борт, привязав к нему в качестве кранца пустую канистру, чтобы добавить сопротивление и не дать плоту перевернуться. Он отчаянно работал веслом, пытаясь привести суденышко к ветру. Наконец ему это удалось, и плот пошел в фордевинд. Однако останавливаться было нельзя. Когда проходил очередной вал, плот на мгновение останавливался, и всякий раз приходилось делать несколько сильных гребков, чтобы его не накрыло следующей волной. Так продолжалось весь день, и Ланселот совсем выбился из сил, несмотря на помощь, которую пыталась оказывать ему Джейн, вычерпывая воду и подгребая веслом с другого борта. Слава богу, к вечеру ураган стал немного стихать, и волны сделались не такими крутыми. Однако они по-прежнему шли полным ветром, и плот чудесным образом быстро продвигался вперед так, как будто над ним реял парус. Сколько времени продолжалась эта безумная регата – сутки или двое, – вконец измотанным путешественниками было невдомек, пока наконец шторм постепенно не угомонился. Последствия его были катастрофичны. Они лишились всех своих добытых с таким трудом запасов сушеной рыбы, почти всей пресной воды, брезента и одного из весел, которое Джейн не смогла удержать при очередном ударе волны. В фанерном ящике из провизии осталось лишь полканистры воды и одна жестянка с печеньем.

* * *

Однако их злоключения на этом не кончились. В полдень Ланселот услышал сначала какой-то комариный писк, который быстро усиливался, и скоро стало ясно, что это гул приближающегося самолета. И вот над горизонтом появилась крохотная точка, которая постепенно росла, обретая контуры аэроплана.

– Наконец-то! Долго же мы тебя ждали! – сердито крикнула Джейн в сторону провинившегося по причине своего опоздания самолета. – Скорее зажигай сигнальный факел, –скомандовала она, обратившись к своему спутнику.

– А вдруг это японцы? – с сомнением произнес он.

– Японцы, американцы, новозеландцы! По мне, хоть папуасы! Только бы выбраться из этой проклятой соленой водищи, как же она мне обрыдла! Молю, зажги же скорей этот чертов факел!

Ланселот сам уже держал его в руке.

– Ладно, рискнем, – сказал он и с этими словами дернул за бечевку сигнального устройства. Яркий белый огонь вырвался из поднятой над его головой картонной трубки, разгораясь все сильнее и сильнее в такт круговым взмахам руки. Пилот, видимо, сразу же его заметил, потому что самолет заложил крутой вираж и стал стремительно снижаться по направлению к плоту. Однако вместо дружелюбного покачивания крыльями раздалась длинная пулеметная очередь, прошедшая прерывистой дорожкой сначала по воде, а затем по борту и днищу плота, ровно между стоящими на нем людьми, каким-то чудом не зацепив их самих. Самолет оказался японским. Он пронесся над целью, но было очевидно, что в намерениях пилота было вернуться, чтобы убедиться в добросовестном выполнении работы.

– Падай, – заорал Ланселот, – видишь, мы убиты!

Джейн не надо было повторять дважды. Она рухнула как подкошенная, застыв на дне плота в картинной и даже несколько фривольной позе, которая, без сомнения, должна была понравиться японскому летчику. Тут Ланселот обнажил свою саблю и полоснул ею себя по руке. Брызнувшей кровью он щедро окропил дно плота, обрывки белого платья женщины и самого себя. После этого он также быстро упал на уже начавшее заполняться водой днище, приняв как можно более неестественную позу мертвеца. Картина жестокой расправы была полностью завершена. Прием сработал – аэроплан пронесся над гибнущим плотом еще и еще раз, сделав пару кругов, – это летчик разглядывал плоды своего на удивление точного и результативного огня и, вполне удовлетворившись увиденным, дал газу, и самолет-убийца быстро скрылся из виду.

За исключением того, что они остались живы, все остальное было отчаянно плохо. Плот оказался серьезно поврежден. Помимо трех довольно больших отверстий, пробитых в его днище, пулей был напрочь разорван задний поплавок, из которого вышел весь воздух, и плот осел назад в воду, залившую его почти на треть. И хотя благодаря остальным поплавкам он еще продолжал держаться на поверхности, нового серьезного шторма явно бы не выдержал. Из левой руки Ланселота продолжала сильно струиться кровь. Правда, вены себе он резать не догадался, поэтому в накладывании жгута надобности не было, и Джейн просто перетянула ему рану полоской ткани – очередной жертвой, принесенной ее когда-то роскошным бальным нарядом. Говорить ничего не хотелось, и остаток дня они провели в подавленном молчании. После того, что случилось, им ничего не оставалось, как предаться судьбе, уповая лишь на чудо.

Но чуда не произошло. Напротив, перед самым закатом на расстоянии ста футов из воды вдруг показался синеватый плавник, который по-хозяйски описал круг вокруг того, что осталось от плота, затем второй, третий, каждый раз сжимая кольцо. Вскоре к нему присоединились еще несколько таких же зловещих вестников смерти. Это привлеченные запахом крови, выпущенной из руки человека, вокруг плота со всей округи собирались серо-голубые акулы-мако – безжалостные стремительные убийцы, не пропускающие в море никакой добычи. По-видимому, они закончили свою рекогносцировку, убедившись, что то, что находится на полузатонувшем плоту, вполне годится в качестве закуски, потому что внезапно в борт был нанесен сильнейший удар, от которого двое людей неминуемо попадали бы в воду, если бы Ланселот, зная повадки серо-голубых, заранее не велел присесть и держаться как можно крепче. За первым толчком последовали и другие. Казалось, что мако решили поиграть плотом в водное поло.

– Ланс, они, что, хотят стряхнуть нас в воду? – испуганно произнесла Джейн.

– Кажется, да, – тихо ответил тот. – Но я уверен, этим они не ограничатся. Похоже на то, что придется драться всерьез.

Ланселот знал, о чем говорит. Мако – это одни из самых опасных противников для тех, кто в море. Они не ведают ни жалости, ни страха и не останавливаются ни перед чем. Как-то раз большая серо-голубая акула, подойдя вплотную к берегу, была подстрелена им из гарпунного ружья. А дальше было так. Она сначала рванулась обратно в море, легко порвав гарпунный линь, а затем неожиданно развернулась и бросилась на своего обидчика, несмотря на то, что тот стоял на берегу. Выпрыгнув из воды прямо на пляжный песок, мако клацнула своими острыми как бритвы зубами в каком-то футе от его ног, пытаясь лишить своего врага конечностей. Ей было плевать, что эта атака для нее последняя, к тому же форменное самоубийство, – главное было достичь цели. А цель у нее одна – расправиться с жертвой, а там будь что будет. Такая завидная целеустремленность вызывала уважение, и этот урок Ланселот запомнил навсегда.

Поэтому он приготовил свое единственное оружие – саблю, напряженно всматриваясь в воду и готовый ко всему. И не напрасно. Через несколько секунд вода с того края плота, который был в воде, разверзлась, и на палубу влетела на половину своего огромного тела злобная тварь длиной, наверное, не меньше двенадцати футов. Ее отвратительная розовая

пасть была широко раскрыта, обнажив ряды ужасающих крючковатых зубов, загнутых внутрь, чтобы никогда не выпускать схваченную добычу. Передние же два зуба напоминали острые клинки, готовые мгновенно разорвать на части кого угодно. Акула, нетерпеливо подпрыгивая на животе, пыталась дотянуться до двух испуганных существ, жавшихся к другому краю плота, который от каждого из ее энергичных движений вставал к поверхности воды почти вертикально. Однако это упражнение сослужило ей плохую службу. В один из таких моментов Ланселот, который держал свое оружие наготове двумя руками лезвием вниз, сам того не желая, соскользнул со вставшего под углом к поверхности воды плота и уперся ногами прямо в плоскую и широкую акулю морду, между ее круглых черных, ничего не выражающих глаз. Еще мгновение, и он оказался бы в смертельных тисках чудовищных челюстей, однако предыдущий опыт не пропал для него даром: собрав все свои силы, он вложил их в один, но смертельный удар. Как молния мелькнул острый клинок, глубоко вонзившись в голову хищницы, пробив хрящ черепной коробки и крошечный мозг. Мотнув головой, акула отбросила Ланселота назад на палубу плота вместе с его саблей. Из глубокой раны на ее голове фонтаном хлестала кровь. Она еще продолжала беспорядочно биться, но было ясно, что запланированный ужин отменяется, по крайней мере для нее самой. Неожиданно для всех превратившись из охотника в жертву, она тут же пошла на корм своим недавним товаркам. Вода вокруг туши забурлила, сделавшись ярко-красной. Стая потеряла интерес к плоту и находившимся на нем людям, разрывая на части ту, которая еще недавно вселяла безграничный ужас, а теперь сделалась просто большим куском свежего мяса. Казалось, в лучах заходящего солнца кровью наполнился весь океан.

Вечерело. Несмотря на то что воздух за день был насквозь прогрет тропическим солнцем, Ланселота и Джейн бил озноб. Тесно прижавшись друг к другу телами, чтобы согреться, на краю наполовину погружившегося в воду плота, мучимые голодом и жаждой, они впали в какое-то странное оцепенение, болезненный полусон, который единственный еще отделял их от той последней черты, за которой ждет подлинное отчаянье.

* * *

На рассвете им приснился один и тот же сон. Плот куда-то исчез, а их, совершенно обнаженных, качало на волнах, которые были красными, как кровь. И небо было таким же ярко-красным, а с него падали вниз самолеты с алыми дисками на крыльях, только вместо рева моторов они выпускали резкие, отрывистые, скрипучие вопли, слышать которые было невыносимо. Джейн вскрикнула и открыла глаза. Небо и правда было алым – это над морем вставала утренняя заря. Разбудившие ее неприятные звуки были криками чаек, носившихся над почти скрывшимся под водой плотом. Зеленые волны поднимали и опускали его бранные останки, как бы взвешивая перед тем, как принять окончательное решение. Ее спутник тоже проснулся и, бросив взгляд за борт, вскрикнул, быстро вскочил на ноги, оказавшись по колено в воде, и указал на рукой на что-то за ее спиной. Женщина оглянулась, и, о чудо, – совсем рядом, буквально в полумиле из моря поднимался высокий, широко простиравшийся и вправо, и влево гористый остров. Острые пики темных скал, как акульи челюсти, вонзались в проносившиеся по небу подсвеченные солнцем розовые пассатные облака. Белые пенные фонтаны и каскады прибоя обозначали береговую линию, которой предшествовала протянувшаяся от берега обширная отмель. Встречаясь с ней, одна за другой вставали на дыбы высокие и крутые водяные валы. Со стороны океана были видны только их могучие зеленые спины, но легко было представить отвесные стены, обращенные к берегу. Они с ужасающей силой обрушивались на отмель, производя оглушительные громовые раскаты. Однако за линией прибоя, в редких промежутках между скалами, угадывались поистине райские кущи, яркие и нарядные, словно корзина свежих майских цветов.

Ланселот схватил весло и принялся править плот к берегу. Джейн пыталась помогать ему, отгребая воду руками. Даже опасность высадки не могла их остановить, ибо она была ничто по сравнению с тем, что им уже довелось пережить. И вот наконец волна зацепила их, мощно толкнула вперед и понесла к берегу с такой бешеной скоростью, что захватывало дух. Вокруг вода бурлила и пенилась, словно в кипящем котле. Казалось, что плот взлетел на гребне волны к самым облакам, а затем стремительно полетел вниз, встав вертикально и уйдя из-под ног. Они вылетели за борт в тот самый момент, когда волна обрушилась на береговой песок. Их закрутило и завертело в чудовищном водяном колесе так, что невозможно было понять, где верх, где низ, и внезапно бросило на отмель, обнажившуюся на миг между двумя очередными валами. Открыв глаза, Ланселот увидел, что с моря поднимается новая водяная стена, а откат от прежней волны властно тащит их ей навстречу. Попасть между ними – все равно что между молотом и наковальней. Кое-как, вставши на четвереньки, бешено работая руками и ногами, вязнувшими в мокром песке и гальке, они бросились к берегу, отчаянно преодолевая сопротивление встречного пенного потока, когда наступающая волна все же настигла их и ударила сзади так, что ноги оторвались от земли, но она же и придала их телам спасительное ускорение, так что оба кубарем выкатились на сушу, оказавшись вдруг в относительной безопасности, хотя по инерции еще продолжали ползти прочь, подальше от этих страшных водяных таранов. Здесь они лишились сил и на некоторое время застыли, ничком уткнувшись в песок. Лишь через несколько минут Ланселот сумел заставить себя подняться и помог сделать то же самое Джейн. Она немало удивилась, что, несмотря на трудности, которыми сопровождалась их высадка, ее спутник каким-то загадочным образом сумел сохранить свой клинок, продолжавший висеть у него на поясе в ножнах. В свою очередь, она обнаружила у себя за пазухой и свой многострадальный клатч, который она положила туда перед тем, как устремиться на берег, и о котором совсем позабыла во время их сумасшедшего водного слалома.

Между тем открывшаяся их взгляду картина являла собой поразительный контраст с той, что им приходилось видеть в течение многих утомительных дней, проведенных посреди однообразного океана. Вдоль берега на целую милю протянулся великолепный пляж с ослепительно-белым песком, в который были вкраплены белоснежные глыбы коралла и груды больших и малых раковин самых различных форм и расцветок. Черные прибрежные скалы подступали к берегу почти вплотную, создавая грозный каменный вал на пути вглубь острова, и только один или два узких крутых прохода в виде каменистых осыпей оставляли такую возможность.

– Ну что же, придется осваивать остров, – сказал Ланселот.

– Почему ты уверен, что это именно остров? Может быть, это уже часть материка? – неуверенно возразила Джейн.

– Да, но только какого? Здесь нет никаких материков ближе чем на четыре тысячи миль. Думаю, что нам повезло и, возможно, мы наткнулись-таки на один из группы Маршалловых островов. Хотя до них должно быть еще далеко, да к тому же все они, насколько мне известно, коралловые, а этот остров явно вулканического происхождения. В любом случае мы достигли Микронезии. Многие из ее островов населены. Правда, у этого населения еще не очень давно была милая привычка к людоедству.

– О, я так их понимаю, я тоже сейчас бы кого-нибудь с удовольствием съела!

– Думаю, мы скоро найдем здесь чем поживиться. Вон сколько кокосовых пальм там, за этими скалами. Ты, надеюсь, любишь кокосы?

– Я сейчас люблю все, а кокосы в первую очередь!

Тем временем, идя вдоль берега, они достигли каменистой осыпи – вероятно образовавшейся в результате землетрясений и как бы открывающей на остров величественный каменный портал между двух высоких обрывистых скал. Вскрабкавшись по крупным валунам, они обнаружили, что за осыпью начинается зеленая долина, которая, будучи глубоко врезана в

горный массив, поднималась к голым вершинам, высящимся в середине острова. На их красных отвесных стенах не могла найти себе пристанища никакая растительность, зато внизу расстилался пышный ковер тропической зелени, спускавшейся по крутым склонам к множеству пальм, растущих на дне светлой долины. По-видимому, здесь не должно было быть недостатка и в пресной воде, которая в виде пассатных облаков задерживалась высокими горными пиками, чтобы потом выпасть на землю свежей дождевой водой. И действительно, скоро взорам путешественников открылась небольшая речка, катившая в залив свои воды через намытую прибоем галечную полосу. Они бросились к ее берегу и, жадно припав к чистым струям прохладной пресной воды, смогли утолить давно мучившую их жажду.

На берегу ручья росли роскошные кокосовые пальмы, макушки которых возвышались над лесным пологом. Там в вышине были видны зеленые связки орехов, издали напоминавшие виноградные гроздья. Однако нечего было и думать, чтобы добраться до них, так они были далеко. Но только Ланселот и Джейн приблизились к пальмам, как что-то произошло. Раздался ужасный гул, сотни птиц разом сорвались с ветвей деревьев и взмыли в воздух. Земля под ногами вдруг резко сдвинулась сначала в одну, потом в другую сторону, затем все вокруг затряслось и заколебалось, да так, что невозможно было устоять на ногах. Со стороны прибрежных скал донесся грохот, словно гигантский самосвал с камнями разом сбросил весь свой груз. По поверхности реки со стороны океана прошла высокая волна, стволы пальм заколыхались, как будто на них налетел ураган. В этот момент, чуть не разбив им головы, что-то тяжелое пролетело совсем рядом и с силой ударилось о землю, произведя звук, который можно было принять за гром ружейного выстрела. Затем еще и еще. К ногам подкатился большущий кокосовый орех, напоминающий мяч для регби. И тут все успокоилось, как будто ничего и не было. Только поднятые в воздух птицы некоторое время продолжали с тревожными криками кружиться над деревьями, но вскоре и они уgomонились, исчезнув среди густой листвы. Все происшествие заняло, наверное, не более двух минут, однако Джейн как упала на колени во время первого подземного толчка, так и продолжала сидеть с белым от ужаса лицом.

– Вот это, да! – только и смогла хрипло сказать она. – Нас никто не предупредил, что здесь еще и трясет!

– Хорошо, что мы успели покинуть берег. Смотри! – указал в сторону океана Ланселот.

А там произошли разительные перемены. Каменная изгородь из зубчатых скал в том месте, откуда они пришли, почти полностью исчезла. Она обрушилась во время землетрясения, широко открыв долину навстречу всем океанским ветрам.

– Как ты думаешь, толчки повторятся? – спросила Джейн. – Я жутко боюсь землетрясений.

– Не знаю, но птицы явно почувствовали его заранее. Так что, когда они снова поднимут переполох, мы будем готовы. Во всяком случае, если мы хотим жить, надо отойти подальше от этих пальм, потому что они занимаются бомбометанием ничуть не хуже, чем «В-17».

– Не знаю, как твой «В-17», но если мы и в самом деле хотим остаться в живых, надо срочно открыть эти свалившиеся на нас с неба кокосы, а не то я прямо сейчас умру с голода... Спасибо Тебе, Господи, ведь это не иначе как Твой мудрый промысел, – добавила Джейн, подняв глаза к небу и молитвенно сложив руки.

Взяв самый крупный орех и отнеся его на некоторое безопасное расстояние от пальм, Ланселот острием клинка проделал в заостренной части плода два отверстия, через которые полилось прозрачное и прохладное кокосовое молочко. Джейн тут же встала на колени, и Ланселот поднял кокос так, чтобы струя кокосового сока падала прямо ей в рот, попутно забрызгав и лицо, что только вызвало ее смех, а потом приложился к терпкой влаге и сам. Затем обухом сабли он ударил поперек ореха, так что на его скорлупе появилась трещина. Расщепив ее острием, он вскрыл плод, что позволило добраться до его белой и сытной мякоти. То же

самое они проделали еще с несколькими другими найденными на земле кокосами, пока не почувствовали, что более или менее утолили голод.

– Что будем делать дальше? – спросила она. – Пока снова не начало трясти, надо попытаться найти людей. Вот только должны ли мы для этого идти вглубь острова или вдоль берега?

– Если кто-то и живет здесь, то точно на берегу реки, рядом с пресной водой, – рассудительно заметил Ланселот. – Тут никого нет, значит, надо подняться вдоль реки по направлению к горам и проверить.

– Да уж, на берег пока благоразумнее не соваться. У меня до сих пор в ушах стоит этот ужасный грохот.

Отдохнув еще немного, они двинулись вверх вдоль речного потока. Тропическая растительность по мере продвижения становилась все гуще. Великолепные фиолетовые, белые, желтые, розовые орхидеи там и сям облепили своими корнями колонны деревьев, а гибискусы развесили на мшистых ветвях целые гирлянды ярко-красных, похожих на розы цветов. Господствующий над долиной пик совсем исчез из виду, стоило только кронам деревьев сомкнуться над головами путешественников. Кокосовые пальмы уступили место могучим, бородастым лесным великанам, увитым лианами и одетым толстым слоем зеленого мха. Солнечные лучи могли пробиться лишь через их верхний ярус, наполненный разнообразными громкими свистящими, щелкающими и шипящими звуками, издаваемыми его невидимыми, но многочисленными обитателями. Порой их несмолкаемый хор достигал полного крещендо, заглушая все остальные звуки. Ниже между стволами деревьев изредка порхали голубые с желтыми и зелеными пятнышками птицы, похожие на кукушку, а из-под ног разбегались изумрудные ящерицы и жуки самых разнообразных расцветок и форм.

Вначале их вело вперед некое подобие тропы, но затем река, стесненная в каменистых берегах, окончательно превратилась в узкий бурлящий ручей, а тропа исчезла. Ориентируясь на этот ручей, шумящий справа, они направились вверх по склону, заросшему огромными деревьями и густым подлеском. За вечность, которую здесь царили джунгли, деревья рождались и умирали бесчисленное количество раз, и их переплетенные между собой сгнившие останки кое-где образовали подобие настила, поднятого над землей и покрытого чудесным ковром, сотканным из мха, папоротников и цветов, сквозь который пробивались лианы и молодые деревья. Однако эти манящие зеленые поляны были смертельно опасны. Стоило ступить на их ровную и, на первый взгляд, надежную поверхность, как она тут же проваливалась, и жертва своей доверчивости падала вниз с высоты десяти футов в темную зловещую яму, рискуя переломать себе все конечности или позвоночник. Медленно и осторожно взбираясь и спускаясь по скользким упавшим стволам, к тому же плотно увитым лианами, путешественники потратили часа два только на то, чтобы преодолеть распадок шириной в несколько сот ярдов, прокладывая себе путь ударами сабли. Совсем выбившись из сил, они уже готовы были повернуть обратно, когда Джейн дернула своего спутника за рукав:

– Ланс, смотри, там, кажется, виден просвет.

Действительно, слева, сверху по склону, деревья чуть поредели, и скоро стало заметно некое подобие узкой и прямой просеки, которая, впрочем, уже успела зарастить молодым подлеском. Сомнений не было – она могла быть лишь результатом вмешательства человека. Вопрос в том, кто и зачем пробил ее через тропический лес? Взобравшись наконец наверх, они вышли на этот прореженный участок. Но удивление их превратилось в подлинное изумление, когда обнаружилось, что под слоем мха, корнями папоротников и молодых деревьев лежали просмоленные деревянные шпалы, а на них ржавые стальные рельсы.

– Узкоколейка, шириной фута три с небольшим, похожа на японскую, – сообщил Ланселот.

– Может, подождем поезда? – сострила Джейн.

– Меня больше беспокоит, не остались ли здесь машинисты и особенно злые контролеры для таких, как мы, безбилетников, – парировал тот.

– Вряд ли, – сказала она. – Во всяком случае, по этой дороге давно никто не ездил.

– Не очень-то и давно, – заметил он. В джунглях все растет прямо на глазах, но тем не менее лес не успел здесь высоко подняться. Думаю, что последний вагон прошел по этой колее не более чем полгода тому назад. Причем, смотри, дорога плавно идет в гору! Вряд ли на остров доставляли паровоз. Скорее всего, где-то поблизости должна быть лебедка.

– Так пойдем вперед по рельсам и узнаем. Всяко лучше, чем ломать ноги в этом проклятом лесу.

Они двинулись по полотну вверх, идти стало значительно легче, и через полчаса перед ними открылась горизонтальная площадка, на которой в деревянном ящике Ланселот действительно нашел лебедку, причем электрическую, хотя, конечно, никакого электричества к ней сейчас подведено не было. Среди зарослей по бокам дороги аккуратно были сложены друг на друга несколько небольших вагонеток.

– Ага, – сказал он, – очевидно, в гору втаскивали какой-то груз. И что-то подсказывает мне, это вряд ли были кокосовые орехи. И довозили его только до этого места, потому что дальше дорога заканчивается.

– Послушай, – воскликнула Джейн, указывая вправо. – Там за деревьями какой-то шум, похоже на водопад.

Они прошли немного дальше, и взору их открылось удивительное и прекрасное зрелище. Широкий водный поток низвергался с высоты утеса прямо в небольшое озеро, лежащее в каменной ложбине. Над белым кипящим котлом водопада стояло облако водяной пыли, в котором играла на солнце разноцветная радуга.

– Вот это иллюминация, – восхитилась Джейн. – Как красиво! Может, сюда возили туристов?

– Да, и после топили их в озере, – мрачно пошутил Ланселот. – Странно, ведь рельсы здесь закончились, тележки аккуратно составлены, а где же тогда груз? Не сбросили же они его в самом деле в озеро? Хотя...

С этими словами он принялся осматривать близлежащие деревья, и вскоре его любопытство было вознаграждено. На одном из мощных ветвистых стволов на высоте примерно двенадцати футов он обнаружил толстый стальной обруч, стянутый болтами. На той его стороне, которая обращена к озеру, можно было различить скобу, в которую, похоже, раньше что-то вставляли, скорее всего проволоку или металлический трос, поскольку на поверхности металла все еще оставались следы потертости.

– Если здесь была подвесная дорога, то на той стороне озера, возле водопада, должны быть следы другого крепления, – предположила Джейн.

Ланселот согласно кивнул головой и направился к озеру, обходя его по узкому каменистому берегу, вдоль окаймлявшей воду скалы. Однако никакого приемного устройства на противоположной стороне водоема он не обнаружил, зато, подойдя вплотную к водопаду, заметил, что между стеной падающей воды и скалой имеется довольно значительный промежуток. Проникнув в него, он рассмотрел, что за водяной завесой в скале скрыто большое отверстие, похожее на вход в пещеру. Пробираясь по скользким зеленым от водорослей валунам, Ланселот вскоре добрался до него и замер, пораженный. В полумраке открылась гигантская подземная полость, которая наполовину была затоплена, однако между водопадом и водами еще одного, теперь уже подземного, озера простиралась широкая и ровная полоса плотного белого песка, имевшая серповидную форму и огибавшая водную гладь. Из расселины в верхней части пещеры падал на воду и прибрежный песок солнечный свет, однако другие ее края оставались во тьме. Солнечные лучи, отражаясь, дрожали на голубой воде, и от них по изрезанному своду пещеры, напомиавшему волны застывшего моря, золотистыми змейками бежали беспокой-

ные блики света. Сверху на поверхность озера постоянно капала вода, от чего появлялась бегущая к берегу рябь. Это порождало удивительный акустический эффект, наполняя пещеру волшебными мелодичными звуками, будто кто-то одновременно звонил во множество крошечных серебряных колокольчиков.

– Ого, да здесь не только иллюминация, но и музыкальный концерт! – сказала Джейн, которая не преминула пробраться в пещеру вслед за Ланселотом.

– Будь наша догадка верна, то подвесная дорога должна была идти в этот грот. Ведь если то, что сюда доставляли, хотели понадежнее спрятать, то лучшего места не найти. Значит, следы механизма могут быть где-то здесь, – высказал он свое предположение.

– Да, но тут темно, как за кулисами, и без фонаря не обойтись. Только где его взять? – расстроилась она.

– У меня, по счастью, сохранилась зажигалка. А снаружи я видел заросли сухой травы, похожей на бамбук. Она должна хорошо гореть, если ее хорошенько связать.

– То есть сделаем факелы?

– Точно.

Они выбрались наружу и нарубили высокой травы, которая росла неподалеку, свив из нее несколько толстых соломенных жгутов. Затем, вернувшись в пещеру, запалили эти импровизированные факелы, которые с треском вспыхнули, рассыпая вокруг себя искры и бросая на каменные своды свет, достаточный, чтобы продвигаться вглубь и исследовать грот. Идти по белому песчаному пляжу было легко, и они быстро достигли стены пещеры, расположенной почти напротив входа в нее. Она представляла собой вертикальную плоскость, высотой около двадцати футов, но не монолитную, а покрытую сетью глубоких вертикальных и горизонтальных трещин, благодаря чему напоминала пластинчатую броню на спине крокодила, состоящую, однако, сплошь из массивных каменных плит. Некоторые из этих тяжелых пластин обвалились и лежали внизу, причем по характеру разломов на них было ясно, что это случилось совсем недавно, видимо, в результате недавнего землетрясения. Взобравшись на упавшие камни, Ланселот, подняв повыше факел, осветил стену. На месте одной из упавших плит, на высоте примерно десяти футов, тускло отсвечивал покрытый ржавым налетом металл.

– Нашел! – крикнул он. – Здесь есть какая-то дверь, которая была замаскирована свалившейся плитой! Железная. Плотно закрыта. А на ней висит большущий замок. Сейчас попробую залезть поближе.

Но только он, передав факел Джейн, стал, используя трещины, подниматься вверх по стене, в темной глубине пещеры раздался странный звук – будто под чьими-то осторожными шагами осыпались камни. Он не был постоянным, то исчезал, как если бы кто-то замирал на месте, то появлялся вновь.

– Ланс, мне кажется, мы здесь не одни, – приглушая голос, прошептала Джейн, указывая рукой в темноту.

– Кому тут еще быть? Может это камни продолжают осыпаться после землетрясения? – также тихо ответил ей он.

– Вряд ли. Камни не осыпаются в такт шагов. А может, это как раз те, кто поставил здесь дверь и провел железную дорогу?

В это время подозрительный звук возобновился и уже не стихал, а, напротив, превратился в настоящий топот. Теперь стало ясно, что кто-то, поняв, что обнаружен, просто бежит по направлению к ним по каменистой осыпи.

– Пора убираться отсюда, – сказал Ланселот. – Бежим!

Они выскочили в освещенную часть грота, на белый песчаный пляж. Однако в этот момент в противоположной стороне, в проеме выхода из пещеры, они заметили неподвижную человеческую фигуру, казавшуюся совершенно черной на фоне белой пены водопада. Оглянувшись назад, Ланселот понял, что они угодили в ловушку, потому что из темноты одновре-

менно показался и их таинственный преследователь. Когда он вышел на освещенное место, оказалось, что это вовсе не дикарь, не туземец, но и не европеец. Это был человек с явными признаками желтой расы, скорее всего японец. Приглядевшись, Ланселот, кажется, узнал в нем одного из тех японских офицеров, которые плыли вместе с ними на «Принцессе Елизавете». И вряд ли он был настроен дружелюбно, потому что в его руке был самурайский меч.

– Вот так номер! – искренне удивился Ланселот. – Старый знакомый. Как вы здесь оказались? Наверное, тем же путем, что и мы? И надо полагать, что солнце нам заслоняет не кто иной, как ваш приятель?

– Вы правильно полагаете, – ответил японец на довольно хорошем английском. – И может быть, вам уже известно, что между нашими странами идут военные действия?

– О да! – вскричала Джейн. – Мы хорошо прочувствовали это на собственной шкуре, когда вы так подло пустили на дно наш пассажирский корабль.

– Ну, тогда вы должны понимать и то, что вам, господин офицер, придется сдаться, – не удостоив ответом женщину, сказал японец, глядя в глаза Ланселоту.

– Это еще почему? Разве вы уже выиграли какое-нибудь сражение? – чтобы потянуть время, спросил Ланселот.

– Думаю, что да. Лучшее сражение то, которое выиграно без боя. Ведь вы тут один, а нас двое. Эта женщина вам не помощница, наоборот, обуза. Так что, сейчас самое для вас разумное – сложить оружие и стать военнопленным, а женщину отдать нам.

– Хитрый азиат, – шепнула Джейн. – Не хочет рисковать. Так я ему и поверила. «Сдавайся, будешь военнопленным», – пародируя японца, протянула она. – Как бы ни так. После всего, что мы тут насмотрелись, стоит нам сдаться, нас наверняка укокошат, чтобы мы не рассказали, что они здесь что-то прячут. Тебя убьют сразу, а меня немного погодя, что, пожалуй, будет еще хуже.

– Да, придется драться, – тихо сказал Ланселот. – Правда, преимущество на их стороне. С одним самураем я, возможно, и справлюсь, но вот сразу с двумя... Никогда еще не пробовал.

– А ты попробуй. Ничего еще не потеряно. Как любил говорить наш французский император Наполеон, главное – ввязаться в бой, а там посмотрим, – храбро заявила жена французского посла.

* * *

Истинная атака идет из Пустоты

Ланселот вытащил из ножен свою испытанную в зловключениях последних дней саблю. Самурай принял вызов, встав в боевую стойку. Оба противника начали медленно сходить, двигаясь по кругу и выбирая удобный момент для атаки. Японец, внешне демонстрируя холодное спокойствие, в то же время, не отрываясь, сверлил глазами соперника, как бы пытаясь его загипнотизировать.

Ланселот глаз не отводил, но старался в то же время видеть ситуацию в целом, равно как и всякое движение на периферии. Его беспокоил второй японец, который оставался у него в тылу, однако боковым зрением он не улавливал с его стороны никакого движения. Видимо тот считал, что справиться с американцем обязан и один самурай.

Лезвие сабли морпеха было длиннее, зато японский меч шире и массивнее. В Аннаполисе гардемаринам давали уроки фехтования на саблях, но лишь как дань традиции, тогда как в гораздо большем почете был ножевой бой. И хотя Ланселот одно время увлекался сабельным спортом и даже получал призы на соревнованиях, проводившихся штатом, он далеко не был уверен в равенстве своих возможностей с высоким искусством кендо – битвы на мечах японских самураев, про которое он где-то читал.

На занятиях их учили, что бой с незнакомым противником всегда надо начинать с аккуратного прощупывания его обороны пробными ударами, чтобы попытаться понять логику ведения им боя. Более длинное оружие дает преимущество безопасной дистанции, и всеми силами надо удерживать на ней противника, нанося удары из глубины. Если же у тебя окажется более короткий клинок, следует стремиться любой ценой войти на ближнюю дистанцию, где шансы, возможно, сравняются. Сделать это можно сближением на нужное расстояние при замахе противника либо сразу же после защиты от очередного удара.

Приблизившись, Ланселот сделал ложный выпад. Японец встретил его острием своего меча, неуловимым, но сильным движением отбив саблю вправо, и в свою очередь сделал молниеносный выпад, метя сопернику в лицо. Американец вовремя отскочил назад – еще немного, и острие катаны пронзило бы ему глаз. Однако японец не стал развивать атаку, а только изменил позицию, отработанным движением сместив свой меч влево к плечу.

«Какого черта тебе надо? – подумал Ланселот. – Время тянешь, надеешься на помощь?!»

В этот миг он услышал предостерегающий возглас Джейн и понял, что второй противник, который маячил на входе в пещеру, решил присоединиться к атаке. Ждать дальше и осторожничать было нельзя. Ланселот сделал отчаянный бросок стрелой. Рывком он вынес вперед левую ногу, резко выпрямил правую, с бешеным ускорением устремляя свое тело почти горизонтально в сторону противника и метя острием сабли в его, казалось бы, незащищенное горло. Однако оказалось, что японец к этой атаке был полностью готов. Сделав глубокий шаг назад, он одновременно произвел быстрое дугообразное движение мечом, намереваясь рубануть снизу по руке Ланселота, которая была вытянута далеко вперед. Но тот, к счастью, уже успел приземлиться на левую ногу и, сделав пару коротких тормозящих шагов, вновь принял вертикальное положение. Это позволило ему в последний момент круговым движением накрыть японский меч своим клинком, прижать его вниз и начать новую атаку выпадом вперед. Однако противник изящным движением ушел с траектории движения сабли и провел контратаку диагонально, теперь уже сверху вниз от плеча. Ланселот защитился отбивом, подставив свой клинок горизонтально под стремительный, летящий сверху удар. Вдруг раздался металлический хруст, и верная «мамлюкская» сабля, на самом деле серийно произведенная на американском военном заводе, не выдержав соревнования с наследственным самурайским клинком, завершила свой короткий боевой путь, развалившись на части, так что в руке Ланселота осталась в лучшем случае одна ее треть. Японец, схватив свое оружие за рукоять двумя руками, приготовился нанести им завершающий удар сверху вниз, и, если бы меч достиг головы Ланселота, он, наверное, развалил бы ее, как арбуз. Но... встретил пустоту.

Почти ежедневные занятия в Аннаполисе по ножевому бою вел с курсантами некий Гаэтано – мексиканец или пуэрториканец, который даже не был военнотружеником, но, судя по многочисленным шрамам на его лице и руках, имел непревзойденный опыт в практическом применении своего смертоносного искусства. Ему был известен нескончаемый арсенал финтов и трюков с ножом, который, видимо, и помог ему выжить там, откуда он когда-то явился и где привыкли драться не по учебникам, а без правил, по кровавой науке трупп. Одним из таких криминальных трюков был неожиданный удар из положения «сверху-вниз», когда при движении ножа, взятого обратным хватом, вниз тело бойца делало оборот на сто восемьдесят градусов вокруг вертикальной оси, благодаря чему оказывалось слева, на одной линии с противником, удар же наносился в продолжение движения ножа по синусоидальной падающей и затем восходящей траектории в шею или диафрагму. Ланселот не мог похвастаться тем, что в совершенстве владел всеми уловками, которые показывал им Гаэтано, но именно этот коронный удар он часто тренировал и довел его до автоматизма. Остаток сабли в руках Ланселота был тем же ножом. Он, правда, не мог начать атаку из позиции сверху, однако, используя момент замаха японца, сделав широкий шаг навстречу, глубоко подсел вниз и, перехватив рукоять обломка сабли обратным хватом, сделал разворот, одновременно резко выпрямился и, используя всю

энергию этого мощного, как бы ввинчивающегося вверх движения, нанес противнику жестокий удар, вогнав ему в живот все десять дюймов оставшейся от сабли стали по самую ее гарду и еще по инерции продернув лезвие вверх.

Японец с воплем, который отдался в пещере оглушительным эхом, упал на колени, выронил свой меч, его глаза вылезли из орбит, а белый песок внизу мгновенно стал черным от крови. Вся схватка заняла не больше минуты, но Ланселоту показалось, что она продолжалась целую вечность. Он тоже обессиленно опустился на землю рядом с поверженным противником. Но тут он вспомнил о втором японце, и не зря, потому что, находясь в этот момент спиной к входу в пещеру, не мог его видеть, но зато слышал. Исполненный ярости крик, или боевой клич, заметался в пространстве пещеры, многократно отражаясь от стен. Мягкий песок скрадывал звук от бегущих ног, но Ланселот с ужасом понял, что если не случится чуда, то от удара второго японского меча его голова сейчас слетит с плеч. Однако у него уже не было ни сил, ни времени не только на то, чтобы подняться, но даже оглянуться. Правду сказать, он просто боялся смотреть назад, ибо не каждый отважится глядеть в глаза собственной смерти. Ожидая ее холодного финального поцелуя, он инстинктивно вжал голову в плечи. Но вместо этого вдруг грянул гром, от которого, казалось, сейчас обрушатся своды пещеры. Затем он повторился еще и еще раз, и все стихло. Еще не веря тому, что жив, Ланселот оглянулся. Второй противник лежал на спине на расстоянии каких-то шести ярдов, еще сжимая в руке меч и конвульсивно суча ногами. Рядом с ним, спиной к Ланселоту, застыла Джейн, держа в вытянутых руках откуда-то взявшийся крохотный пистолет, из дула которого еще поднимался сизоватый дымок. Ланселот вскочил на ноги и бросился к ней. Одного взгляда на японца было достаточно, чтобы понять, что он мертв. В его лбу, ровно посередине, виднелось отверстие, из которого еще брызгал фонтанчик крови, а на белом кителе расплзлось другое кровавое пятно. Меч валялся рядом. Увидев Ланселота, женщина выронила пистолет и бросилась к нему на шею. Ее сотрясали судорожные рыдания.

– Это так это так страшно! – повторяла она сквозь слезы. – Я думала, он меня сейчас зарежет этим своим чертовым тесаком. Я стреляю, стреляю, а он все бежит и бежит! Я думала, что мажу или что пули слишком маленькие и ему нипочем!

– Откуда у тебя пистолет? – спросил он, подняв с земли похожий на игрушку маленький дамский браунинг, весом всего около двенадцати унций, украшенный золотой инкрустацией, со щечками рукояти, сделанными из слоновой кости. Несмотря на свои небольшие размеры, это было весьма эффективное оружие самообороны двадцать пятого калибра, оболочечная пуля которого пробивала слой мышц и застревала внутри тела, полностью отдавая ему всю свою энергию. В пистолете оставалось еще три патрона из шести. То есть Джейн стреляла три раза и не попала лишь однажды, хотя ей и показалось, что все пули летели мимо.

– О-о, – догадался он, заметив на песке ее роскошный клатч, теперь совершенно пустой, который она удивительным образом сумела сохранить, несмотря на все передряги, вплоть до этого самого рокового момента. – Вот что ты, оказывается, в нем так бережно хранила! А я думал – пудру или помаду.

– Да, они мне сейчас бы тоже не повредили, – всхлипнула она, растирая руками грязь на своем лице. Но мой «Бэби Браунинг» все-таки пригодился больше. Спасибо покойному барону – это его подарок.

– Еще как пригодился! Кстати, надо сказать тебе «спасибо», ведь я, кажется, обязан тебе жизнью.

– Как и я тебе, так что считай, что мы квиты.

В это время сзади раздался тихий протяжный стон. Первый японец был еще жив.

– Как это я о нем забыл?! – подсадовал на себя Ланселот. Он подошел к раненому. Тот, кажется, готов был уже испустить дух, потому что рана его была ужасна. Ланселот не только проткнул ему живот, но и полностью вспорол его, так что внутренности несчастного вышли

наружу. Японец ничком лежал в огромной луже крови, и было удивительно, что он еще дышал. Ланселот осторожно перевернул умирающего на спину. Лицо того было искажено предсмертной мукой, однако взгляд осмыслен. Вдруг лицо японца сморщилось в ужасной гримасе, которая, наверное, должна была изображать презрительную усмешку.

– Скоро вы все умрете, – сообщил он заплетающимся языком.

– О чем ты? – попытался дознаться Ланселот. – Сюда придут японцы? Когда? Что здесь хранится? Говори! Тебе ведь теперь все равно.

– Вы *все* умрете, – повторил японец, но теперь совершенно твердо, с упором на «*все*». – Сгорите в аду. *Мы* устроим его вам. Не там, – показал он пальцем вниз, – а прямо здесь. Скоро, очень скоро. Тут он засмеялся хрипло и страшно, после чего изо рта его хлынула кровь, а душа отлетела навеки.

Ланселот и Джейн, пораженные, стояли над бездыханным телом.

– Как это – «сгорите здесь все»? – произнесла она задумчиво. – Что тут может гореть? Может, это угроза забрать нас с собой в ад?

– Не думаю, – ответил Ланселот. – Вряд ли он имел в виду, что гореть мы будем на том свете или же здесь, прямо на этом острове. Скорее, он обещал нам гибель от какого-то их нового сверхоружия, которое решит исход войны. Во всяком случае, мы должны выяснить, что они здесь прячут. Возможно, это и есть ключ к разгадке. Но сначала надо собрать трофеи, для нас сейчас нет ничего лишнего. С этими словами он принялся осматривать карманы убитого. В его кителе он обнаружил исправный электрический фонарик, которым тот, вероятно, подавал сигналы подводной лодке с борта «Принцессы Елизаветы», и бумажник, в котором он нашел фотографию, на которой, несмотря на то что она побывала в воде, еще можно было различить изображение. Это была японская семья: три женщины разного возраста с высокими прическами и в кимоно, каждая держит на руках по ребенку, мужчина старшего возраста – также в традиционной одежде и, наконец, сам его недавний соперник по поединку – в европейском костюме-тройке, при галстукке и в канотье.

«Наверное, это была хорошая семья: отец, мать, дочь, сын, невестка, дети, – с грустью подумал Ланселот. – А теперь их мир разбит, разрушен. Тот, кого все они любили, кем гордились, на кого надеялись, безвестно сгниет в этой сырой пещере на острове, затерянном в океане. Встретиться мы раньше, могли бы найти общий язык, может, даже подружиться. Как странно – совершенно незнакомые люди, живущие обычной жизнью, ценящие мораль, закон и порядок, вдруг разом принимаются друг друга остервенело топить, стрелять, резать, как настоящие дикари. Отчего мы так делаем? Уж явно не из корысти, не потому, что хотим нажиться за счет побежденных, ведь война всегда отбирает намного больше, чем дает. Из чувства долга? Но перед кем этот долг, как не перед самими собой? Тогда из страха? Из опасения самому быть убитым или чтобы не сочли трусом? Да, часто так и бывает. Но если хорошенько поразмыслить, то мы готовы убивать вовсе не из страха смерти, а, наоборот, чтобы ощутить себя бессмертными! Война – это болезненное, сладострастное желание поставить себя на самый край – так же как нас тянет встать над бездной, а то и сделать в нее шаг, чтобы укрепить себя в наивной и смутной надежде: «уж *я-то* умереть точно не могу». Выходит, как только существо обрело рассудок и постигло, что смертно, тленно, то есть что оно – человек, оно тут же ощутило в себе желание убивать себе подобных – и не ради пропитания, продолжения рода или собственного спасения, а лишь из тщетного стремления доказать самому себе, что бессмертно. Вот и на войну человек идет, чтобы почувствовать себя богом, но там скоро узнает, что ничтожен и прах. Вот как мы распоряжаемся рассудком, которым наделил нас Господь! И ему есть за что нас карать».

Из этих грустных философических размышлений его вывела Джейн:

– Смотри, что я нашла у того, второго!

Она протянула Ланселоту потрепанную карту, на которой была изображена юго-восточная часть Тихого океана. Посередине стоял крестик, – очевидно, в том самом месте, где «Принцесса Елизавета» встретила японскую субмарину. Крестиком был обведен на карте остров. Все надписи были сделаны по-японски, иероглифами, но по конфигурации географических изображений можно было догадаться, что это не Маршалловы острова, а одинокий клочок земли посреди океана.

– Значит, это действительно именно те два японца, которые плыли вместе с нами. Разведчики! Хорошо, что у них не было припрятано с собой огнестрельного оружия, а то бы не они, а мы сейчас лежали на их месте. А сюда они приплыли потому, что тут японская секретная база, о которой они у себя в разведке, видимо, знали, и здесь их вернее всего могли бы забрать свои, – размышлял Ланселот вслух. – Но вряд ли у них был ключ от той двери. Она ведь обнажилась случайно, после землетрясения, а главное, мы не нашли при них никакого ключа.

– Но ведь и нас могут отсюда «забрать», но только не «свои», а те, кто, возможно, придет за ними, – предположила Джейн, указывая на трупы. – Но я почему-то думаю, что наша встреча не будет слишком радушной.

– Да, мы теперь опасные свидетели. Можно, конечно, спрятаться, остров относительно большой, но неизвестно, сколько месяцев или даже лет нам тогда придется провести здесь одним. Может, всю жизнь.

– Ну, «всю жизнь» – это было бы еще полбеды. Боюсь, что за жизнь нам еще придется побороться. Вряд ли японцы дадут нам убраться отсюда восвояси...

– Вот что! Поскольку здесь есть военная база, то, вероятно, имеется и рация. А по рации я попробую вызвать помощь.

– То есть нам надо высадить эту чертову железную дверь и войти внутрь?

– Это было бы здорово, но, к сожалению, чтобы ее выбить, нужна куча взрывчатки.

– Стоп, – вдруг осенило Джейн. – Ведь первый из японцев шел за нами откуда-то из глубины пещеры. Что он там позабыл? Не мог же он просто сидеть на камушке и поджидать, когда же сюда придут какие-нибудь американцы! Может быть, не надо было и взрывчатки, а хватило и недавнего землетрясения?

– Ты гений, Джейн! – просиял Ланселот. – Надо осмотреть грот в глубине, не исключено, что обвалилась часть стены хранилища, если оно, конечно, и правда находится там, внутри горы. Только сначала надо здесь немного прибраться.

– «Уберите трупы», – продекларировала Джейн. – Так обычно заканчиваются пьесы Шекспира. Но у нас, похоже, все только начинается!

Выкопав японским мечом в песке пещеры яму, Ланселот стащил в нее тела и аккуратно заровнял импровизированную могилу. Скоро влажный песок впитает кровь, и никому не придет в голову, что здесь состоялась маленькая битва большой войны. Ланселот отсалютовал трофейным оружием противникам, павшим в честном бою, после чего, захватив с собой один из мечей и фонарик, снова двинулся со своей спутницей внутрь грота, вдоль берега подземного озера. Миновав закрытую железную дверь, они пошли дальше. Скоро идти стало труднее, так как путь то и дело преграждали завалы из крупных камней. Луч фонаря шарил по сводам и стенам пещеры, однако никакого провала в них пока что заметно не было. Так они прошли ярдов сто, как вдруг откуда-то донесся весьма странный в этом месте звук, похожий на глухой шум работающего мотора.

– Ну вот, там была железная дорога, а здесь вообще как в подземке! – усмехнулась Джейн.

Направляясь на звук, они скоро заметили в стене довольно широкую трещину. Двигатель явно работал где-то за ней. В проем оказалось возможным кое-как протиснуться, но потом он расширился настолько, что можно было свободно идти. Шум все усиливался, потом стал ощущаться запах сгоревшего дизельного топлива. Завернув за угол прохода, они вдруг увидели отблески света и оказались в новой пещере, точнее помещении, потому что над ним явно

потрудились не только природа, но и человеческие руки. Это был довольно большой зал, длиной около тридцати пяти ярдов, шириной около пятнадцати и высотой не менее четырех. Он освещался двумя рядами электрических ламп, подвешенных под потолком. У противоположной стены работал дизельный двигатель, выхлопная труба которого, выведенная в потолок, видимо, дала трещину и немного дымила внутрь. Наверное, мотор запустили японцы, первыми обнаружившие проход. Вдоль всего помещения были расположены два ряда трехъярусных металлических стеллажей, уставленных деревянными ящиками, выкрашенными в защитный цвет. На них были нанесены какие-то черные иероглифы. Обойдя помещение, исследователи не обнаружили ни рации, ни провизии – ничего, кроме того, что было сложено на полках. Всего, по предварительной прикидке, там было не менее ста ящиков. Ланселот попытался подвинуть один из них, но это оказалось для него невыполнимой задачей – настолько тот оказался тяжел. Просунув острие меча в щель между досками одного из ящиков, он расширил ее и, с усилием поддев верхнюю сторону, открыл, а открыв, онемел. При мерцающем огне электрических фонарей из его глубины в глаза ярко ударило новое, ни с чем не сравнимое желтое свечение, которое излучает только одно на свете вещество, точнее, металл. Ланселот открыл еще один ящик, потом еще и еще. Сомнений не было – все они были доверху набиты золотыми слитками, плотно уложенными в пять рядов.

– Подземка, оказывается, вела в японский Форт-Нокс, – тихо промолвила Джейн, завороженно глядя на золотое сияние.

– Да, но только, к сожалению, он находится не в Кентукки, – заметил Ланселот.

– В Кентукки нас к нему бы не подпустили на пушечный выстрел, а тут мы, похоже, пока единственные посетители, – полушутя отреагировала Джейн. – Никогда еще не чувствовала себя миллионершей. До сих пор не могу поверить, что все это происходит со мной наяву!

– Так! – прервал ее Ланселот. – Похоже, это и впрямь небольшой японский Форт-Нокс, видимо, на случай непредвиденных обстоятельств. Думаю, что золота тут не меньше чем на сто пятьдесят миллионов долларов, а может, и больше.

– С ума можно сойти. Выходит, неслабая заначка спрятана здесь у микадо.

– Ее хватит, чтобы купить пол-Японии, а это значит, что с началом боевых действий этот склад вряд ли оставят без присмотра. То есть скоро нам надо ждать гостей. Точнее, хозяев всех этих деньжищ.

– И им точно не понравится, что мы на них глазели, трогали и к тому же уколошили здесь уже двух япошек.

– Отсюда вывод: тут долго оставаться нельзя, для нас это настоящая, хотя и очень дорогая мышеловка. Надо уносить ноги и постараться найти какой-то способ сообщить обо всем нашим.

– Интересно, как это сделать? Бросить в море бутылку с запиской? Хотя, тот, кто спрятал тут золото, почему-то не удосужился оставить бутылку с шампанским, чтобы мы могли отметить свою счастливую находку. Кстати, я зверски хочу есть. Золото – это хорошо, но сыт им не будешь. Война войной, а обед, как я слышала говорят в армии, по расписанию. Думаю, нам надо вернуться на берег, чтобы поискать там какую-нибудь пищу, а затем мы подумаем, что делать со всем этим эльдорадо. В любом случае я бы прихватила с собой пару ящичков в качестве компенсации за нанесенный ущерб.

– Учитывая, что один ящичек весит никак не меньше полутора тысяч фунтов, а каждый брусок – фунтов тридцать, тебе придется сначала хорошенько подкрепиться. Не случайно, все это хозяйство перебрасывали сюда по железной дороге.

– Вот ей мы и воспользуемся. Она же поднимается в гору, а значит, с горы и спускается, так что тяга нам не нужна, а требуется лишь вагонетка. А мы видели их там в лесу несколько штук. Нужно только поставить одну из них на рельсы, нагрузить слитками и осторожно спустить вниз.

– Джейн, я тобой восхищаюсь. Можно подумать, что раньше ты не в театре выступала и была не великосветской дамой, а грабила почтовые поезда!

– Нет, в самом деле, мне это даже нравится. Со своим бароном я немного закисла. Самое большее, на что я могла рассчитывать, – это пощекотать нервы, проигрывая в покер его состояние. А тут за несколько дней произошло столько, что хватит на всю жизнь: кораблекрушение, штормы, сражения с морскими монстрами, какие-то средневековые поединки на мечях, пальба из пистолета. Меня столько раз хотели убить! Восхитительно! А теперь вот мы победили, и я соображаю, куда нам деть кучу золота величиной с Эмпайр-стейт-билдинг. Это просто фантастика! Разве не так?

Ланселот, услышав ее горячую речь, не мог удержаться от улыбки:

– Вот, оказывается, чего не хватает женщинам... Ну, может быть не всем...

– Каким же?

– Лишь самым настоящим.

– На самом деле настоящей женщине не хватает настоящего мужчины... Но сдается мне, я с ним уже встретила.

– Ты имеешь в виду Броссара?

– Скажи еще, этого жуткого японского самурая! Брр-р. На самом деле я думаю, ты знаешь, кого я имею в виду.

Ланселот покраснел и, чтобы скрыть смущение, сказал, пытаясь придать своим словам шуточный оттенок:

– Наверное, какого-нибудь красивого осьминога, которого я собираюсь поймать в море нам на обед.

– О да! Я сейчас, кажется, отдала бы все это богатство не только за осьминога, но даже за любую, самую дохленькую рыбку или креветочку.

– Что ж, тогда в путь!

С этими словами они покинули эту пещеру Али-бабы и уверенно двинулись в обратную дорогу, к океану, но уже не по джунглям, а по прямому полотну узкоколейки, впрочем еще не ведая, куда приведет их судьба.

* * *

Обратный путь оказался куда приятней. Не надо было ломать ноги на скользких мшистых камнях и в ловушках корней. Узкая колея железной дороги, хоть и наполовину скрытая уже успевшей окрепнуть зеленой порослью, давала ровную и надежную опору. Кроме того, она вела вниз, так что идти по ней было легко. И если на то, чтобы добраться до пещеры у водопада путешественникам потребовалось четыре часа, вниз они спустились менее чем за час. Скоро они услышали шум прибоя, и рельсы привели их прямо к берегу, но не в то место, где океан выбросил плот, а примерно в полумиле оттуда. Здесь прибрежные скалы расступались, образуя природную гавань. Два высоких утеса обрамляли неширокий вход в нее, так что высокие океанские волны разбивались о каменную стену снаружи, а вода внутри была относительно спокойна, и джунгли подходили прямо к ее кромке. Путники поэтому не сразу заметили в прибрежной зелени деревянный помост на вбитых в дно сваях, который был очень похож на причал.

– Та-а-к, – протянул Ланселот удовлетворенно. – Вот здесь они разгрузались. – И, очевидно, здесь же их следует ждать снова. Кажется, тут достаточно глубоко, так что к берегу может подойти большое судно.

– Я думаю, что нам придется вернуться на старое место, к реке, – сказала Джейн. Там, по крайней мере, есть кокосы, а я сейчас точно умру, если только чего-нибудь не съем.

Они не стали возвращаться через глухой лес. От гавани можно было подняться по осыпи камней прямо на скалы, поверху которых шло некое подобие естественной тропы, прерываемой время от времени оползнями и трещинами, но тем не менее она вела в сторону устья реки. По ней путь оказался трудным, но заметно быстрее, и скоро они вышли к месту своей высадки на остров. Ланселот вскрыл пару больших орехов, валявшихся на земле, и оба жадно набросились на их белую мякоть. Но странное дело, эти дары леса, заполняя желудок до отказа, по-настоящему не насыщали. Обещанный Ланселотом осьминог, так же как и другие дары моря, оставались лишь мечтой, потому что для его ловли надо было еще найти на побережье подходящее мелководье. Требовалось какое-то другое решение.

– Послушай, Ланс, – сказала Джейн, – когда я не была еще баронессой и даже актрисой, там, где я росла, а наш городок стоял на Миссисипи, мы, дети, играя на берегу, часто ловили раков, которые были невероятно вкусными, если их сварить на костре. Ничем не хуже лангустов, только поменьше. Может быть, в этой речке они тоже водятся?

– А на что вы их ловили?

– На кусочки мяса. Правда, если бы у нас здесь было мясо, не надо было бы ловить раков.

– Но зато у нас есть кокос. Знаешь, есть такой краб – кокосовый вор. Судя по прозвищу, он любит кокосы. А раки – двоюродные братья крабов, и если они тут действительно есть, то им, наверное, кокосы тоже придутся по вкусу.

Сделав такое глубокомысленное заключение, Ланселот зашел по пояс в воду реки и, идя вдоль берега, стал внимательно смотреть, ища в нем рачьи норы. Джейн тут же присоединилась к этому увлекательному занятию. Через некоторое время удача им улыбнулась, и они обнаружили в крутом берегу целую колонию проделанных раками отверстий. Держа в левой руке кусочек кокосового ореха, Ланселот стал выманивать рака из норы. Скоро из нее высунулась здоровенная клешня, похожая на окаменелую варежку, а потом темная голова с глазами на стебельках и тело с членистым хвостом. Но как только Ланселот попытался схватить рака правой рукой, тот вильнул хвостом и, проявив неожиданное проворство, мгновенно исчез в своем убежище. То же самое повторилось и возле другой норы, и возле третьей.

– Так нам никого не поймать, – сказала Джейн. – Надо сделать ловушку. У нас ее называют верша.

Ланселоту пришлось нарубить, пользуясь ее указаниями, тонких бамбуковых прутьев, и Джейн неожиданно умело и быстро сплела из них конструкцию, напоминающую огромную плетеную бутылку. Затем она изготовила что-то похожее на конусовидную шляпу, вроде тех, которые носят в Китае, но с отверстием посередине, и вставила ее в бутылку конусом внутрь в качестве дна. Получилась отличная рыбная ловушка, вполне годящаяся и для ловли раков. В нее положили приманку – начинку кокосового ореха и притопили с помощью двух больших камней в воде, рядом с рачьими норами. Разложив костер, ловцы, сидя у огня, стали ждать, преодолевая адские муки голода. Через два часа мучительного ожидания Ланселот проверил ловушку и... прямо в воде исполнил что-то наподобие бешеной джиги, сопровождая танец восторженными первобытными криками, ибо верша оказалась доверху набита крупными раками, которые являли собой шуршащую серо-черную массу. Он вытащил ловушку на берег и с трудом отнес к костру, где его спутница, сидя на корточках, уже пекла найденные ею поблизости феи. Шевелящихся раков клали в горячую золу, отчего они сначала двигались еще быстрее, но быстро успокаивались и краснели, превращаясь в еду. И тут наконец состоялось великое и незабываемое кулинарное событие, подлинный праздник тела и души. Раков вытаскивали из золы прутиком и вместе с печеными феями клали на большой сердцевидный лист таро. Сначала съедали хвост и брюшко, потом разгрызали сочные клешни, запивая содержимое терпким кокосовым соком. Впервые после высадки на остров они по-настоящему насытились и, несмотря на все, что с ними приключилось до этого, как ни странно, чувствовали себя совершенно счастливыми. В их распоряжении оказался неиссякаемый источник пищи, вечерний

воздух был влажным, теплым и ласкающим кожу, костер ярко горел, рассеивая вокруг себя вдруг опустившуюся на остров темноту тропической ночи. Казалось, что беспокоиться больше не о чем и что жизнь всегда будет так же прекрасна.

Окончив пир, они молча сидели у костра, глядя в огонь. Ланселот расстелил на земле свой выдавший виды китель. Джейн грациозно устроилась на нем, поджав ноги, и знаком показала ему, чтобы он занял место рядом. Когда Ланселот сделал это, она вдруг обвила руки вокруг его шеи и прижалась губами к его губам. Однако он не торопился ответить ей тем же.

– А как же твое замужество и господин Броссар? – слегка отстранившись от ее лица, шутливо спросил он.

– Сомневаюсь, что господин Броссар уложил бы в поединке самурая, а потом наловил мне еще столько раков, – ответила она ему, смеясь. – И потом, – посерьезнев лицом, добавила она, – подозреваю, что я уже самая настоящая вдова, так что терять господину Броссару уже нечего.

– Ах, вот оно в чем дело: как всякая первобытная женщина, ты предпочитаешь иметь смелого и добычливого самца?

– Нет, негодник, я предпочитаю тебя!

С этими словами она внезапно опрокинула морского пехотинца на спину и прильнула к его устам горячим поцелуем. Ее мягкие и сочные губы пахли кокосом и почему-то еще немного свежим молоком. Они имели вкус чистый и нежный, как у ребенка, так что было странно чувствовать его на губах взрослой женщины. Ланселот провел ладонями по ее спине, которая была полностью обнажена, а куски туники держались только спереди, поддерживаемые тонкими полосками ткани и едва прикрывая грудь. Ее кожа была на ощупь трепетна и нежна и в лучах восходящей луны, казалось, сама светилась изнутри. Он освободил ее плечи от досадной помехи, и туника упала, открыв восхищенному взору два высоких и упругих холма, как бы увенчанных тугими розовыми бутонами. Джейн также расстегнула его рубашку и легла на него своей обнаженной грудью. Он провел ладони дальше вдоль ее спины, чувствуя узкую талию и жар поясицы, пока не ощутил под своими пальцами две упругие и широкие полусферы, разделенные тесной долиной, в которую он немедля и устремился, опуская пальцы все ниже и ниже. Наконец он достиг желанного влажного оазиса. Тут его сердце забилося так сильно и часто, что, казалось, сейчас, взломав ребра, выпрыгнет наружу. Горячая, напряженная плоть быстро скользнула в его пальцах, и Джейн вскрикнула коротко и хрипло. Она стала лихорадочно сдирать с Ланселота одежду и с себя – остатки своего одеяния. Когда любовники оказались полностью обнажены, она сохранила над ним доминирующее положение сверху. Раздвинув ноги, Джейн властной рукой направила его внутрь себя и сладостно застонала, потом поднялась и, закусив губу, медленно опустилась на него снова, до упора, чувствуя энергичное встречное движение с его стороны, которое он совершал, взявшись обеими руками за колышущиеся над ним тугие белые сферы и чувствуя их приятную тяжесть. Это привело ее в экстаз, и она принялась исполнять на его бедрах неистовый любовный танец, который продолжался снова и снова в красных отблесках костра, под завистливым взором полной луны, под ритмичный аккомпанемент природного оркестра, состоящего из шума морского прибоя, неумолчного звона цикад и целой россыпи мелодий, производимых хором других ночных певцов, скрытых в темных кронах лесных деревьев. Ритм этого танца все нарастал и нарастал, вливая в звуки ночного хора их сладострастный дуэт. Наконец, когда оркестр вышел на крещендо и достиг фортиссимо, танец внезапно прервался, перейдя в длинный спаренный крик, сопровождавший финал. Какое-то время они сохраняли неподвижность в прежней позе, будучи не в силах разъединиться, затем она в изнеможении упала рядом с ним. Так они долго лежали, глядя на звезды, и молчали, избегая ненужных теперь слов.

* * *

Утром он проснулся от какого-то до боли знакомого, тревожного звука, доносящегося сверху. Это явно был самолет. Ланселот быстро забросал землей угли вчерашнего костра, чтобы сверху не заметили еще поднимавшуюся от него в небо тонкую струйку дыма, и разбудил Джейн.

– Быстро вставай и прячься под дерево, – почему-то шепотом скомандовал он ей.

– Что случилось, неужто опять землетрясение? – еще толком не проснувшись и протирая глаза, спросила она.

– Хуже, – ответил он. – Кто-то опять прилетел. Не думал я, что это случится так рано.

– Да, могли бы подождать, пока мы позавтракаем, – сострила она, вскочив на ноги и натягивая на себя остатки своей туники. – К тому же я не одета!

Спрятавшись под широкими, словно пальмовыми, листьями банана они напряженно вглядывались в небо. Скоро в просветах древесных крон промелькнул гидроплан. Он шел достаточно низко, видимо высматривая что-то на земле. На его крыльях они успели различить две ярко красные окружности.

– Японец, – констатировал Ланселот.

Самолет некоторое время кружил над островом, потом звук его стал постепенно стихать, пока не исчез совсем.

– Раз не стал садиться, значит, прилетал на разведку или искал следы пропавших самураев. А может, и то, и другое. В любом случае надо поспешить, скоро нагрянут гости.

– Да, а то мы рискуем остаться без наших денежек, – попытожила Джейн уморительно деловым тоном. – Пардон, без положенной Америке, в нашем лице, контрибуции.

– Я думаю, что золото действительно может пригодиться. – Ланселот пытался убедить себя в правомерности предстоящих действий. – Например, чтобы быстрее добраться домой. Оно легко открывает любые двери. Хотя это, конечно, и небезопасно – расплачиваться с незнакомыми людьми золотыми слитками. Но другого пути у нас, похоже, нет.

– Не надо искать себе никаких оправданий, Ланс, – сказала она, явно не испытывая никаких угрызений совести. – Золото есть золото, оно нужно всем и всегда. Тем более приятно, что мы отберем его у врага! А если целого слитка, чтобы расплатиться с кем-то, будет много, отмахнешь от него кусочек трофейной самурайской саблей.

Быстро перекусив остатками вчерашней трапезы, они вернулись по скалистой прибрежной гряде к бухте и начинавшемуся возле нее железнодорожному полотну. Поднявшись по нему вверх и воспользовавшись трофейным фонариком, они вскоре снова оказались в золотой пещере. Ланселот с третьей попытки все-таки завел чихающий и дымящий, но в конце концов капитулировавший перед ним японский дизель, и под сводами сокровищницы замигал, разгораясь, электрический свет.

Нельзя было и думать о том, чтобы поднять, а тем более вынести из пещеры целый ящик с золотыми слитками за один раз – настолько каждый из них был тяжел. Пришлось раскрыть два ящика и выносить слитки по отдельности. Каждый литой брусок весил около тридцати фунтов, так что Ланселот смог взять с собой лишь три, а Джейн сначала сумела оторвать от земли только один, но затем все-таки, поднатужившись, взяла два. В каждом ящике было по семьдесят слитков, так что начинающим расхитителям императорской казны предстояло раз четырнадцать-пятнадцать проделать путь к железной дороге, чтобы перетащить, шагая к тому же по острым и скользким камням, содержимое всего лишь одного из них. Это оказалось делом каторжно трудным и заняло у них не менее четырех часов. Перетащив один ящик, они рухнули на траву в полном изнеможении.

– Ланс, а нельзя нам поискать здесь не золото, а, скажем, бриллианты? Наверное, они все-таки малость полегче. И их не надо будет гонять взад-вперед целыми вагонетками.

– Думаю, за бриллиантами нам придется наведаться в следующий раз, если, конечно, японцы сообразят их сюда завезти. Кстати, мы еще не посмотрели, исправны ли сами вагонетки!

Они заставили себя подняться и подойти к штабелю небольших колесных платформ, которые они еще раньше заметили в нескольких ярдах от дороги. С большим трудом удалось снять верхнюю, кое-как подтянув к рельсам и поставив на них. К счастью, несмотря на то что оси и колеса были покрыты густым ржавым налетом, вагонетка была исправна и с ужасным скрипом вполне могла катиться под гору. Но нагрузить ее золотыми слитками оказалось только половиной дела, следующая же непростая задача состояла в том, чтобы не дать слишком сильно раскатиться при движении вниз, что было чревато сходом с рельсов и, по сути, крушением всего предприятия по экспроприации стратегических запасов противника.

Решение пришло само. Один из золотых брусков случайно свалился с платформы под колесо, которое наехало на него и затормозилось. Тогда Ланселоту пришла в голову мысль использовать два слитка, имеющих в сечении форму трапеции, в качестве букс. Поочередно подкладывая по одному под переднее и заднее колеса, можно было обеспечить прерывистое движение платформы. Это оказалось не столь уж трудным делом. Ланселот снимал брусок, подложенный под переднее колесо, платформа двигалась, но, как только она начинала набирать слишком большой темп, он тормозил ее, упершись руками спереди, а Джейн клала еще один брусок под заднее колесо, потом они чередовались. Сначала дело стопорилось, но потом они научились делать это синхронно, и через некоторое время груз благополучно удалось спустить вниз. Затем всю операцию с доставкой золота вниз повторили еще раз с помощью другой платформы, что заняло остаток дня.

– Что будем делать со всем этим дальше? – спросила Джейн, когда они немного передохнули.

– Зароем ящики на берегу. Отсюда нам будет легче потом их забрать.

С помощью найденной на берегу створки большой раковины Ланселот вырыл в песке между двух приметных деревьев неглубокую яму, в которую поместил два пустых ящика. В них и сложили слитки, закрыв сверху крышками, после чего завалили песком. Для верности Ланселот водрузил над кладом большой черный камень.

– Вот теперь я чувствую себя настоящим капитаном Флинтон, – заявила Джейн.

– Вообще-то, он, говорят, плохо кончил, – заметил Ланселот. – Я бы скорее предпочел быть Джимом Хокинсом или сквайром Трелони. По крайней мере, их история с островом сокровищ имела счастливый конец...

Вечер и ночь они снова провели на прежнем месте, у костра возле реки.

* * *

Как и большинство плохих дней, этот начался отлично. Утром они решили вернуться в пещеру, чтобы пересчитать ящики и инвентаризировать общее количество трофейного имущества. Это была идея Ланселота, который твердо намеревался при первой возможности доложить о найденном сокровище американскому командованию. Джейн горячо его поддержала, хотя, кажется, и по несколько иной причине. Золото в таком несметном количестве завораживало ее и притягивало как магнит. Наскоро позавтракав плодом обнаруженного неподалеку хлебного дерева, белую, слегка сладковатую мякоть которого, растерев с кокосовым молоком и сделав из нее что-то вроде лепешки, испекли на костре, они двинулись в путь.

Достигнув пещеры, они прошли в хранилище, где Ланселот завел немилосердно тархетевший генератор и при мигающем свете электрических ламп принялся пересчитывать ящики, двигаясь вдоль стеллажей и считая вслух. Джейн шла вместе с ним.

– Так-так, мистер Ланселот, – вдруг громко произнес сзади чей-то до боли знакомый голос. – Вы делаете успехи. Не только выжили, но еще и несказанно разбогатели! Ба! Да, еще обзавелись такой красивой подружкой! Мое почтение, мадам Броссар.

Если бы своды пещеры вдруг разверзлись и с небес грянули гром и молния, наши путешественники были, наверное, поражены меньше, чем услышав здесь эти слова. Они на миг остолбенели, а потом разом повернулись. Правду сказать, было от чего сделать круглые глаза. Напротив них стоял собственной персоной мистер Томпсон, преуспевающий американский делец, одетый в новый с иголки белый полотняный костюм, а на голове его красовался колониальный пробковый шлем. Он широко улыбался и, казалось, был несказанно рад встрече, несмотря на то что по бокам от него маячили два японских офицера с катанами на боку, с пистолетами на изготовку, направленными в сторону застигнутых с поличным незадачливых охотников за сокровищами. Да, это был удар. Также поганно, как они сейчас, чувствовали себя, наверное, расхитители гробниц фараонов, когда внезапно путь к спасительному выходу преградила падающая каменная плита оставленной строителями хитроумной ловушки.

– Я вижу, вы пересчитываете ящики. Входите, так сказать, в новую роль. Как это верно! В бизнесе главное – учет и контроль, – наставительно продолжил Томпсон, весело взирая на два соляных столба, в которых превратились Ланселот и Джейн. – Как же вам удалось спастись? Хотя о чем это я? Вы же, Ланс, хотя и пехотинец, но все-таки морской, и вас наверняка этому учили. Кстати, мои добрые друзья, – сказал он, кивнув в сторону офицеров, – интересуются, не видели ли вы здесь – совершенно случайно – двух их коллег. Они тоже собирались совершить экскурсию в это заманчивое местечко. Японцы, знаете ли, очень привязаны к своим соплеменникам, никогда их не бросают и всегда интересуются их судьбой.

Ланселот уже пришел в себя от неожиданной встречи и мысленно поблагодарил провидение за то, что трофейный меч был оставлен сегодня на их стоянке на берегу реки.

– Нет, мистер Томпсон, мы никого здесь не видели вплоть до вашего эффектного появления. А как сюда попали вы?

– О! В этом-то я как раз не вижу ничего необычного, – подала голос Джейн. – Где куча золота, там всегда должен быть и мистер Томпсон! Интересно другое, где вы обзавелись конвоем? Кстати, вы в курсе, что с Японией у нас идет война?

– У вас? Война? По-моему, Франция с Японией пока что не воюет, а ведь вы, дорогая, смею вам напомнить, – супруга французского консула и подданная этой замечательной и, можно сказать, теперь уже дружественной Японии страны. Кстати, надеюсь, скоро вы снова будете иметь удовольствие лицезреть своего любимого муженька.

– Как, он здесь, с вами?!

– Ну, прямо здесь его, как видите, нет, и не надо ему тут быть, поверьте, ради его же собственного блага. Но в общем, да, он сейчас находится с нами, в том смысле, что на этом острове, так что я уже предвкушаю вашу с ним нежную встречу!

– То есть вы хотите сказать, что нас не пристрелят здесь прямо на месте?

– Ни в коем случае! Однако, боюсь, что вам обоим придется пройти вместе вот с этими любезными джентльменами, – сказал Томпсон, кивнув на японских военных.

Те, видимо, поняли этот жест как призыв к действию. Схватив пленников, они вовсе не любезно связали им сзади руки и толкнули вперед. Томпсон немного замешкался сзади, разглядывая что-то на полу, но потом тоже двинулся к выходу. Однако трещиной в скале, через которую они все до того вошли, воспользоваться уже не пришлось, так как железные ворота в хранилище со скрежетом распахнулись, и в открывшемся проеме стало видно, что в гроте споро ведется работа. К сокровищнице подводился наклонный дощатый помост, призванный

служить в качестве сходней. Несколько японских матросов, стоя на лестницах, устанавливали на стене пещеры металлические крепления, от которых натягивали к выходу тросы, идущие прямо сквозь водопад. Было ясно, что это восстанавливается подвесная дорога, очевидно, для эвакуации из пещеры золотого груза. Когда пленники под конвоем миновали грот, прошли по камням под пологом падающей воды и покинули пещеру, они увидели, что и снаружи развернулась кипучая деятельность. Дорога заканчивалась у того толстого дерева, на котором Ланселот накануне заметил металлическое кольцо. Сейчас рабочие заканчивали фиксацию на нем тросов. Другие ставили на рельсы вагонетки и снизу тащили к электромоторам соединительные провода.

– Скажите, друг мой, – с интересом глядя на Ланселота, произнес мистер Томпсон, – вы что, тормозили вагонетку золотыми слитками, подкладывая их под колеса?

– Какую еще вагонетку? – опешил Ланселот и даже остановился, но тут получил грубый толчок в спину от следовавшего за ним конвоира.

– Идите, идите, не останавливайтесь, а то вызовите подозрения... Какую вагонетку, говорите? Ну как же? Там на берегу, у причала, я заметил вагонетку, а на колесах у нее прерывистые блестящие следы желтого цвета. Признайтесь, сколько слитков вы успели спустить вниз? Ящика два или три? То есть полторы, а то и две сотни брусков. Каждый – четыреста тройских унций в двадцать четыре карата. Значит, приблизительно два – два с половиной миллиона долларов. Неплохо, очень неплохо! Да за такой куш стоило немного побарахтаться в соленой воде. Наверное, припрятали золотишко где-нибудь там, на берегу?

– Мистер счетная машинка, как вы быстро все скалькулировали! – вовремя вмешалась Джейн. – Что, вместе с этими вашими альгвазилами будете теперь нас пытаться, привязав к какой-нибудь пальме, или скормите муренам?

– О нет, что вы, что вы! – протестующе замахал полными ручками финансист. – Эти, как вы выражаетесь, альгвазилы ни слова, ни бум-бум не понимают по-английски. Я проверял. Не беспокойтесь, я никому ничего не скажу про ваши подвиги. Можете не признаваться, я и так знаю про золото. И не осуждаю – вы поступили весьма разумно.

– Что, – съехидничала она, – хотите потрафить и нашим, и вашим. На случай, если японцы проиграют войну?

– Они так и так ее проиграют, дорогая, – невозмутимо ответил Томпсон. – Вопрос времени. А время, как известно, деньги. Точнее, наоборот – за деньги можно купить время. Или даже нечто большее.

– Что же может быть больше, чем время? Вечность?

– Возможно, возможно, – рассеянно пробормотал банкир. – Кстати, про двух пропавших японских разведчиков я тоже никому не скажу.

Ланселот и Джейн изумленно переглянулись.

– А что вы знаете про разведчиков? – охрипшим от неожиданности голосом спросил Ланселот, оглянувшись, и снова чуть было не упал от мощного тычка японца, который гортанно прокричал ему на своем тарабарском языке то ли приказ, то ли ругательство. Но Томпсон этого как бы и не заметил и продолжал:

– То, что они должны были проследовать на этот остров, если их после атаки японской субмарины на несчастную «Принцессу Елизавету» не подберут в море, но здесь их почему-то не нашли. В золотохранилище же я заметил закатившийся под стеллаж японский военный фонарик, из тех, что выдают офицерам. Значит, они там были, а потом появились вы, мистер Ланселот, и каким-то образом способствовали таинственному исчезновению сразу двух самураев, прекрасно обученных джиу-джитсу, кендзюцу и еще пропасти всяких чертовых трюков. Чудеса!

– Ну, это еще надо доказать!

– Ах, дорогой мой, тут вам не окружной суд Южного округа Нью-Йорка, и никто ничего не собирается доказывать. Японцы запросто могут оттяпать вам голову без всяких доказательств – по одному только легкому подозрению, а то и вовсе без оно, так сказать, из любви к искусству, а я, откровенно говоря, не заинтересован в вашей гибели.

– Это почему же, – не сговариваясь, хором воскликнули оба пленника, – надеетесь получить свою долю?!

– Нет, оставьте ее себе, если, конечно, сумеете выжить. А я постараюсь вам в этом помочь. Не спрашивайте почему, поймете потом. Тем более что мы уже практически пришли.

Действительно, путь с горы вниз по узкоколейке закончился, и их взору снова открылась бухта с причалом, напротив которого, однако, была теперь пришвартована невероятных размеров иссиня-черная субмарина, занимавшая всю среднюю, наиболее глубоководную часть гавани.

Ее люки были распахнуты, между причалом и бортом сновали взад и вперед груженные лодки, на причале суетились матросы, из-за чего пленники не сразу заметили в сутолоке застывшую тощую фигуру, оказавшуюся при ближайшем рассмотрении месье Броссаром, который был еще недавно французским консулом, а теперь неизвестно кем. Он смотрел в сторону прибывших, и лицо его выражало крайнее изумление. Наконец он, кажется, убедился, что перед ним не призраки, а живые люди, тем более что бодро шествовавший рядом Томпсон не оставлял в этом ни малейших сомнений. Да и конвоиры, сопровождавшие вдруг воскресших из небытия Ланса и Джейн, мало напоминали бестелесные тени. Неловко всплеснув руками, Броссар двинулся им навстречу, восклицая что-то по-французски.

– Эй, месье Броссар, – издали крикнул ему Томпсон, указывая на пленников, – смотрите, кого я вам привел! Как приятно все-таки воссоединять любящие сердца!

Но любящее сердце месье Броссара, кажется, было не вполне на своем месте.

– Джейн, ты ли это?! Бог мой, неужели я снова вижу тебя, ты жива? Какое счастье! – простирая перед собой руки, взволнованно, хотя и несколько театрально восклицал он и подходил все ближе. Тут он как бы впервые заметил присутствие Ланселота. – А это вы? Как вас там? Кажется, Камелот, или что-то в этом роде? – довольно раздраженно произнес он.

– Барон, да это же Ланселот, лейтенант морской пехоты. Вы же пили с ним шампанское на «Принцессе Елизавете», – любезно напомнил ему Томпсон.

– Ну, неважно, главное то, что ты снова со мной, любовь моя! – патетически продолжил француз, пытаясь обнять свою неожиданно вновь обретенную половину. Однако этому вполне законному желанию помешал один из конвоиров, который, будучи, по-видимому, старшим в команде и полностью лишенным сентиментальных чувств, нетерпеливо наблюдал эту семейную идиллию, явно проявляя неудовольствие в связи с задержкой, случившейся с выполнением имеющегося у него приказа. Тут его терпение лопнуло, и он, неожиданно выхватив из ножен свой меч, приставил его к груди барона, отрывисто выкрикивая по-своему что-то недвусмысленно угрожающее. Однако было ясно – он решительно против счастливого воссоединения законных супругов.

– Броссар, я должен вам с прискорбием сообщить, – вмешался Томпсон, – что ваша жена и мистер Ланселот арестованы, и всякое сношение с ними строго воспрещено. Не спрашивайте меня за что, вам же будет спокойнее. Так что с нежностями придется повременить, хотя, как мужчина, я вас о-очень даже понимаю, – добавил он с лукавой усмешкой.

Барон в испуге отпрянул назад, и японец отвел от него свой меч, указывая им теперь в направлении подводной лодки. Конвоиры подтолкнули пленников к краю причала, где их уже ждала шлюпка. Ланселот, демонстративно пренебрегая помощью со стороны врага и рискуя поломать ноги, спрыгнул в нее сам и помог сойти Джейн, подставив ей плечо, так как руки его были связаны за спиной, за ними последовали офицеры, и, наконец, неловко шагнул тучный Томпсон. Однако предпринятая Броссаром попытка к ним присоединиться была решительно

пресечена неумолимым самураем, который, сделав в его сторону останавливающий жест, ясно показал, что тот должен пока остаться.

Шлюпка быстро заскользила по воде под дружными ударами весел гребцов и через минуту достигла субмарины, с борта которой был спущен металлический трап. По нему сначала поднялся старший японец, сказавший что-то вышедшему ему навстречу вахтенному офицеру. В ответ тот отдал честь и что-то скомандовал следовавшим за ним двум матросам. Те втащили наверх связанных Джейн и Ланселота, а потом помогли забраться Томпсону. Пленников подвели к двери, открытой в надстройке, и подтолкнули внутрь, в темноту неизвестности.

* * *

Хуже всего на свете – это темнота. Не тень, не сумерки, а полная, крошечная тьма, темнотища. Можно подумать, что это просто отсутствие света, недостаток фотонов. Ну, не смешно ли бояться нехватки фотонов? На самом деле тьма – это ад, потому что ад – место, где не может быть ни единого лучика света. Не день и не два – хотя какой уж тут день, – а невесть сколько, наверное, целая вечность. Поди угадай, как много времени прошло: может, неделя, а может, месяц. Счет в темноте теряется быстро. Особенно если нет никаких звуков, а пространство, в которое втиснуто твое тело, не больше платяного шкафа. Можно сидеть или лежать, подтянув ноги под живот, но попытка встать в полный рост завершается неожиданно сильным ударом теменем о металлическую переборку. То есть стоять тут можно, но только согнувшись в три погибели. Так что, если ты до этого момента не знал, что такое клаустрофобия, теперь вполне можешь лишиться рассудка от пребывания в этом железном гробу. Кстати, если ты все еще жив, то есть тебе пока что дают такую возможность, то почему бы не помечтать, что уцелеешь? Иначе какой смысл держать тебя взаперти? Но нет, не очаровывайся. Смысл есть, и преподлейший, – сбить с тебя спесь, довести до отчаяния и поставить на грань умопомешательства, а потом, когда будешь ползать на брюхе среди собственных нечистот, потеряв человеческий облик, выдернуть внезапно на свет и выпотрошить все, что ты знал. И ведь будешь плясать под их дудку, ползать на брюхе и, давясь скороговоркой, рассказывать все, что знаешь и даже не знаешь, – лишь бы не возвращаться в ад... И тем самым разом перечеркнешь все, что было, кем был в своих собственных глазах, то есть самого себя? Ну уж нет! Как это там у них говорят: «Из всех возможных путей надо выбирать тот, который быстрее всего ведет к смерти»? Чтобы, значит, долго не мучиться. Или чтобы показать врагам свое к ним презрение и превосходство? Заставить их невольно тебя уважать, ибо такой выбор уважают все. А если ты заставил врага относиться к тебе серьезно, значит, наполовину его уже победил. Главное, перейти черту, прогнать липкий и парализующий страх смерти – тогда все будет и легко, и весело. Плюнуть в эти чертовы желтые рожи, а потом самому прыгнуть за борт, прихватив с собой жизнь одного или двух. Вот будет потеха.

Таким драматическим размышлениям предавался Ланселот, которого после того, как всю их компанию подняли на борт подлодки, сразу отделили от остальных и, проведя длинным и узким коридором, втолкнули, предварительно согнув неожиданным ударом кулака в живот, в крошечное душное помещение, весьма напоминающее карцер, но с очень низким потолком и даже без намека на какое-нибудь освещение и вентиляцию. Поэтому, когда за его спиной с металлическим грохотом захлопнулась тяжелая дверь, он сперва даже не понял, что произошло. Первое время казалось, что скоро за ним придут, чтобы взять на допрос, но никто так и не появился. Кое-как примостившись на жестком полу, Ланселот попытался уснуть, но этому решительно воспротивились взвинченные нервы. Тогда он принялся молотить руками в дверь, но только напрасно отшиб себе кулаки. Затем сознание накрыла волна безысходного животного ужаса, как, наверное, происходит с похороненными заживо. Тогда он закрыл глаза и представил, что над ним не близкий стальной потолок, а высокое голубое небо, пронизанное сол-

нечными лучами. Так он сидел довольно долго. Этот прием подействовал, помог успокоиться, и к Ланселоту постепенно стала возвращаться способность к рассудочному мышлению.

Нет, пожалуй, немедленно бросаться на японцев в атаку не стоит. Что-то мешает принять такое отчаянное решение, какой-то необычный, не вписывающийся в воображаемую картину роковой батальной сцены шокирующий факт. Ах да, конечно, мистер Томпсон. Вот уж, действительно, таинственная персона. Чего стоит одно только его заявление, что Япония неизбежно проиграет войну, которая ведь еще толком и не началась! Как-то это плохо вяжется с его появлением на сцене в компании японских офицеров, которые выглядят, если не дружественными ему, то вполне лояльными. И что делает американский финансист на японской подводной лодке? Кто он на самом деле? Изменник родины? Тогда почему сразу же нас не выдал, хотя и догадался о причине смерти двух японских диверсантов и похищенном золоте, более того, обещал рассказать кое-что важное? Американский шпион? Ну, если бы это было так, то с его стороны было чистым безумием открываться в чем-то нам с Джейн, обещая свое содействие. Ведь ему неизвестно, как мы себя еще поведем, не переметнемся ли к врагу, спасая свои жизни ценой предательства. Вон француз Броссар тоже, видно, спелся с японцами, коль скоро гуляет по причалу свободно, без всякой охраны...

Постой-постой, как там говорил Томпсон: «Я не заинтересован в вашей смерти»? Да, именно так. Значит, у него есть на нас, скорее всего на меня, какие-то виды. То есть он должен сделать какое-то важное предложение. И вряд ли это будет банальная работа на японцев, ведь тогда проще было бы раскрыть перед ними все наши преступления, чтобы атаковать сразу всей мощью. Нет, это будет нечто иное. Но что? Ладно, нечего сейчас ломать над этим голову, все равно пока не догадаться, слишком мало информации... Итак, что же у нас есть в сухом осадке? Я пока жив-здоров, Джейн, уверен, тоже. В стане врага у нас, вероятно, есть скрытый, хотя и непонятный пока союзник в лице Томпсона, который вряд ли будет дожидаться, пока у меня съедет крыша в этой чертовой духовке, а значит, он скоро попытается вытащить меня на свет. Да! Ведь еще есть мосье Броссар – довольно темная лошадка или старый сатир, как назвал его когда-то – довольно точно, надо признать, – мистер Томпсон. Как-то он неприветливо смотрел на меня там, на берегу. Не иначе, приревновал к Джейн. Для чего, правду сказать, имеет все основания. Впрочем, вряд ли он будет изображать из себя Отелло, так что Джейн с его стороны немедленной угрозы пока что нет. Но мне-то надо держать с ним ухо остро, мне этот мосье явно не друг, а скорее, как бы это сказать, – тайный недоброжелатель, вот как это называется. А недоброжелателей, и даже вовсе не тайных, у меня сейчас хватает – миллионов эдак сто, причем часть из них торчит прямо здесь, на этой подлодке, с которой от них, уж точно, мне никуда не деться. Сейчас погрузят на борт свое золотишко, и вперед. Только куда? В Японию им его везти бессмысленно – что там на него можно купить и, главное, у кого? С Америкой и, вероятно, Австралией у них началась война, и туда им путь заказан. В Европу? Гитлеру, конечно, презренный металл теперь очень бы как сгодился, но ведь и путь в Германию или захваченную немцами Францию не близкий, горючки явно не хватит, а где по дороге пополнять запасы топлива? Теперь уже негде. Да и риск напороться на какой-нибудь союзнический Америке английский эсминец или крейсер в Атлантике слишком велик. Черт! Ну, не в Антарктиду же они его, в самом деле, повезут, чтобы там сдать под расписку пингвинам?»

На этом маловероятном предположении размышления нашего героя были прерваны звуками шагов за дверью, которая распахнулась, впустив в карцер электрический свет, на минуту ослепивший привыкшие к долгой темноте глаза. Затем проем закрыла чья-то широкая фигура.

– Ну, друг мой, надеюсь, вы живы? – спросил его знакомый голос. – Я бы нипочем не смог и минуты просидеть в этой мышеловке, сразу бы отдал богу душу. Ну, теперь, я надеюсь, ваши мучения хотя бы на время прервутся, а может, и совсем закончатся.

– Что, меня прямо сейчас расстреляют? Или утопят? – мрачно пошутил Ланселот.

– Ну что вы, пока что до этого дело не дошло. Выбирайтесь-ка лучше на свет, бедолага, нам надо кое о чем потолковать!

К своему удивлению, Ланселот понял, что не может встать на ноги, так они затекли за время сидения в скрюченной позе. Тогда в камеру протиснулись два японских солдата и вытащили его в освещенный лампами коридор, где кожа сразу ощутила движение наполненного терпким машинно-масляным ароматом воздуха, выходящего из системы вентиляции.

Томпсон, а это, конечно, был именно он, что-то сказал охранникам, к изумлению Ланселота, по-японски, и те потащили его под руки куда-то вдоль коридора. Наконец, миновав несколько вертикальных люков и поворотов, они остановились у серой стальной двери, которую банкир непринужденно открыл своим ключом, будто бы он был у себя дома в Сан-Франциско. Солдаты завели Ланселота внутрь, перешагнув через высокий порог и не забыв при этом указать ему на лежащий при входе мат, поясняя жестом, что надо вытереть о него ноги. Каюта была хоть и небольшая, но вполне приличная, она больше подошла бы пассажирскому судну, чем военной субмарине. Из боковых плафонов лился мягкий электрический свет, в углу стоял настоящий деревянный шкаф, в другом – бюро, посередине красовался низкий черный лакированный столик в чисто японском духе, рядом с которым помещались, впрочем, два вполне европейского вида кресла. Томпсон по хозяйски развалился в одном из них и, как показалось Ланселоту, даже имел поползновение положить ноги на стол, но, видимо вспомнив о национальном происхождении этой изящной мебели, воздержался от такого вульгарного американизма. Ланселота же усадили на откидную кровать, после чего японцы удалились, хотя Ланселот заметил, что они не ушли совсем, а остались ждать снаружи. Его таинственный избавитель некоторое время молча, но не без интереса разглядывал Ланселота через стекла своего золотого пенсне, сложив руки на животе и задумчиво вертя друг вокруг друга большими пальцами ухоженных рук. Он как бы обдумывал начало разговора. Ланс тоже решил не торопить события, взять паузу и послушать, будут ли сделаны какие-либо предложения. Так они молча сидели, наверное, с минуту, наконец Томпсон сказал:

– Мистер Ланселот, я предлагаю вам работу.

Несмотря на то что тот ожидал нечто подобное, он не думал, что это случится так скоро. То есть если бы Ланселоту сейчас предложили сгонять на уик-энд в Вегас, он бы, наверное, удивился меньше.

– Неужели вы думаете, мистер, что я вот так легко возьму и продамся врагу?

– Легко?! Врагу?! Нет, вы меня не поняли, Ланс. Я говорю не о работе на японцев.

– А на кого же тогда? Это ведь японская подлодка. Уж не на немцев ли?

– Ну, в некотором смысле да, можно сказать, и «на немцев», хотя это было бы некоторым преувеличением. Но если быть до конца честным, то должен вас предупредить – три дня назад Адольф зачем-то объявил Америке войну.

– Германия объявила нам войну?

– Вот именно, и даже успела потопить в Атлантике какой-то случайный американский пароход.

– И после этого вы хотите, чтобы я служил немцам, нацистам?!

– Ну, дорогой друг, немцы ведь тоже бывают разные. Вот взять хотя бы капитана этого корабля – вполне приличный человек, хоть и придерживается некоторых довольно экзотических расовых теорий. Не делайте круглые глаза, капитан «Черной жемчужины» – так называется это морское чудовище – совершеннейший немец. Даже больше, чем нужно. Да я вас скоро с ним познакомлю. Или вы решили, что угодили в концлагерь? – рассмеялся Томпсон. – Конечно, деваться с подводной лодки в общем-то некуда, но все же я могу гарантировать вам вполне приличную жизнь, если вы пообещаете не делать глупостей, типа открытия здесь какого-нибудь театра военных действий.

– И при условии, что я соглашусь на измену... А вот это вряд ли!

– Знаете что, Ланс, давайте не будем торопить события. Я не собираюсь вас ни к чему принуждать, тем более к измене. Вам вскорости предстоит узнать много такого, что может серьезно поколебать ваше непреклонное мнение. Как там говорил принц Датский: «На небе и земле есть более вещей, чем нашей философии мечталось»? После этого мы сможем вернуться к переговорам по этому щекотливому вопросу. Сейчас же я прошу у вас просто обещания вести себя, как бы это сказать, как можно более рассудочно и спокойно. Считайте, что вы здесь у меня в гостях. Кстати, тогда вы получите возможность поболтать с Джейн и вообще видеться с ней ежедневно.

Последний аргумент, видимо, возымел сильное действие, потому что Ланселот, откинувшись назад, запустил обе руки в свою шевелюру и начал размышлять. Через несколько секунд он принял прежнюю позу и сказал:

– Мистер Томпсон, если таковы ваши условия, то я даю вам честное слово, что не буду буяннить, пытаться утопить эту чертову подлодку или сделать себе харакири. Но это все. Больше я ничего вам обещать не могу.

– Ну, вот и славно, вот и славно! – обрадовался толстяк. – А то уж я стал опасаться, что вы снова запрете сами себя в давешнем ящике. Но коли вы действительно объявляете перемирие, то, будьте любезны, переоденьтесь, кое-какая одежда имеется в этом шкафу. Ваша-то, я гляжу, совсем превратилась в лохмотья. Правда, это не парадная форма морского пехотинца – уж извините, – а обычная матросская роба, зато чистая и выглаженная. Не будете ничем отличаться от японца. Ха-ха-ха, шучу! Для японца вы слишком мало преданы их микадо. Зато я приглашаю вас сегодня на званый обед в кают-компанию. Не удивляйтесь, на самый настоящий раут. Соберемся вечерком снова все вместе, как в старые добрые времена! Кстати, эта каюта теперь ваша, и она в вашем полном распоряжении. Правда, один японский ниндзя (ну, да вы все равно пока не знаете, кто это) всегда будет снаружи и будет следовать за вами, но тихо и ненавязчиво, как тень. Поверьте, они это умеют. Уж таковы здесь правила местного гостеприимства. Поэтому, – посерьезнел лицом Томпсон, – покуда за вами не придут, не надо выходить из каюты. Ради вашего же блага. Что делать, *à la guerre comme à la guerre* – на войне, как на войне... Да, чуть не забыл: в бюро вы найдете кое-что выпить – не то чтобы очень, честно говоря, так себе, но, надеюсь, это поможет вам немного вернуть себе душевное равновесие. Мы сегодня еще, я надеюсь, увидимся в другой, более приятной обстановке.

С этими словами благодетель извлек из кресла свою монументальную фигуру и величественно удалился.

Помещения подводного корабля никогда не спутаешь ни с какими другими. Они пахнут краской переборки, мелко вибрируют от работы силовой установки, многозначительно поскрипывают от перепадов давления, – в общем, живут своей особой, собственной жизнью. В буквальном смысле, ибо именно они отделяют жизнь от смерти.

«А, кстати, эта вибрация означает, что мы движемся, значит, погрузка была завершена, и лодка, оставив остров, держит курс в пункт своего назначения, – размышлял Ланселот. – Убивать меня пока вроде никто не собирается, хотя нельзя наверняка утверждать, что так будет всегда, да и в живых таких свидетелей обычно не оставляют. Значит, они уверены, что я никуда не сбегу, а могу быть полезен. Но предложение Томпсона какое-то двусмысленное: работать на немцев, но не совсем. Как это понимать? Или потенциальный наниматель, скажем так, не совсем немец? А кто еще, черт подери, у нас не совсем немец? Черт с рогами? Во всяком случае надо сделать вид, что я согласен. Попытаюсь узнать, что они тут намереваются устроить. Если что-то действительно опасное, попытаюсь пустить эту шлягу ко дну, если, конечно, удастся. Если же нет, я ведь ничего не теряю, сейчас я и так и так должен был бы кормить акул. Прав Томпсон, на войне как на войне».

Ланселот открыл шкаф, где обнаружил простую, но чистую и выглаженную матросскую робу без знаков отличия, в которую и обрядился, скинув то, что когда-то было формой американского морпеха.

В деревянном ящике бара, вопреки своему тайному ожиданию, он не обнаружил ни виски, ни коньяка, ни какого-либо другого достойного напитка, а лишь бутылку рисовой водки – саке и крошечные фарфоровые чашечки, из которых ее, видимо, полагалось пить. Японская водка оказалась сладковатым слабеньким пойлом, и, отхлебнув несколько глотков прямо из горлышка, он вернул бутылку назад. Тем не менее спиртное помогло расслабиться и почувствовать себя более уверенно.

– Ну вот, теперь я почти ничем не отличаюсь от жителей Страны восходящего солнца, – иронически сказал он, посмотрев на себя в зеркало, укрепленное на передней стенке шкафа. – Интересно, что они чувствуют, как думают? Вроде почти такие же люди, как мы, но на деле у меня, наверное, больше общего с какой-нибудь нью-йоркской дворнягой, чем с любым японцем. Мы – как с разных планет. Отчего это так? Впрочем, здесь командуют, если верить Томпсону, немцы – как-никак старая европейская нация. Наверное, с ними можно будет найти общий язык? Ну, поживем – увидим.

В этот момент дверь в каюту открылась, и на пороге возник японский офицер, за которым маячили фигуры двух вооруженных матросов.

– Следуйте за мной, – с характерным акцентом произнес японец по-английски.

– Куда это? – поинтересовался Ланселот.

– Вас желает видеть капитан этого судна, – вежливо заявил японец, жестом приглашая Ланселота выйти в коридор. Офицер шел впереди, а матросы сзади, так что он чувствовал себя под конвоем, хотя руки связывать ему на сей раз не стали.

Путь во чреве подводной лодки оказался неблизким. Она была невероятно велика, но тем не менее внутренние проходы были очень тесными. По их стенам вились бесчисленные трубы, были укреплены в невероятном изобилии какие-то маховики, манометры и прочие приборы. Они миновали несколько длинных отсеков и два раза поднимались по металлическим трапам куда-то наверх, очевидно на выше расположенные палубы этого подводного крейсера. Переход из отсека в отсек происходил через люки, каждый из которых закрывался тяжелой переборочной дверью. Наконец они пришли, потому что японец приказал остановиться и распахнул серую металлическую дверь, а когда Ланселот в нее вошел, то обнаружил, что оказался в довольно просторном помещении, по-видимому кают-компания.

Обычно на подводных лодках кают-компания представляет собой просто закуток – нечто вроде расширения общего коридора со столом для офицеров, но здесь, учитывая впечатляющие габариты субмарины, она выглядела полноценным залом с большим прямоугольным столом посередине, кожаными диванами по двум боковым сторонам и рядом шкафов из какого-то красивого, видимо, ценного дерева у противоположной стены. Пол украшал роскошный ковер, а на потолке красовалось сверкающее хрустальное полукружье большого электрического светильника. Но даже не это поразило Ланселота, а состав публики, которая восседала за покрытым белой скатертью и роскошно сервированным столом.

Первое, что ударило его как обухом по голове, была сидевшая рядом со своим супругом Джейн. Она была облачена в снежно-белое одеяние, похожее на морской офицерский китель, только без погон. Выглядела баронесса просто прекрасно. Казалось, приключения последних недель не оставили на ее посвежевшем лице никакого следа, если не считать густого загара, который, впрочем, ей чрезвычайно шел. Она точно не напоминала собой пленницу, более того, Ланселоту показалось, что, когда он вошел, на губах его недавней подруги еще не стерлась кокетливая улыбка, обращенная к кому-то из собеседников. От этой идиллической картины душу бравого морпеха наполнило столь горькое разочарование, что глаза его на миг застлал

туман и он немного пошатнулся. Но, быстро овладев своими чувствами, Ланселот принялся оценивать общую обстановку.

Во главе стола, на месте, которое в кают-компании подводной лодки обычно занимает капитан, сидел офицер в немецкой военно-морской форме корветтен-капитана. На левой стороне кителя Ланселот заметил у него железный крест, на шее, на ленте над галстуком, – второй. Офицер был молод, года тридцать три – тридцать четыре, у него было узкое, гладкое, довольно привлекательное лицо интеллектуала и аристократа, небольшие светлые усы и бородка. Он внимательно смотрел на американца темными глазами, ярко выделявшимися на его светлом лице. При этом, к немалому удивлению Ланселота, можно сказать, даже благожелательно, что, впрочем, еще ничего не значило, ведь и охотник порой смотрит на свою добычу с умилением через прицел, как потом и на то, что у него оказалось над камином в качестве чучела. С этой внешностью немецкого офицера не слишком-то сочетался серебряный перстень в виде заключенной в ромб «адамовой головы» на мизинце его левой руки.

Рядом, по правую руку от немца, восседал Томпсон, показывая своим местоположением, что он здесь не чужой, а, наоборот, пользуется большим кредитом доверия. Слева сидел какой-то темноволосый японский морской офицер. Как и корветтен-капитан, он был весьма молод, но, как можно было судить по его петлицам в виде одного серебряного цветка сакуры на узкой черной полоске на золотом фоне, уже носил звание капитана третьего ранга. Лицо его было полностью бесстрастно и непроницаемо. Далее по краям стола находились еще несколько немецких и японских офицеров постарше, но, очевидно, рангом ниже. А справа в конце помещалась так счастливо воссоединившаяся чета Броссаров. При этом барон уставился на свой бокал для вина, как бы не замечая появления Ланселота, а Джейн, напротив, смотрела на него во все глаза, и ему показалось, что в них украдкой мелькнула слеза, что, в отличие от плотоядного добродушия корветтена, его несколько приободрило.

Стол был накрыт по-европейски, причем с большой для военных судов роскошью, особенно немислимой на обычных подводных лодках. Его сервировал с помощью двух вестовых находившийся здесь же колоритный немецкий кок с пышными усами, в высоком, стоячем от крахмала, белоснежном, как снег альпийских вершин, колпаке, в белом фраке с черными пуговицами и черных брюках, стрелки которых напоминали острие бритвы. Стол заполняли изысканные приборы из хрусталя, фарфора и серебра, достойные адмиральского сервиза. В центре его украшали фарфоровые вазы с фруктами и хрустальные – со свежими цветами.

Ланселоту было известно, что на немецких подлодках особенно богатый рацион, но картофельное пюре, кровяная колбаса, копченое мясо, овощи, соки, масло и кофе были там пределом мечтаний. Здесь же на столе источала небесный аромат традиционная немецкая свинина, запекаемая целым куском, выдержанная в вине и подаваемая с красной капустой и румяными картофельными шариками, на блюдах лежали мясные рулеты, шницели в панировке, маринованная белая спаржа. В серебряных ведерках со льдом торчали горлышки шампанского и красовались бутылки с лучшими винами: испанским хересом, рейнвейном «Раунталь», французскими бордо «Шато Марго» и коньяком «Реми Мартин». В общем, меню было как в хорошем берлинском ресторане.

Оголодавший морпех готов был от этих пьянящих запахов потерять сознание.

– Смутьё, – обратился вдруг корветтен к коку так, как было принято в германском флоте, – будьте так любезны, прикажите подать еще один стул и прибор для нашего гостя.

– Слушаюсь, герр корветтен-капитан, – наклонив голову, почтительно произнес кок и кивнул вестовому, который умчался из кают-компании и через минуту вернулся со столовым прибором, а затем ловко подставил Ланселоту стул, накрытый белым чехлом. Еще не вполне веря своим ушам, тот присел за стол.

– Да вы не стесняйтесь, мистер Ланселот, – тоном добродушного завсегдатая паба в какой-нибудь американской глубинке обратился к нему Томпсон. – Пейте, закусывайте. Как

видите, корветтен-капитан барон фон Штокхаузен относится к достойному противнику с истинно рыцарским благородством.

Ланселот понял, что банкир хочет помочь ему сориентироваться, кто здесь главный. Хотя он уже и сам догадался.

– Спасибо, господин корветтен-капитан, – учтиво ответил морпех, глядя в глаза немцу. – Надеюсь, ценой вашего радушия не будет предложение, не совместимое с честью офицера. В противном случае я просил бы вернуть меня в карцер или сразу расстрелять.

– Ну что вы, мистер Ланселот, – ответил Штокхаузен на довольно хорошем английском. – Меня заверили, что вы согласились вести себя благоразумно, и вашего слова мне достаточно. Конечно, вы понимаете, что я не могу позволить вам свободу передвижения на борту моего судна, но ведь это вовсе не означает, что мы не можем иногда немного поболтать. Все войны рано или поздно заканчиваются миром, а мы, немцы, всегда рассматривали англосаксов как наших родичей и единственных достойных партнеров в деле управления народами. В конце концов, мы все германцы, а наши общие предки закаляли характер еще в сражениях с римскими легионами. Так что, вполне возможно, нам когда-то еще предстоит выступить единым фронтом для установления на этой планете нового мирового порядка.

«Ага, – подумал Ланселот, уминая изрядный кусок положенной ему на тарелку вкуснейшей жареной свинины и запивая его великолепным красным рейнвейном, – с места в карьер уже началась нацистская обработка. Еще приплел римские легионы, которые гоняли каких-то наших общих предков туда-обратно по Рейну. Кругом одни бароны, твою соседку в почтовый ящик! Причем получается, что самураи в этой светлой картине мирового господства как бы не принимаются в расчет, хотя трюмы лодки под завязку набиты именно японским золотом. И, что характерно, те не возмущаются, глотают как должное. Значит, боссы здесь немцы, а япошки просто оплачивают музыку. С какого перепугу? Ну, послушаем, что дальше споет нам этот тевтонский соловей».

– Великий адмирал, создатель порядка и дисциплины в английском флоте, лорд Джервис видел в кают-компании именно братство офицеров-моряков. Он учил подчиненных, говоря: «Дисциплина кают-компании – дисциплина флота», – продолжал витийствовать Штокхаузен. – И был совершенно прав! Вы согласны со мной мистер Ланселот? Вы ведь морской пехотинец, тоже, как-никак, имеете отношение к флоту.

– Вы правы, господин корветтен-капитан, – ответил американец, – но нас учили, что моральные принципы командиров – вот что прежде всего отличает боевое подразделение от банды вооруженных головорезов, и именно в этом залог настоящей армейской дисциплины.

– Bravo, мистер Ланселот, отлично сказано! – отложив накрахмаленную салфетку, похлопал в ладоши немец. – Действительно, кто, как не командиры, морально обязаны быть защитой для своих подчиненных, действовать для их блага. Но что вы понимаете под моралью, мистер Ланселот? Ведь на войне принято *убивать*, причем чем больше, тем лучше, и нередко даже ценой жизни своих собственных солдат. То есть, если ты даже и выиграл сражение, все равно во многом проиграл. Так применимы ли к нам, солдатам, общие нормы морали?.. Вот, например, вы, Хашимото-сан, – обратился Штокхаузен к сидевшему слева от него японскому офицеру, – разве вы посчитали бы для себя моральным, к примеру, подобрать из воды и принять на борт всех матросов только что потопленного вами судна?

– Если б я это сделал, господин корветтен-капитан, меня следовало бы предать военно-полевому суду. Ведь субмарине придется еще идти на базу, возможно, выполнять новые боевые задачи, а наличие на тесной подлодке представителей вражеской армии создает этому угрозу или хотя бы серьезную помеху, что недопустимо и преступно. Мораль состоит в том, что хорошие командиры действуют и создают благоприятные возможности. Великие же командиры безжалостно и неуклонно эти возможности используют, приводя врагов в замешательство. Здесь

от удачи мало что зависит. Делай, что говорят, и ты попадешь в цель. Настоящие солдаты должны любить воевать, и в японских офицерах всегда вырабатывается желание воевать.

– Вот речь настоящего солдата! – восхитился Штокхаузен. – Чувствуется военная косточка. Сколько лет вашему роду, Хашимото-сан?

– Господин корветтен-капитан, мои самурайские предки верно служили Японии этим самым мечом по крайней мере пять столетий, – горделиво сказал японец, привстав из-за стола и слегка выдвинув из ножен свой клинок, явно имевший признаки древнего фамильного мечтати и лишь вмонтированный в оправу кай-гунто – стандартного меча военно-морского флота.

– Мистер Ланселот, – продолжал Штокхаузен, – позвольте вам представить моего старшего помощника, капитана третьего ранга господина Мочицуру Хашимото. Прекрасный командир и, вообще, душа-парень. Кстати, это его подлодка потопила недавно английский лайнер, как его бишь... да, вспомнил – «Принцесса Елизавета». Почти никто не спасся, кроме тех, конечно, что сидят за этим столом. Какая жалость, но что делать, «*a la guerre comme a la guerre*»!

– Не могу сказать, что мне это приятно, скорее наоборот, – посуровел лицом Ланселот. – Законами войны запрещено топить пассажирские мирные суда. Это было просто хладнокровное и подлое убийство тысяч людей!

Один из присутствующих немецких офицеров вскинул брови и гневно поправил американца:

– Потрудитесь добавлять «господин корветтен-капитан» всякий раз, когда обращаетесь к нашему капитану!

– Да, да, мистер Ланселот, уж не сочтите за труд, не нарушайте мне тут дисциплину, – благодушно добавил Штокхаузен. – И не судите так строго нашего японского коллегу. Ведь у Хашимото-сан был приказ военного начальства. Вот вы сами-то разве не выполнили бы подобный, будь на его месте? Командованию, знаете ли, виднее, кого топить, а кого подождать. Ведь, как я понимаю, это был не такой уж и мирный рейс, коль скоро лайнер фактически играл роль военного транспорта, доставляя в зону начинающихся боевых действий целое подразделение американских офицеров. Это опять тот же самый вопрос об относительности морали!

– Скажите, герр корветтен-капитан, вы национал-социалист? – в лоб спросил его Ланселот.

– Разумеется. В Германии же сейчас сплошной национал-социализм, друг мой. Но «тот, кто видит в национал-социализме лишь политическое движение, ничего не знает о нем». Кто это сказал? Сам фюрер! Ведь национал-социализм, да будет вам известно, появился задолго до возникновения Третьего рейха. После нашего достойного сожаления поражения в Первой мировой войне, еще в 1918 году, некими, скажем так, весьма осведомленными людьми в Мюнхене был воссоздан Тевтонский рыцарский орден и учреждено общество «Туле» – так называлась, по легенде, древняя арктическая страна – колыбель человечества. В это общество тогда вступил и Адольф Гитлер. Многие полагают, что это общество хотело привести к господству арийскую расу лишь в этом видимом, брэнном мире. Но была и другая, не менее важная цель – победить и в мире невидимом, так сказать, «потустороннем». Для изучения наследия предков создавались и другие тайные структуры, о которых вам знать пока не положено. Вы только представьте – целое государство бросает огромные средства на поиски древних знаний, дающих ключи к новейшим технологиям, управлению человеческим разумом, более того, к созданию настоящего сверхчеловека. И знаете, как ни удивительно, кое-что удалось обнаружить, причем в самых дальних и забытых богом уголках Земли. Найденные оккультные ключи позволили установить контакт с древними, причем по разным независимым друг от друга каналам, в результате чего была получена новейшая информация сенсационного физического и технического характера. И кое-что из результатов ее освоения нашими инженерами вы скоро, возможно, увидите собственными глазами.

«Он либо принимает меня за идиота, либо сам сошел с катушек, потому что годами торчит под водой, – решил Ланселот. – Однако все они сидят и слушают с почтением, как будто так оно и есть. Бред какой-то!»

Вместо этого он сказал другое:

– Но, господин корветтен-капитан, не рискуете ли вы, раскрывая мне такую важную стратегическую информацию?

– О, не беспокойтесь, мистер Ланселот. Кому вы можете ее сообщить? Только рыбам на дне морском или, в лучшем случае, своему лечащему врачу-психиатру, к которому вы без сомнения сразу попадете, если только начнете все это где-то рассказывать. Но я уверен – до подобного дело не дойдет. Вот вы, наверное, решили, что и я спятил, но ведь с ума все вместе не сходят, а все эти джентльмены что-то не бросаются ловить меня и одевать в смирительную рубашку, что, без сомнения, случилось бы в полном соответствии с уставом Кригсмарине, если бы капитан и в самом деле рехнулся. Не так ли, господа? Разыгрывать же вас таким дурацким способом у меня нет ни времени, ни желания. Зачем я это вам все рассказал? Мистер Томпсон отреккомендовал мне вас как прямого и решительного человека, и я думаю, что он не ошибся. Нам нужны такие, как вы, в этом «потустороннем» мире.

– Я так понимаю, господин корветтен-капитан, вы все-таки намерены отправить меня в страну вечной охоты?

– Нет, нет, – под смехок сидевших за столом офицеров, – заверил его Штокхаузен. – Вы неправильно меня поняли. «Потусторонний» мир в нашем понимании – это вовсе не загробное царство, а просто технический и в каком-то смысле географический термин. Чтобы там работать, убивать никого не требуется, напротив, нужны молодые, сильные, умные люди с крепкими нервами и здоровой наследственностью, которая в вас просто чувствуется. Речь идет о лучшем из миров, своего рода легендарном Асгарде. Впрочем, это уже сфера не моей компетенции, а скорее мистера Томпсона.

– Погодите-ка, господин корветтен-капитан, – воскликнул Ланселот, – если вы, как говорите, нашли этот лучший из миров, то с какой стати Германия тогда ввязалась в войну со всем Старым и Новым Светом? Качали бы себе спокойно информацию, развивали новые технологии и делали потом что душе угодно. В войне-то ведь можно выиграть, а можно и проиграть – вероятность, как говорится, пятьдесят на пятьдесят. Стоило ли так рисковать? И ради чего?

– Вы рассуждаете наивно, молодой человек, – неожиданно вмешался в разговор барон Броссар. – Я расскажу вам одну историю. Когда-то давно, еще в самом начале тринадцатого века, мой прямой предок участвовал в так называемом четвертом походе за освобождение Креста Господня. Тогда крестоносцы – в основном мои соотечественники-французы – объявили, что отплывают в Египет, а вместо этого оказались вместе с дожем Венеции Энрико Дандоло под стенами Константинополя – тоже по тем временам нетронутого кладезя древних знаний, а также других несметных сокровищ, по сравнению с которым Иерусалим был просто деревней, и взяли его штурмом. На месте Византии они создали Новую Францию, или, как ее еще называли, Латинскую империю, которой благополучно и правили более полувека. Заметьте, что в результате этой ловкой затеи вся Священная германская империя, а также Англия, которые за несколько лет до этого, в третьем крестовом, также наравне с французами были в игре, остались с носом, а мы положили в карман Константинополь и много чего еще.

– Да, вот что значит грамотная операция прикрытия, – отозвался фон Штокхаузен. – Конечно, барон Броссар, немного обидно, что ваши прадедушки так лихо обвели тогда вокруг пальца наших прадедушек, но дело ведь прошлое, и к тому же не зря говорят, что история повторяется дважды.

– Да, но она, как известно, повторяется в виде фарса, – встряла в разговор единственная за столом дама.

– Я думаю, фрау Броссар, что она так или иначе повторяется до тех пор, пока не добьется своей цели, а тут всякие средства хороши, – с любезной улыбкой ответил ей Штокхаузен и продолжил, обращаясь к ее супругу:

– Что бы там ни было, барон, но нынче Священная германская империя, как вы сейчас очень удачно выразились, без сомнения, возьмет реванш. Есть вещи, которыми должен владеть лишь кто-то один!

– У господина корветтен-капитана прошу разрешения кое-что пояснить, – не выдержал Ланселот. – Вы что же, хотите сказать, что вся эта громкая возня в Европе, которую вы, немцы затеяли, – не более чем операция прикрытия, как тот крестовый поход?! И под ее шумок основные дела обтяпываются вами где-то здесь? А там хоть потоп?

– Ну, насчет потопа – это вы, Ланс, может, сами того не ведая, почти попали в точку, – подключился к беседе Томпсон. – Что же касается войны на европейском театре – это операция прикрытия лишь отчасти, есть и другие, не менее важные резоны. Видите ли, в мирное время визиты в «потусторонний мир» – будем пока называть его так – трудно было бы сохранять в секрете, и к разделу пирога тут же присоседились бы и Англия, и Франция, и Америка, да и русские тоже не остались бы в стороне. Война же облегчает возможность делать это тайно, а тех, кто сует нос не в свои дела, без церемоний отправляет на дно. Но ведь чем черт не шутит, а вдруг вермахт возьмет да и выиграет свой «блицкриг», вопреки всем прогнозам высокоумных военных теоретиков. Правда, сейчас под Москвой наступление немного замерзло, но думаю, что довольно скоро, к весне сорок второго, мы еще увидим в России крупные немецкие успехи. Однако в любом случае ресурсов одной лишь Германии было бы явно недостаточно для освоения новых обширных пространств, а вот если средства быстренько соскрести со всего континента – совсем другое дело. А без войны разве можно было бы получить у старой скряги Европы такой безвозвратный «кредит»?

– Но тогда ставка в такой безумно рискованной игре должна быть также запредельно высока, – заметил Ланселот.

– Да, мистер Ланселот, эта игра, безусловно, стоит сожженных свеч – что, собственно, мы вам тут битый час и втолковываем, – резюмировал Штокхаузен. – Посмотрите, человечество зашло в тупик, оно явно деградирует, погрязнув в бесконечных экономических кризисах, эпидемиях, содомии, обмане, воровстве и еще черт знает в чем. Настоящее понятие чести, на котором раньше держался этот мир, сохранилось сейчас разве что у нашего прусского офицерства, да вот еще у потомков почтенного самурайского сословия. Даже высокородные английские лорды – это теперь больше торгаши, чем хваленые джентльмены. На планете торжествует хам! Если оставить все как есть, то лет через сто все будут лишь хрюкать и толкаться у корыта, окончательно превратившись в свиней, как команда Одиссея на острове Цирцеи. Большевики в России тоже это чувствуют, они пытались зажечь перед миром взамен Вифлеемской новую красную звезду, соблазняя пролетариев несбыточными идеалами равенства и братства. Но тем-то коммунисты и опасны, что толкают род людской встать на путь простой и ясный, но ложный – ведь создавать новый мир у них должны сами пролетарии, плебс, то есть те же, в сущности, свиньи. Только какая Цирцея вернет им человеческий облик? А если даже кому-то и вернет, он уже не будет пролетарием и сразу потребует себе тепленького местечка под солнцем. Нет, над миром должна пронестись очистительная буря – иначе род людской своим существованием оскорбляет образ Божий. А на смену выползшим из деревенской грязи жвачным животным должен прийти сверхчеловек – создание, совершенное во всех отношениях.

– Иными словами, господин фон Штокхаузен, вы намерены ударными темпами вывести из подручного материала некую новую, элитную человеческую породу. Прекрасно! Однако я думаю, что любая элита оправдывает свое существование, если только ее второе имя – долг и честь. Но скажите на милость, кому эти ваши сверхчеловеки будут служить своими сверхспособностями? Вождю, фюреру, самим себе? Можно ли говорить о подлинных чести и долге,

если они будут предназначены, так сказать, для внутреннего употребления, для сохранения лишь собственного благополучия узкой группы людей?

– А в чем же, мистер Ланселот, по-вашему, состоит долг и честь? Разве не в верном служении своему сюзеру, а значит, и отечеству? Вот самурай Хашимото-сан наверняка со мной согласится – только в этом и состоит истинный смысл названных добродетелей.

– Несмотря на то что я американец, мне кажется, что заслуга английского правящего класса, который вы, правда, уже успели записать в торгоши, в том, что ему удалось убедить свой народ – каждый должен стремиться вести себя как истинный джентльмен или, по крайней мере, походить на него. Это и есть тот идеал, который был усвоен британским национальным сознанием. Не заставить, а именно убедить, причем прежде всего своим личным примером.

– Ну, положим, английские джентльмены далеко не единственные, кто возвел идеал рыцарства на высокий пьедестал и сделал образцом для подражания, – возразил барон де Броссар. – Я считаю, что историческая заслуга не одних только англичан, но вообще мирового дворянства как раз и состоит в том, что оно создало и передало в массы свои понятия о долге, верности и чести. Рыцарь без страха и упрека, почитающий своим священным долгом приходить на помощь всем слабым и несправедно обиженным, к какому бы классу те ни принадлежали, и карающий зло, где бы он его ни встретил, – вот на самом деле высший нравственный императив! Конечно, во все века лишь малая толика людей могла следовать ему безоговорочно, но только их присутствие способно удержать мир от катастрофы.

– ...И сказал Иисус ученикам в Нагорной проповеди: «Вы – соль земли. Если же соль потеряет силу, то чем сделаешь ее соленою?» – неожиданно продекламировал Штокхаузен из Матфея. – Неужели вы не видите, барон, что вся его проповедь всеобщей любви на поверку оказалась бесполезным метанием жемчуга перед свиньями? Как заставить любить вокруг себя всех, если каждый человек ежеминутно принужден сражаться за свое место под солнцем? Но в этой борьбе, между прочим, и заключается благотворная роль эволюции! «Моя борьба» – говорит наш фюрер о своем жизненном кредо. А чтобы это не была война всех против всех, нужен твердый порядок, опирающийся на пирамиду власти, на вершине которой – отборная элита сверхлюдей и возглавляющий ее мудрый вождь.

– Я боюсь, господин корветтен-капитан, что вы не вполне правильно поняли мою мысль, – ответил Броссар. – Я вовсе не ратую за то, чтобы обниматься со всякими голодранцами, а тем более без памяти их любить. Это действительно утопия и даже пошлость. Однако пока общество еще не доросло до всеобщей любви, его соединяют воедино скорее понятия о долге и чести, более понятные для людей, поскольку позволяют им бороться, как вы говорите, за место под солнцем не в одиночку, а сообща. Да, в том, чтобы следовать долгу, тоже есть элемент принуждения, но принуждения, совершаемого не над другими, а над самим собой. И правильно заметил здесь мистер Ланселот – джентльменское поведение привлекательно даже для низов, которые уважают и даже сами начинают копировать этот образец – хотя бы просто потому, что желают выглядеть в своих собственных и чужих глазах значительно лучше. Ведь большинство людей склонны следовать отнюдь не альтруистическим побуждениям, а норме. Если же создать, как вы предлагаете, закрытый орден для избранных, господствующий над массой недочеловеков, не боитесь ли вы, что это сильно затормозит, если не остановит вовсе, так заботящую вас эволюцию – просто потому, что ее социальная база резко скукожится до одного класса или хотя бы до одного народа?

Штокхаузен с удивлением смотрел на Броссара. Было видно, что он совсем не ожидал от него подобных глубокомысленных сентенций.

– Bravo, господин барон, bravo! Вот уж не знал, что встречу в вашем лице настоящего певца эпохи паладинов. – Второй раз он вынужден был похлопать своим гостям в ладоши. – Итак, мир спасет не христианская любовь и не искусственный ницшеанский сверхчеловек, а лишь честь, долг и доблесть, социальная, так сказать, ответственность. Нет, я барон Ганс-Гер-

рит фон Штокхаузен отнюдь не против этих прекрасных качеств, напротив, как потомственный прусский офицер, только за, однако позволю себе спросить, откуда же возьмутся эти ваши «рыцари без страха и упрека»? Правда, один Ланселот у нас уже вроде бы есть, но где же сыскать других?

– Очень просто, барон: они появятся, глядя на таких, как он.

– Интересно, когда же, долго ли ждать?

– Не извольте беспокоиться, господин корветтен-капитан, еще и петух три раза не пропоет...

* * *

Прошло несколько дней. Все это время Ланселот сидел в каюте под замком, с часовым у дверей, и напряженно размышлял. То, что он услышал в кают-компании, не было похоже на ложь – слишком серьезно все присутствующие относились к разговору, – но правдой быть тоже ведь не могло. Какие-то древние знания, какой-то новый сверхчеловек – все это слишком отдавало гитлеровской пропагандой. Но, с другой стороны, этот самый «тот свет», или «потусторонний мир», как сказал Штокхаузен, – понятие географическое. Так не туда ли следует лодка? Но ведь Новый Свет давным-давно открыт, и каких-то значительных белых пятен на карте уже не осталось. Ланселот представил себе мысленно географическую карту мира. Стоп! Вот же оно, белое пятно, да еще какое – Антарктида! Целый континент, который почти совершенно не изучен. Лишь в 1929 году, как писали в газетах, Ричард Ивлин Бёрд совершил первый перелет над Южным полюсом. Но ведь там только лед и адский холод, кто же может там жить? Нет, на «потусторонний», а тем более «лучший» мир Антарктида точно не тянет. Впрочем, тут он вспомнил, что когда-то давно, роясь в школьной библиотеке, наткнулся на одну потрепанную книжку некоего У.Д. Эммерсона, имевшую странное название «Закопченный Бог», в которой рассказывалось о загадочном приключении двух то ли норвежских, то ли датских рыбаков, которые плыли на север и якобы провалились в огромную дыру в районе Северного полюса, попав внутрь Земли, где обитала высокоразвитая цивилизация. Там, по их утверждению, были свои океаны, континенты, города, и даже светило собственное солнце. Сами жители подземного мира перемещались в дискообразных летательных аппаратах, развивавших огромную скорость. Самое интересное, что, проведя там два года, они вышли в наш мир через дыру, но уже на противоположном конце Земли, около Южного полюса. С их слов, как утверждал автор, он и записал всю историю, ничего не выдумывая и не прибавляя.

Прочитав все это, Ланселот тогда спросил отца, могло ли это быть правдой, но тот посмеялся и рассказал, как, учась в военной академии, он как-то слышал, что еще в начале прошлого века подобный бред нес перед членами конгресса США некто Клив Саймс, бывший капитан от инфантерии, и даже сподобился получить деньги на экспедицию к Южному полюсу, но никакого входа в подземный мир он, конечно, там не обнаружил, после чего от огорчения умер, а на его могиле установили памятник в виде пустотелого шара, то ли в честь этой безумной идеи, то ли с намеком на пустоголовость ее автора.

Так что же, может быть, это еще одна экспедиция с целью открытия прохода к центру Земли, только теперь немецко-японская? Но ведь, направляясь в экспедицию на полюс, обычно запасаются провизией, теплой одеждой, ездовыми собаками, а не тоннами золота и северским фарфором! А вот, предположим, если проход уже обнаружен и контакт с обитателями подземного мира установлен, то золото может послужить для налаживания с ними теплых отношений или торговли. Говорят ведь, что нет такой вершины, на которую не мог бы взобраться нагруженный золотом осел.

И все равно трудно в это поверить!

Вдруг Ланселот ощутил: что-то пошло не так. Привычное сотрясение переборок от работающих электромоторов прекратилось. Кажется, лодка легла в дрейф. Обычно, когда она находится в погруженном состоянии, это означает одно – акустик услышал шум винтов судна противника, и капитан приказал застопорить двигатель. Но, видимо, наверху тоже были опытные вояки. Оглушительный грохот раздался снаружи, совсем рядом с подводной лодкой. Раз за разом за обшивкой рвались глубинные бомбы. От множества взрывов все вокруг зазеленело, затрещало, заходило ходуном, погасло освещение. Несмотря на свои размеры, субмарина запрыгала, как норовистый конь. За дверью раздался крик ужаса – это не выдержал нервного напряжения часовой.

– Придурок, – прошипел Ланселот, подскочив к запертой двери, – немедленно заткнись!

Неизвестно, услышал ли его матрос или нет, но орать перестал, и тут наступила полная тишина. Видимо, противолодочный корабль сбросил первую партию глубинных бомб и пошел на разворот, чтобы начать все заново. Ланселот не знал, радоваться ему или нет: с одной стороны, их явно засекли, и значит, свои уже здесь, но с другой – как-то не хотелось погибать, хотя бы и вместе с врагом, тем более что ему уже стало жутко интересно и хотелось увидеть подземный мир, или что там у них есть.

В перерыве между атаками капитан постарался опустить лодку как можно глубже, – это было понятно по звукам выходящего из балластных цистерн воздуха. Противник не мог знать, на какую глубину может опуститься сверхсубмарина, а она, по-видимому, умела это делать лучше обыкновенных подлодок. Но тут морской охотник вернулся и приступил ко второй серии бомбометания. Взрывы сотрясали лодку снова и снова, и каждый мог оказаться роковым. Запас бомб наверху, казалось, был неиссякаем. К счастью, взрыватели, по-видимому, были установлены на меньшей глубине, чем смогла опуститься субмарина, и заряды рвались выше, не в силах повредить оболочку корпуса – иначе конец был бы неминуем. Тем не менее эхо от взрывных волн било в виски так, что, казалось, голова находится в огромном пустом барабане, по которому нещадно лупит биллом великан. И вот опять временное затишье, за которым снова скоро последует ад. Однако минута шла за минутой, а взрывы не возобновлялись. Охотник ушел или притаился в засаде. Через некоторое время раздался звук продуваемых балластных цистерн, и подлодка начала всплывать. Потом легкий толчок, и движение прекратилось, видимо, она достигла поверхности.

Вдруг дверь каюты распахнулась, на пороге стоял Томпсон. Против обыкновения, он казался взволнованным:

– Ланс, быстрее следуйте за мной, сейчас вы сами все увидите. – И рванулся по коридору. Ланселоту, чтобы поспеть, пришлось чуть ли не бежать за ним, японский охранник следовал замыкающим. Освещение на подлодке уже заглохло, хотя как-то странно мигало, но, так или иначе, через некоторое время они оказались перед нижним люком, ведущим в рубку и на ходовой мостик. Находившийся там японский офицер, видимо предупрежденный заранее, открыл люк, и Томпсон, а за ним и Ланселот взобрались по лестнице наверх. В легкие сразу ворвался холодный и влажный морской воздух, а на лицо упали соленые брызги от накатывавших на рубку волн. На мостике стояли Штокхаузен и Хашимото. Немец взглянул на Ланселота и, указывая рукой вперед, сказал:

– Ну что ж, господин скептик, смотрите, как вам понравится *это*? Вот наш преследователь!

Ланселот взглянул и обмер. На расстоянии менее мили был виден эсминец, по обводам английский. Но «виден» – это не то слово, потому что он просто сиял в падавших на него сверху странных фосфоресцирующих лучах, точнее, одном мощном конусовидном луче, исходявшем из какого-то большого круглого светящегося объекта, который висел над кораблем на высоте примерно в тысячу – полторы тысячи футов. Объект был явно искусственного происхождения, поскольку отливал металлическим блеском, а по его бокам мерцали сиреневые, зеленые и жел-

тые огни. Луч же был не сплошной, а состоял как бы из лежащих друг на друге колец, образующих конусообразный, расширяющийся книзу столб или коридор, в котором что-то искрилось, будто затянутые в вихрь снежинки. На эсминце, оказавшемся внутри основания этого светового конуса, не было заметно никакого движения, он словно вымер. Зато сам корабль заметно подергивался вверх то носом, то кормой, как бы в килевой качке, а затем стал медленно и страшно подниматься над поверхностью океана. Казалось, что луч пытается втянуть в себя весь корабль. Но когда над водой показался киль, подъем судна прекратился, зато с его палубы продолжали взлетать различные предметы, и среди них десятка два цилиндров, казавшихся с такого расстояния крошечными. Однако Ланселот с ужасом опознал в них глубинные бомбы, которые обычно располагаются прямо на палубе эсминца. Вдруг конусовидный луч искривился, и все, что было поднято им в воздух рухнуло обратно в воду. Резко опустившийся вниз эсминец бешено запрыгал по волнам, колыхаясь и черпая бортами, а бомбы попадали в воду, но не рядом с ним, а немного в стороне. Поскольку на бомбах в их боевом положении взрыватели всегда уже установлены и активированы, Ланселот с замиранием сердца стал ждать того, что должно было случиться, непроизвольно начав мысленный отсчет. Вдруг вода вокруг эсминца взбухла широким белым холмом, на вершине которого он на миг оказался. До подводной лодки докатился чудовищный грохот одновременно сдетонировавших зарядов, который не смог полностью заглушить даже слой воды толщиной в несколько сот футов. Водяная гора с шумом опала, гоня перед собой высокие концентрические волны, а эсминец снова рухнул вниз, погрузившись в воду по самую мачту, но затем вынырнул, качаясь на волнах. Слава богу, он, кажется, был цел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.